

ЛЕГЕНДЫ ПРЕСТУПНОГО МИРА

ЛЕНЬКА ПАНТЕЛЕЕВ КОРОЛЬ НАЛЕТЧИКОВ

ШИКАРНО ГРАБИЛ
И ШИКАРНО ЖИЛ

СПОКОЙНО, ГРАЖДАНЕ, ЭТО НАЛЕТ!

МИХАИЛ КНЯЗЕВ

ЭКСМО

МИХАИЛ КНЯЗЕВ

**ЛЕНЬКА
ПАНТЕЛЕЕВ**

ЭКСМО-ПРЕСС

2 0 0 1

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 54

Оформление художника *Е. Савченко*

Князев М.
К 54 **Ленька Пантелеев: Роман.** — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 384 с.

ISBN 5-04-007337-2

Одно его имя повергало в ужас нэпманов всех мастей. Он был везуч, нагл и талантлив. Он очаровывал женщин, даря им шубы и золотые кольца, и те в ответ поставляли ему информацию о богатых клиентах. Ленька Пантелеев являлся королем налетчиков и самой колоритной фигурой среди лихих людей Питера. Для него не существовало невозможного. Он мог убежать из тюрьмы в ночь перед оглашением приговора и дерзко ограбить одну квартиру за другой под носом у лучших сыскарей ГПУ. Для него жить означало воровать, а если умереть, то только в драке. Судьба такого человека, прозванного в народе Робин Гудом, никого не оставит равнодушным. Ленька Пантелеев по кличке Фартовый стал легендарным при жизни, а такие легенды живут долго. Эта книга — лишнее тому подтверждение.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-007337-2

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 2001

ГЛАВА 1

Смутное, тревожное время. Время первых лет существования нового государства. Страна буквально стонет от потрясений, которые следуют одно за другим. Ослабленная гражданской войной, измученная голодом и разрухой, Россия все же смогла устоять. Теперь ей необходимо было навести порядок в своем еще не окрепшем доме. А сделать это в тех условиях было далеко не просто.

1922 год, Петроград

Северная столица нашей родины в ту пору являла собой пример «города контрастов». Виной тому — начавшийся период новой экономической политики, сокращенно — НЭП. Это была первая попытка Советского правительства решить экономические проблемы экономическими же методами с целью преодоления глубочайшего кризиса в этой сфере.

Разрешив частное предпринимательство, правительство добилось того, что некоторые граждане достаточно резко улучшили свое благосостоя-

ние, делая деньги чуть ли не из воздуха, — благо ситуация была подходящая.

Большая же часть граждан не успела сориентироваться в новых, непривычных условиях существования.

А если есть два класса, то есть и классовая ненависть. И всегда найдутся люди, которые от отчаянья ли, из принципа ли решат заново «экспроприировать экспроприированное», не стесняясь в средствах. Этих людей было не так мало, и они, как черные тучи, держали в страхе весь город.

Вооруженные налеты в то время являлись наиболее популярным способом заработать на жизнь. Ими занимались те, кому не хватило места под нэпманским солнцем. По большей части это были несчастные «любители», которые попадались сразу же после совершения налета, сбывая с рук краденое или пропивая добычу в ближайшем кабаке.

Но, кроме этих простаков, существовали профессионалы, заставлявшие дрожать обывателей. Была в то время такая профессия — вор.

* * *

4 марта 1922 года, 4 часа пополудни. Улица Плеханова, дом 39. В быстро наступающих сумерках движутся сгорбленные от пронизывающего ветра фигуры горожан, спешащих укрыться в своих домах до наступления темноты.

В подворотне напротив курят двое мужчин, то и дело поглядывая на освещенные окна второго этажа.

— Как ты думаешь — пора? — спрашивает здоровяк в кацавейке, переминаясь с ноги на ногу.

— Не, погоди, — отвечает второй, одетый в серую шинельку и буденновку, щурясь от попавшего в глаза дыма. — Мадама с фраером только ушли, пусть все утихнет.

Они молча курят.

— Ленька, а эта твоя лярва часто брешет? — спрашивает опять первый.

— Ты к чему?

— К тому, что, может, квартира — паленая, а?

— Не парься, дядя. Собака брешет, — сплевывает тот, которого называли Ленькой. — Дело верное. Пошли.

Они затаптывают окурки и идут в подъезд, засунув руки глубоко в карманы.

На криминальном небосклоне славного Питера загорается новая звезда — Ленька Пантелеев, впоследствии известный как Ленька Фартовый. Счастливчик то есть.

* * *

Ленька Пантелеев родился в Санкт-Петербурге в 1902 году и не покидал его целых восемнадцать лет своей жизни. Он знал этот город вдоль и поперек, со всеми его улицами, линиями, каналами и трущобами, со всеми его медными всадниками и каменными львами. Город был красив и грозен, и в его воздухе витал дух просвещенности.

Может быть, именно поэтому, а может, по воле строгого родителя — теперь уж этого никто

не узнает — Ленька выбрал себе такое ремесло — печатник. Проработав учеником наборщика в частной типографии без малого пять лет, Ленька познал на себе все прелести подневольного труда и зависимого положения. Ухудшая зрение, складывая при тусклой лампе из жирных литер стишки и романы для дам, Ленька раз и навсегда решил, что, когда вырастет, купит себе собственную типографию и уж тогда...

Когда ему исполнилось пятнадцать, грянула революция. Ленька забросил литеры и бегал с вытаращенными глазами по бурлящим улицам, крича и разбрасывая листовки. Ему очень понравилась революция — главным образом потому, что не нужно было ходить на работу. А еще было здорово, что прогнали толстого немца — хозяина типографии и типография перешла в руки новой власти.

К полному неудовольствию родителей, Ленька дни и ночи проводил в обществе городской шпаны и вносил свой активный вклад в наведение беспорядка на улицах любимого города, который и назывался-то теперь по-другому.

Как только началась гражданская война, Пантелеев, не задумываясь ни на минуту, подался на фронт добровольцем. Его воображение пленили затянутые в кожу витязи, сидящие на нервно гарцующих конях и размахивающие «маузерами». Пантелеев был твердо уверен, что стоит ему геройски отличиться, как он немедленно превратится в нечто подобное. Уже одна возможность

подержать в руках винтовку со штыком приводила Леньку в неопиcуемый восторг, а новая колючая шинель и буденновка с ярко-красной звездой делали его серьезнее и важнее.

И Ленька попал на фронт вместе с такими же, как и он, необстрелянными шкетами, которые только вчера играли во дворе на гармонике или ковырялись с родителями в огороде. На фронте оказалось неожиданно страшно. Постоянно было холодно и голодно, кусали вши и загнивали раны. Почти все время рядом с Ленькой кто-то падал и захлебывался собственной кровью.

Зажмутив глаза, Пантелеев палил из окопа куда попало. Так впервые ему пришлось убивать людей. Убивать, чтобы не быть убитым самому.

Однажды их полк попал в окружение. Уже давно кувыркнулся со своего вороного коня их бравый комполка, уже давно захлебнулся и умолк верный «максим», уже все вокруг уткнулись юными лицами в землю, а Ленька вся стрелял и стрелял, яростно, до боли в пальцах дергая за курок.

Настал момент, когда, нажав на курок, Ленька не услышал оглушительного грохота у своего уха. Патроны кончились. Тогда он открыл глаза и увидел перед своим лицом начищенные хромовые сапоги и заправленные в них галифе. Молодчик в сдвинутой на одно ухо папахе играл хлыстом и улыбался:

— Шо, хлопец, попался? — засмеялся он.

Так Ленька попал в плен.

В плену он пробыл недолго. Его гордая свободлюбивая натура не могла смириться с жизнью в

неволе. Он с ненавистью отвергал предлагаемую врагами пищу и плевался в ответ на все предложения присягнуть очередному «батьке». От него вскоре отстали, решив, видимо, расстрелять. Ленка нутром почувствовал приближение гибели и стал зыркать по сторонам, ища возможности побега. И способ был найден.

Пленных содержали в каком-то дощатом сарае с соломой, постеленной прямо на земляной пол. С тылу к сараю прилегал заброшенный сад, в котором теперь росла лебеда в человеческий рост.

Дождавшись, пока недисциплинированный охранник отойдет «до ветру», Ленка разбудил «сокамерника», и они вместе протиснулись в вырытую заранее щель под задней стенкой сарая. После этого они припустили через сад во весь дух, благо связаны у них были только руки.

Им повезло — они смогли скрыться от погони. Ленкин спутник заспешил куда-то на юг, подальше от линии фронта. Пантелеева же с огромной силой потянуло на родину, в родной Питер, тем более что война, кажется, подходила к концу.

Прибыв в город, Ленка, воспользовавшись счастливой возможностью, устроился курьером в местную ЧК. Он был парень молодой, смысленный и исполнительный, а потому очень быстро завоевал расположение начальства. Ему поручали доставлять самые важные пакеты, и где-то впереди уже маячило повышение. Получая паек, Пантелеев чувствовал себя вполне сносно — дети пока у него дома не плакали.

В один из немногих летних погожих вечеров Пантелеева задержали на работе допоздна. Как он ни старался вырваться из цепких рук своего начальства — у Леньки была назначена встреча романтического свойства, — ничего не выходило.

— Важное сообщение ждем из Москвы, — покровительственно улыбаясь, сообщил ему начальник и велел поставить самовар, пока суд да дело.

Напившись чаю из железной кружки и совершенно отчаявшись увидеть сегодня свою зазнобу, Ленька дремал в уголке, когда дежурный красноармеец потрепал его за плечо:

— Пантелеев! Срочно доставить пакет к товарищу Аксенову, на Вторую линию, пятнадцать! — и протянул Леньке толстый, перевязанный бечевой и закапанный сургучом пакет.

Ленька встрепенулся и, споро перебирая ногами, отправился по указанному адресу. Занеся пакет, он с радостью обнаружил, что находится неподалеку от заветного дома.

«Где эта улица, где этот дом...» — замурлыкал Ленька, сдвигая кепку на глаза и засовывая руки поглубже в карманы. Однако, подойдя к подъезду, где жила «эта барышня», Ленька понял, что для официальных визитов время уже позднее и строгие родители вряд ли одобряют его идею повидаться с девушкой.

Тогда Ленька поплевал на руки и полез по водосточной трубе, пытаясь добраться до балкона ее комнаты. Не успел он миновать балкон второго этажа, как в подъезде раздался какой-то шум, бе-

готня и выстрелы. Ленька замер на трубе, как испуганная кошка, вжав в плечи свою каштановую голову.

— Ой, мамоньки мои! — присвистнул он. — Ну чисто как на фронте!

Он уже было хотел продолжать свой путь, как мимо его уха знакомо просвистела пуля, отбив штукатурку рядом на стене.

— А ну слазь, я тебе говорю! — раздался снизу сердитый окрик. — Слазь, паскуда, не то я тебя сам сниму!

Ленька предпочел не спорить с товарищем, главным аргументом которого была заряженная винтовка, и стал поспешно спускаться на землю, обдирая локти и колени.

На земле его схватили, скрутили и повели куда-то, то и дело подталкивая в спину прикладом. Ленька не возражал: вполне могло быть, что по девичьим балконам по ночам лазать противозаконно. Кто их теперь знает, эти законы.

Его привели в участок и, ни слова не сказав, посадили в камеру, где уже «парилось» полтора десятка самых разнообразных личностей.

— Здравствуйте, товарищи! — бодро воскликнул Ленька, когда за ним захлопнулась тяжелая железная дверь.

— Навозный жук тебе товарищ! — мрачно отозвался один из лежащих на полу здоровяков.

Остальные даже не повернулись. Ленька еще раз улыбнулся и сел в свободном уголке, понимая, что в любом обществе нужно сперва стать своим.

Пантелеев еще не знал, что своим в этом обществе стать ему пока не суждено. В этой камере были сплошь люди, стоявшие для Леньки по ту сторону баррикады: спекулянты, домушники, форточники, щипачи. В общем, вся та братия, что до сих пор сливалась для него в неразличимую массу — «преступный мир». И вот теперь из этой массы выделилось лицо.

Лицо было тонкое и горбоносое, со змеящимися в ехидной улыбке губами и прищуренными черными глазами. Лицо появилось рядом и насмешливо спросило:

— Табачок есть, служивый?

— Конечно, есть! — сказал Ленька, обрадовавшись возможности завязать дружбу с обитателями камеры.

Он достал из внутреннего кармана вышитый кисет и протянул чернявому незнакомцу:

— Угощайтесь, товарищи, — громко объявил он, обводя всех присутствующих сияющими глазами.

Все снова засмеялись, но табак стали брать, не стесняясь, загребая по доброй щепоти, пока в кисете ничего не осталось.

— Эх, ты, тюря! Сам-то без курева остался, — констатировал незнакомец, слюнявя край самокрутки.

— Это ничего, — утешил его Ленька. — С утра еще куплю.

Все опять чему-то засмеялись.

— С утра-а? — спросил чернявый, и глаза его впервые округлились. — Ой, мамочка моя! С утра!

Пантелеев не понимал, отчего все так веселятся, но предпочитал смеяться за компанию.

— И за что ж тебя, голубь сизый, к нам сюда определили? Или папеньку за нос ущипнул? — продолжал балагурить чернявый, выпуская струю дыма прямо Леньке в лицо.

Леньке это не понравилось, но виду он не подал, а терпеливо и обстоятельно отвечал:

— А я по трубе лез.

— По тру-убе? — протянул его нахальный собеседник, поворачивая свою курчавую голову к остальным. Те опять заржали, уже, видимо, реагируя на каждое слово своего шута.

— И куда ж ты, шкет, лез по трубе? К девушке на свиданку, а? — толкнул Пантелеева в бок собеседник.

— А вы откуда знаете? — удивился Ленька.

— Да мы тут все — любители девушек, — хлопнул он по плечу Леньку. — Значит, к девушке?

— К девушке, — кивнул Ленька.

— На свидание?

— Ну да.

— Так следователю и скажешь?

— Какому следователю? — удивился Пантелеев.

— А такому, который метит долго, да бьет метко — вот какому.

— А за что это он меня будет бить? Я ж не сделал ничего.

— Фуй, дурында, — махнул на Леньку рукой курчавый и отошел, считая, что цирк уже исчерпал себя.

Ленька никак не отреагировал на его уход. Он свернул куртку, положил ее под голову и улегся спать — время было позднее, а завтра — на работу.

* * *

Как оказалось, на работу завтра ему идти не пришлось. Как и послезавтра, и в последующие дни.

На следующее утро Пантелеева вызвали к следователю и попросили подписать какую-то бумагу. Ленька чуть было не поставил под ней свою закорючку, но вовремя остановился. Недолгий опыт работы с документами подсказал ему, что нужно сперва прочитав то, что подписываешь.

Документ оказался прелюбопытнейшим. В нем был подробно расписан его, Леньки, протокол допроса, из которого становилось ясно, что он, Пантелеев, полностью признает свою вину и признает свое членство в банде налетчиков.

Ленька чуть ли не впервые в жизни порадовался тому, что умеет читать — можно было так глупо вляпаться...

— Это что? — с недоумением спросил он у следователя.

— Подписывай, подписывай, — недовольно проворчал тот. — Все одно — посадим.

— Нет уж, товарищ, вы мне объясните. Когда это я сознавался в том, чего не совершал? — настаивал Ленька.

Следователь устало вздохнул.

— По трубе лез? — спросил он.

— Ну, лез.

— А что тебе еще надобно? Подписывай.

— Не стану. В том, что по трубе лез — виновен. А в банде не был и ни у кого ничего не крал.

— Вот ты упрямый какой! — вздохнул следователь. — Ну ладно. Отпирательство и сопротивление следствию — так и запишем. Сидорчук! — громко крикнул он в коридор.

Явился боец, который провожал Леньку из камеры.

— Приведи гражданку Кабо. Тут один архаровец отпирается.

Боец скрылся и вернулся в обществе благообразной старушечки, одетой в лисий палантин. На носу у старушки блестело золоченое пенсне, а взгляд ее горел негодованием.

— Амалия Викторовна, посмотрите внимательно — этот человек был у вас в квартире? — с нажимом спросил следователь.

— А как же? Безусловно, был, — с готовностью закивала головой старушка.

— Уведите, — удовлетворенно кивнул следователь.

— Нет, постойте! — сердито заявил Пантелеев. — Как это — был, если я эту почтенную даму и в глаза-то не видел! Бабушка, вы повнимательнее присмотритесь — может, другой?

Амалия Викторовна сердито поджала губы:

— Ну, знаете, молодой человек! Я, конечно, стара, но еще не слепа! Вы, голубчик, в моем сун-

дуке рылись да служанку в углу прижимали. Внучек!

— Товарищ следователь, не было этого! Я по трубе-то лез к своей знакомой, а эту гражданку я впервые вижу! К тому же, товарищ следователь, я настаиваю, чтобы процедура была вами соблюдена с точностью. Разве мадам должна не из трех человек узнать, с кем она раньше виделась?

Удивленный такой осведомленностью в следственных процедурах, следователь покрутил головой, но возразить ничего не посмел.

— Уведите обоих, — решил он не форсировать пока события.

Вернувшись в камеру, Пантелеев не сел в угол, как раньше, а стал возбужденно ходить по камере, то и дело наступая на чью-нибудь конечность и чертыхаясь.

Дремавший в своем углу чернявый парень приоткрыл один глаз и уставился на Ленку с нескрываемым любопытством.

— Эй, малый! Ты чего, как крыса на танцклассе, снуешь туда-сюда? Угомонись уже, голова кружится, — проворчал он, продолжая следить за траекторией Ленкиного движения.

Пантелеев только отмахнулся. Он был парнем неглупым и понимал, что если старушенция упрется в своих показаниях, то он просто погибнет по недоразумению. Теперь он мерил шагами камеру и придумывал выход из этой нелепой, но очень опасной ситуации. Курчавый вдруг сделал Ленке подножку. Тот растянулся плашмя, под-

мыв под себя самого злобного жителя этой камеры — домушника Борова. Боров подскочил, как бешеный заяц, и, не разобрав спросонья, стукнул по голове лежащего рядом спекулянта Фердыщева. В одну минуту завязалась общая потасовка, где больше всех досталось Пантелееву, который пытался всех разнимать.

Прибежала охрана, поработала прикладами винтовок. Осмотрев синяки, вытащили из камеры самого разукрашенного, которым оказался Пантелеев.

— Заложит, — вжал в плечи голову чернявый.

К его удивлению, происшествие осталось без последствий. Пантелеев еще в армии усвоил, что фискалить на товарищей — занятие, недостойное мужчины.

Чернявый проникся к Ленке необъяснимой симпатией, которая, непонятно почему, начала зреть в нем с первого момента появления в камере новичка. В конце концов он чем-то выделялся на фоне общей массы закосневших мошенников.

Чернявый подвинулся поближе к Ленке и протянул ему свою узкую ладонь.

— Вольман, — отрекомендовался он. — Глава корпорации «Вольман и К^о».

— Нэпман, что ли? — переспросил Ленка, пожимая мягкую, явно праздную ладонь.

— Типа того, — туманно отозвался Вольман. — Ты-то кто, любитель барышень?

— Я — Ленка. Пантелеев. Служащий.

— Отличка, — удовлетворился Вольман.

Так состоялось первое знакомство «короля наркоманов» Вольмана и будущей грозы Петрограда — Пантелеева.

ГЛАВА 2

Вольман был фигурой в высшей степени примечательной. Впоследствии, когда его спрашивали о том, какой интерес был у него в восемнадцатилетнем пацане, с которым судьба свела его в следственном изоляторе, где Вольман сидел за спекуляцию, а Пантелеев — по подозрению в участии в налете, Вольман разводил руками, пожимал плечами и объяснял все своим прирожденным чутьем контрабандиста, подсказавшим ему, что он наравлся на золотую жилу.

Сам же Вольман недаром именовался «королем наркоманов». На углу Пушкинской и Невского проспекта не было в свое время человека знаменитей. Начав мелкого пошиба мешочником, Вольман вскоре стал главой целой нелегальной корпорации, которая спекулировала самыми выгодными товарами. Это были наркотики, оружие, фальшивые документы. Впрочем, на момент знакомства с Пантелеевым Вольман был еще только крупным спекулянтом продуктами — и ничего более.

В его мозгу постоянно зрели какие-то грандиозные планы и невероятные аферы, которые должны были принести ему сверхприбыли. Единственное, чего не хватало Вольману — хладнокровия. Именно его эмоциональность подчас его и подво-

дила. То он увлечется беседой с симпатичной дамочкой и прохлопает патруль, то психанет и продаст за бесценок партию товара. А, впрочем, его хитрость компенсировала все его промахи — Вольман процветал.

Пантелеев же показался спекулянту Вольману личностью цельной и добросовестной. При умелом с ним обращении, думал Вольман, можно получить себе простодушного сообщника, на которого можно будет впоследствии свалить все свои грехи и остаться в стороне. Этот блестящий план созрел в мозгу Вольмана мгновенно, и предприимчивый малый тут же приступил к его осуществлению.

— Скажи, Леня, а что ты по жизни получаешь за свой нелегкий труд? — издалека начал Вольман, заглядывая своими черными глазами прямо парню в душу.

— Нормально получаю, будь спокоен, — Леня не хотел обсуждать денежные вопросы с посторонними.

— И что, Ленечка, ты в органах собираешься работать, пока зубы не выпадут?

— Как получится, — пожал плечами Пантелеев.

— Вот что, Леня. Я душой кривить не люблю и скажу тебе, паря, без всякого стеснения: жалко тебя, моя голуба, аж хоть плачь. Загубишь ты свою молодую жизнь, как пить дать.

— Это еще почему? — насмешливо спросил Леня.

— А потому, дорогой ты мой, что упustiшь ты

момент своего счастья и будешь потом кусать себе локти и пальцы на ногах — а поздно. Паровоз твой, Ленечка, уйдет в светлое вчера, и ты даже свистнуть не успеешь.

И Вольман пустился в пространные объяснения по поводу того, как он себе представляет Ленькину загубленную молодость и как он, Вольман, собирается ее спасти.

Ленька долго вежливо слушал излияния хитрого лиса и подытожил:

— Ты что ж, жидовская твоя рожа, меня в мешочки сватаешь? Это ты брось — я эти ваши штучки никогда не любил и любить не стану. Вот построим коммунизм, тогда посмотришь, кому тошно жить будет, — гневно закончил свою отповедь Пантелеев.

— Уй-ты, уй-ты, чистоплюй! — поддразнил его Вольман. — Смотри, бедолага, отрыгнется тебе твой патриотизм. Ну, если что — мы не гордые. Передумаешь — подходи на угол Пушки, спроси там Вольмана, тебе любая собака пролает.

— Спасибо, не нуждаюсь, — гордо отозвался Ленька.

Вольман пожал плечами и отстал. Пантелеев надвинул на нос фуражку и заснул.

Так произошла их первая, но отнюдь не последняя размолвка.

* * *

В камере предварительного заключения Пантелеев просидел достаточно долго. Все это время следствие пыталось «пришить» ему участие в на-

лете, а Ленька, в свою очередь, упрямо стоял на своем — «ничего не знаю и никого не грабил». Одним упрямством, конечно же, он ничего бы не добился. Но, кроме этого качества, у него было еще и знание буквы закона — имел возможность понаблюдать за «кухней» следствия на старом месте работы.

Он настаивал на проведении экспертиз, дознаний и очных ставок. Он совершенно не собирался расставаться со своей молодой жизнью из-за какого-то недоразумения. А в те времена это было запросто. За вооруженный налет могли впясть расстрел — законы военного времени, ничего не поделаешь.

И он добился своего. Ограбленная бабуленция признала, что не Леньку видела она в своей квартире, а совсем другого человека — никаких следов и отпечатков Ленькиных пальцев и подошв в помещении и рядом с ним не нашли. И все арестованные преступники заявили, что этого шкета впервые в жизни видят, да и прошлое у Леньки было безупречным.

Следователь, поскрипев зубами, выписал распоряжение на освобождение из-под ареста, и Ленька помчался на работу прямо с проходной следственного изолятора.

В его родном отделении ЧК Леньку встретили прохладно. Вызвали прямо к главному — Курылеву. Тот посмотрел на Леньку зверем и сказал:

— Сдайте оружие, молодой человек, и ступайте за расчетом.

Ленька стоял, как громом пораженный, и смот-

рел на каменное лицо начальника. Приказы старших обсуждать было не принято. Пантелеев козырнул, повернулся на каблуках и, печатая шаг, прошагал за дверь. За дверью он опустился на стул и задумался.

Дело было ясное, что дело темное. Ничего удивительного в том, что его попросили убраться из органов, для Пантелеева не было. Он бы и сам поступил так со всякой сволочью, которая подняла руку на народное добро. Правда, никакое оно было не народное, а самое что ни на есть буржуйское. Но это было не принципиально.

Однако он-то был ни в чем не виноват — в этом удалось убедить даже строптивного следователя! Пантелеев хотел было вернуться и сказать об этом своему грозному начальнику. Но его удержала элементарная гордость, и он побрел за расчетом.

Уволившись из ЧК, Ленька немедля занялся поисками работы.

В Петрограде того времени это было делом не из легких, и Ленька это знал. Но в нем была жива уверенность, что пролетарий с умелыми руками и желанием трудиться всегда найдет себе пропитание. Первым местом, куда он отправился, была биржа труда.

Подойдя к серому трехэтажному зданию, Пантелеев увидел хвостатую очередь, но значения ей не придавал. В ту пору были большие перебои с продовольствием — страна голодала, и ее жители еще не вполне перешли с карточной пайковой системы на нормальную денежную. Поэтому очереди за хлебом были явлением будничным. Ленька про-

пихался сквозь толпу ко входу в здание, но на пороге встретил жесточайший отпор:

— Куда прешь? — толкнул его в лицо борода-тый мужик в армяке. — Не видишь — очередь?

— Так я на биржу, — примирительно сказал Ленька, уворачиваясь от многочисленных тычков, которые посыпались на него со всех сторон.

— А мы куда? — взвизгнула малорослая, но бойкая баба, оттирая Леньку из толпы локтями.

Пантелеев вылетел из очереди, как пробка, и ужаснулся. Он и не ожидал, что к помещению биржи, что находится на третьем этаже, очередь протянется до самой улицы. Но это было действительно так.

Кризис производства привел к тому, что большинство государственных предприятий разорилось, выкинув огромные толпы рабочих на улицы. С другой стороны, разорение крестьянских хозяйств, вызванное войной и большевистской продразверсткой, заставило сельское население бросать насиженные места и искать убежища в городе. Северная столица привлекала огромные толпы мигрирующих из мест недавних боев мирных жителей. Но город был не резиновый, и в нем мало где теплилось какое-то производство — новая экономическая политика только-только вступала в права и не успела еще оказать заметного влияния на экономику.

Именно поэтому безработица стала в ту пору одной из серьезнейших проблем, с которой теперь предстояло столкнуться Пантелееву. Леньке пришлось поселиться здесь же, в очереди, где люди

спали, ели и ждали. Когда он был уже на втором этаже, поступило распоряжение в первую очередь предоставлять работу коренным жителям Петрограда. Пантелеев таковым являлся, а потому, к общему хмурому недовольству, попал в заветный кабинет уже через три часа.

Толпа сдвинула и выплюнула его к столу, за которым сидел интеллигентного вида изможденный человечек и быстро заполнял формуляры.

— Документы, — не поднимая головы, протянул он руку.

Ленька сунул в его сухую ладонь свои метрики и трудовую книжку. Изможденный человек быстро изучил первый лист:

— Печатник? — удовлетворенно протянул он. — Пойдете в типографию «Красный Октябрь» — там наладчика прессом раздавило.

Он стал было что-то писать на бланке, и Ленька не поверил своему счастью — все так быстро решилось. Но потом взгляд чиновника упал на последнюю страницу трудовой, потом — на листы характеристики, и он скомкал бланк и прищелкнул языком:

— Не годится. Следующий! — уже кричал он в толпу.

— Как — не годится? Почему — не годится? — недоумевал Пантелеев, глядя на острую бородку человека.

— Неблагонадежных не берем. Желающих с хорошей репутацией предостаточно. Не задерживайте очередь, молодой человек.

И Леньку оттеснили от стола, и он, влекомый

течением озлобленных человеческих масс, был выброшен на улицу значительно быстрее, чем поднялся наверх.

Он стоял посреди улицы, промокая под одним из первых осенних дождей, и понимал, что случилось что-то достаточно серьезное в его жизни — серьезное и неприятное.

* * *

Случилось в этот момент в его жизни и кое-что посерьезней — умер отец. Быстро похоронив главу семейства, с которым он не успел даже попрощаться, Ленька сразу же остался совсем без семьи. Его матушка, не видя возможности выжить без мужской поддержки в условиях суровой питерской действительности, собрала вещи и уехала к сестре на Урал. Квартиру они продали, чтобы выручить достаточно денег на дорогу. Ленька был слишком горд, чтобы пожаловаться матери на свое бедственное безработное положение, и Анфиса Петровна уехала к родственникам в полной уверенности, что ее сын — уважаемый гражданин и неплохо оплачиваемый работник.

Проводив взглядом поезд, который уносил из города единственную родную душу, Ленька подумал о своей жизни и содрогнулся. У него только и осталось, что сапоги, шинель да долги за квартиру, которую он снимал.

Сдаваться, однако, он не собирался. Он пооббивал пороги всех немногочисленных предприятий и организаций, которые начали свою дея-

тельность в послевоенном Петрограде. Но нигде ему ничего не светило.

Некоторое время Ленька перебивался в качестве поденщика — там дров нарубит, там крышу залатает. Но всех этих заработков только и хватало, чтобы поесть да в общественной бане помыться. С неумолимостью приближались холода, а с квартиры его выгнали.

Ленька освоил нехитрый навык ночевок на вокзалах да чердаках, но близость зимы сильно его беспокоила. Пантелеев стал отчаянно придумывать, как бы ему заработать достаточно денег, чтобы снять себе хоть какую-нибудь комнатуху. У работников государственных учреждений с этим проблем не было — им давали комнаты в общежитиях. Бездомного и безработного Пантелеева к общежитиям близко не подпускали — мало ли нищих по городу шляется.

Ленька попробовал заняться каким-нибудь прибыльным делом. Сперва он купил ваксы и пробовал чистить ботинки. Однако бойкие мальчишки перехватывали у него всю клиентуру, да еще и поиздеваться над ним умудрялись:

Здоров герой —
Карман с дырой,
Грязный, как вакса,
На носу — клякса!

Конкурировать со столь почтенной публикой у бывшего бойца Красной Армии не было ни сил, ни желания, а потому, достаточно помучившись, Пантелеев пошел в работники к новым богачам.

Ленькиными хозяевами стали зажиточные торговцы продовольствием — Линевы. Эта досточтимая семья успела сколотить себе порядочное состояние и жила, в отличие от своего нового работника, беззаботно. Линевы занимали верхние комнаты двухэтажного особняка, в нижних же находилась бакалейная лавка, цены в которой и были той причиной, по которой они могли позволить себе держать прислугу.

Гражданка Линева была толста, как медведица, и больше всего в жизни любила одеваться в меха и пить чай вприкуску с конфетами. Ее муж, которого она называла Бобриком, был ипохондриком и много денег спускал на лекарства и врачей. Именно Степан Иванович Линева подобрал отчаявшегося парня на улице, когда выходил из аптеки.

Линева было лень тащить пакет с лекарствами, а брат извозчика не имело смысла — до дома рукой подать. Его взгляд зацепился за прислонившегося к столбу мужчину.

— Милейший! — крикнул он, махнув пухлой ручкой. — Поди-ка сюда!

Пантелеев приблизился.

— Хочешь заработать? Донеси пакет вон туда, — он ткнул тростью в подъезд, до которого было не более двадцати шагов.

Пантелеев молча взял пакет и понес его в указанном направлении. Линева поковылял за ним. Поднявшись в свою квартиру, Линева велел прислуге — молоденькой девице — принести парню

водки. Ленька выпил и тут же свалился: его истощенный организм не выдержал действия алкоголя.

— Мамочка! — прокричал в глубь комнат Лиев. — Мамочка, принеси соли — у молодого человека обморок.

Когда Пантелеева привели в чувство и покормили, у него стали выяснять, чем он занимается. Когда выяснили, что ничем, предложили остаться у них на побегушках — им давно был кто-то нужен.

Пантелеев тяжело вздохнул и согласился.

* * *

Не сказать, что жизнь Леньки с этого момента совершенно наладилась. Он спокойно выполнял все поручения, однако душа была не на месте. Он наблюдал ленивое течение этой незатейливой жизни и дивился. Свежа в памяти была еще типография толстого немца Штильке и подневольный труд, который лишил его детства. Еще помнил он запах порохового дыма на тех грязных полях сражений, где отстаивал завоевания нового мира. И вот — опять господ, как и не исчезали вовсе. И это Леньке было непонятно и неприятно.

А незамысловатый быт произвел на него неизгладимое впечатление. Пантелеев в жизни никогда не видел роскошь вблизи — не имел такой возможности. А тут — перины пуховые, пироги сдобные, часики золотые и обед — пять раз в день. Чем тебе не жизнь?

Часто, надраивая серебро, Ленька думал, чем

же он, собственно говоря, хуже? Отчего он, кто заслуживал жить так же беззаботно, в тепле и сытости, как нищий беспризорник мотался столько времени по улице, чуть не умирая от голоду? И начала зреть в его душе смутная обида на несправедливость этого подлого мира, где все — обман и издевательство.

Так бы и продолжил Пантелеев возмущаться и негодовать молча, кушая с господского стола и одеваясь по их же милости. Да только вот случай помешал.

* * *

В доме Линевых, как было уже сказано, еще до Леньки жила прислуга — девчушка совершенно романтических лет. Эта девочка была сиротой и состояла в дальнем родстве с хозяйкой. Однако, как это водится с бедными родственниками, была взята в дом только из милости и постоянно получала нагоняи — к случаю и без случая.

Эта забитая девушка мало в своей жизни видела доброго, а натурой была невероятно мечтательной. Именно поэтому, когда в доме появился молодой человек приличной наружности, Лидка немедленно втрескалась в него по самые уши и дальнейшей своей жизни без этого парня не представляла.

Вспыхнувшая страсть у нее проявлялась в разных благодеяниях, которыми она осыпала ничего не подозревающего Пантелеева — то пирога ему утащит с господского стола, то рубашку постирает

и заштопает. Ну чем еще девушка в ее положении может одарить своего избранника, как не заботой?

Ленька же с некоторых пор к барышням питал некоторое отвращение, а потому на все усилия Лиды его подмаслить не обращал никакого внимания — он их попросту не замечал, занятый своими мрачными мыслями.

Девичье сердце — не камень. Видя, что таким путем толку от парня не добьешься, и имея некоторый опыт общения с противоположным полом, Лида решила пойти на крайние меры.

Однажды вечером она прискакала на кухню, где, по обыкновению, глядя на огонь, сидел Ленька, и, вытаращив глаза, пропищала:

— У меня в комнате крыса! Выгони ее — я боюсь!

Пантелеев, который еще мало был знаком с женским коварством, взял полено и поспешил за девушкой в ее комнатенку.

Там Ленька долго пытался определить местонахождение крысы, пока не почувствовал, как сзади его обняли горячие женские руки и сдавленный голос зашептал в ухо:

— Касатик мой, голубь сизокрылый! Совсем ты меня стомил, холера окаянная!

Ну, если женщина просит — что тут поделаешь?

После того вечера Пантелеев достаточно часто стал ловить крысу.

Все шло замечательно, и, глядишь, из наших голубей впоследствии получилась бы прекрасная

рабская семейка. Однако жизнь распорядилась иначе.

Хозяйка дома, Агриппина Васильевна, была не только толста. Она была еще и сладострастна. Испорченная прочитанными в свободное от сидения в лавке время дешевыми сентиментальными романами, Агриппина Васильевна сделала для себя один немаловажный вывод. При всем ее старании она не может рассчитывать стать женщиной светской, ежели не будет иметь тайной страсти. Желательно также, чтобы любовник был из низшего сословия, но имел какую-то тайну.

Так как дальше собственной квартиры и лавочки Агриппина Васильевна редко выходила, то и предмет страсти пришлось искать где-то у себя под носом. А тут, на счастье, молоденький работник появился, привлекательная свежая внешность и мрачная задумчивость которого, как говорится, располагала.

Уже представляя себя эдакой Клеопатрой в окружении юных наложников, Агриппина Васильевна была потрясена одним открытием: ее Антоний ежевечерне наведывался к нахлебнице. Цели этих визитов прояснились окончательно, когда Линева умудрилась подслушать под дверью весь романтический шум, производимый парочкой.

Проведя после этого бессонную ночь, полную обиды и негодования, поутру хозяйка провела ревизию в лавочке, после чего позвала к себе Лиду и так оттащила ее за волосы, что у бедной девушки от рыданий на полдня пропал дар речи.

Ленька при этом присутствовал, но поделаться

ничего не мог. Однако после экзекуции он так же предстал перед разошедшейся хозяйкой, которая не преминула ему намекнуть на причины случившегося. В числе прочего Агриппина Васильевна дала ему понять, как бы замечательно зажили они в том случае, если бы Пантелеев оказался покладистым. Ленька был возмущен до предела и отклонил предложение достаточно резко.

Тогда самодурствующая торговка схватила стоящие поблизости каминные щипцы и накинулась на наглеца с твердым намерением выколотить раскаянье. К удивлению хозяйки, ее работник, который был ей обязан многим — и пищей и кровом, не стал дожидаться, когда на него посыплется град ударов. Он достаточно легко вырвал из пухлой руки Агриппины Васильевны чугунные щипцы и стал избивать ее, приговаривая:

— Получай, шкура!

В результате гражданка Линева осталась лежать на полу своей спальни без сознания, а Ленька, вытащив из кладовой свою старую шинель и буденновку, вышел из дому и удалился в неизвестном направлении.

ГЛАВА 3

Когда Пантелеев снова оказался на улице, лишившись теплой квартиры и сытной еды, стояли трескучие морозы. В городе царил февраль — самый лютый и ветреный месяц в этих краях.

К несчастью, он ушел из дома Линевых, не взяв ни расчета, ни того немногого, что успел скопить

за это время. Итак, он снова был бездомен, безработен и нищ.

Ленька после тяжелых раздумий решил отправиться туда, где в это время наблюдалось самое большое скопление народа — на толкучку. Зачем — этого Ленька пока не знал. Ему казалось, что в этой толпе будет не так холодно, и уже это одно могло побудить его предпочесть общество незнакомых людей одиночеству на промозглом ветру.

Дойдя до Сенного рынка, Ленька стал углубляться в толпу, приглядываясь к окружающим, словно ожидая чего-то.

На толкучке можно было увидеть массу интересного. Вон лавочники-спекулянты с прилавка торгуют мелким скарбом, а из-под полы продают самогон да колбасу по баснословной цене.

Вон ушлые старушки приплясывают в пуховых шالях, помахивая связками баранок и петушками на палочках, да зычно зазывают денежного клиента.

Вон нищий слепой в драной красноармейской форме терзает мехи баяна и поет надтреснутым голосом жалостную песню о судьбе раненого комиссара.

Вот, словно шелест, по толпе пронеслось: «Патруль!» И вслед за этим ветром молвы кинулись наутек, будто осенние листья, те, кто по каким-то причинам не рад встрече с вооруженными представителями новой власти: спекулянты, мелкие торговцы, карманники.

Потолкавшись с пару часиков по рядам, которые дразнили его разнообразием снеди, и искрен-

не позавидовав тощим шавкам, которые дрались возле мясника за дарованную им косточку, Ленька подумал о том, что ему-то уж ждать подарков ни от судьбы, ни от людей более не приходится.

— Не дашь? — грозно спросил Ленька, глядя в пустоту перед собой, словно там стояла и корчила рожи его несладкая судьба. — Ну так я сам возьму!

Это решение и стало переломным пунктом на Ленькином жизненном пути.

Ленька нырнул в толпу и стал, лавируя, пробираться к самому узкому месту, где давка была явлением постоянным. Воспользовавшись этим, он стащил с лотка зазевавшейся торговли горячий и жирный пирожок с мясом и тут же вынырнул из толпы с другой стороны.

Насладившись вкусом краденого, Ленька понял, что этого ему явно недостаточно, и снова стал шарить глазами по рядам, присматриваясь к продавцам и ища слабые места в их обороне.

Не прошло и часа, как Пантелеева можно было увидеть в соседней подворотне лакомящимся кругом колбасы, сдобными булочками и щурящимся от удовольствия.

Достаточно сытно поев, Пантелеев понял, что ему жизненно не хватает курева. Вытерев рот рукавом и зная теперь, как можно легко и дешево решить свои проблемы, Ленька снова нырнул в толпу и оказался возле лотка, на котором красовались папиросы.

Дождавшись, когда продавец — пожилой дядька — отвернется, чтобы позубоскалить с соседом, Ленька осторожно потянул на себя пачку махор-

ки, которая лежала с краю. Но тут его взгляд упал на картонную коробку, на которой красовалась цыганка с бубном. Леньке вдруг жутко захотелось попробовать дорогую папироску, и его рука непроизвольно потянулась к пачке, с которой подмигивала ему черноокая девка.

Но тут продавец обернулся и увидел Ленькины манипуляции.

— Вор! — вытаращив глаза и замахав руками, заорал мужик. — Держи вора!!!

Толпа, привлеченная его воплями, дернулась, застыла и стала напирать на Леньку со всех сторон. Именно давка, его первоначальная союзница, стала теперь его врагом и не позволила ему проскользнуть между локтями чужаков на свободу.

— Вор! Вор! — кричали все вокруг, и жали, и давили, и держали его десятками рук.

— Бей вора! — наконец прозвучал заветный сигнал, и тут же со всех сторон полетели кулаки, ладони и сумки. Ленька успел только вжать голову в плечи и закрыть лицо руками. Толпа постепенно стала звереть и бить все сильнее и сильнее, терзать на части, сопеть в лицо, кричать в уши. И все — с огромной ненавистью, ненавистью владельца имущества к тому, кто на это имущество имел наглость покуситься.

В мозгу у Пантелеева стучала одна-единственная мысль: «Только бы не упасть, а то затопчут!»

К счастью, упасть ему долгое время не давали душные объятия толпы, которая давно бы его убила, если бы только не мешала самой себе. Наконец свалка стала настолько беспорядочной, что

Пантелеев получил возможность отклониться, затеряться в толпе и вскоре достигнуть ее периферии, где, хотя и орали, и теснились, однако вора в лицо не знали.

Будь они внимательнее к тому, что происходило вокруг, то догадались бы, что за чудо с раскровявленным лицом и распухшими губами, прикрываясь воротником, спешит прочь — подальше от страшного рынка.

* * *

Получив урок, из которого он вынес только злость и ненависть к гражданам собственного города, Пантелеев еще некоторое время не появлялся на рынке, предпочитая зализывать свои многочисленные раны, сидя на холодном вокзале. К счастью, здесь можно было иногда поживиться чаем у проезжих матросов, а урывками подворачивающаяся возможность дотащить тяжелые тюки от перрона до извозчика приносила ему хоть и маленький, но доход.

Однако, когда прошло достаточно много времени, чтобы оправиться и забыть о памятном избиении, Ленька стал задумываться о том, каким образом станет существовать дальше. Он достаточно долго колебался между решимостью пойти и снова попытать счастья наняться на работу и воспоминанием о сладости дармовой еды. Принять решение его заставило одно не очень приятное для него открытие — его искали.

Сделал это открытие Ленька случайно. Он

сидел на скамье в одном из самых теплых углов ледяного вокзала. Этот угол находился возле кле- тушки дежурного по вокзалу, в которой топилась «буржуйка». Надвинув буденновку на лоб, Ленька блаженно подремывал — ему только что удалось угоститься кашей из походной кухни какого-то проезжего полка. Тут мимо него протопали кова- ные сапоги и скрылись за дверью кабинета. Вско- ре оттуда донеслись грубые мужские голоса, кото- рым отвечал слегка осипший баритон дежурного.

— Подозрительных элементов на вокзале нет, товарищ? — спросил один из пришедших.

— Шутите? — отозвался дежурный. — У меня тут каждый — подозрительный. Вокзал — штука такая.

— Так вот штука или нет, а вот вам предписа- ние усилить контроль и провести проверку доку- ментов, ежели раньше вы этим заняться не доду- мались. А вот вам и бумага, в которой пропечата- но, кому ваш вокзал рекомендуется поменять на камеру исправдома.

Зашуршала бумага, и дежурный вполголоса прочел:

— Авдоньев, Закосецкий, Климов, Кротов, Маркелов, Рогов, Рогожников, Панкратов, Пан- телеев, Пантелеймонов...

Ленька открыл глаза и вскочил на ноги. Даль- ше список он слушать не стал и медлить тоже не решился. Могло, конечно, стать, что речь шла об однофамильце, но Ленька на такие чудеса не на- деялся. Широко шагая в направлении Васильев- ского острова, он ясно представил, как Агриппи-

на Васильевна, придя в себя, подняла на ноги всю милицию, разыскивая неблагодарного негодяя, который похитил у нее состояние и нанес ей чуть ли не смертельную рану.

Как бы там дело ни обстояло — подробности Леньку не очень волновали, — теперь не оставалось больше ничего иного, как затеряться, скрыться, стать собственной тенью.

Наклонившись над одним из каналов, Ленька долго всматривался в студеную воду, почти сплошь затянутую льдом. Потом размахнулся пошире и кинул в узкую полынью свой паспорт.

* * *

И снова — Сенной рынок, полный гомона, толчеи и соблазнов. Ленька, наученный горьким опытом, не торопится покушаться на мелочёвку, которую, как воробьи, выдергивают из-под носа у торгашей сопливые беспризорники. Если уж продавать свою шкуру, думал Ленька, то продавать ее подороже. Здесь, и только здесь, в этом скоплении людей и страстей, можно было понять, каким образом заработать себе на жизнь и при этом не нарваться на чей-нибудь кулак.

Пантелеев пристраивался в уголке за какой-нибудь лавочкой и старался разглядеть в этой толчее продающих и покупающих то, чего не видно глазу обычного человека. Ведь рынок — сборище всех людских типов: торгашей, простофиль и стervятников. Рынок — место, где запах денег привлекает огромное количество желающих легкой

наживы, так что у знающего человека в глазах может зарябить от этих мошеннических физиономий.

Вскоре Ленька стал замечать те подводные течения, что уносят нечестно заработанные деньги в карманы совсем других людей, минуя внимание зазевавшихся владельцев.

Первым, что привлекло внимание Пантелеева, была волнующаяся кучка в дальнем углу рынка. Посреди этой кучки сидел грязный парень с бегаящими глазами и быстро манипулировал руками, приговаривая:

Кручу-верчу,
Запутать хочу,
Смотри — не зевай,
За пальцем поспевай!

Здесь играли в наперсток — самую азартную и самую невыигрышную для клюнувших на нее забаву. Понаблюдав достаточно долго за игрой, Пантелеев понял нехитрое устройство этого почти честного способа отъема денег у населения. Вот парень принял в игру пожилого, достаточно хорошо одетого господина. Помухлевав с наперстками, он вопросительно уставился на него. Господин медленно указал пальцем на средний — угадал. Получил свой выигрыш и, довольный, стал выбираться из толпы.

Вдохновленный его примером, какой-то рабочий тоже захотел попытать своего счастья. И тоже выиграл.

— Дядя, — заныл хитроглазый парень. — Дай отыграться, а?

Рабочий засмеялся и снова поставил свои деньги — и снова выиграл. После этого его обуял азарт — и понеслось. Вскоре от его денег не осталось ровным счетом ничего.

— Как же так! — бушевал он. — Я же видел — шарик там!

Шарика «там» оказаться никак не могло, ибо у него было незаметное на первый взгляд свойство — мягкость. Шарик настолько мягонький, что его ничто не стоит придавить, спрятать под подушечкой пальца. А там — указывай куда хочешь, все равно не угадаешь!

Парень разводил руками: извини, мол, мужик, но ты ошибся. И мужик уходил посрамленный. Через некоторое время снова появлялся прилично одетый господин и снова вступал в игру, позволяя окружающим убедиться, насколько просто здесь поживиться на дармовщинку.

Ленька также видел в толпе любопытных, теснящейся вокруг игроков, людей, чьи лица были слишком уж поглощены зрелищем и слишком уж отрешены от внешнего мира, в отличие от их ловких бледных пальцев, быстро снующих по карманам зазевавшихся болельщиков. Даже те, кто был привлечен зрелищем, но не спешил доставать денежки, дорого расплачивались за свое ротозейство и, ничего не подозревая, отходили, полегчавшие на целый кошелек.

Ленька долго забавлялся, глядя, как деньги несчастных простаков перекочевывают в бездонные карманы ловкого парня, а он, по-прежнему не-

возмутимо, двигает наперстками по дощатому ящику и все выкрикивает свои бойкие стишки.

Наконец стемнело, и торгующая публика, закончившая на зимнем ветру, начала складывать свои манатки и закрывать лавочки. Ловкий парень тоже запихнул свой нехитрый инвентарь в карманы залатанных штанов, туда же засунул худые руки и, посвистывая, направился в ближайшую подворотню.

Ленька, еще не зная зачем, пошел за ним.

Парень сперва тревожно оглядывался, но, обнаружив позади себя только пьяного солдата да хромую старушку, пошел вперед более уверенно.

Пантелеев не отставал, стараясь держаться в тени домов, благо улицы не освещались.

Наконец парень свернул в тупик. Ленька пристроился неподалеку, стараясь видеть все, не будучи замеченным сам.

К удивлению Пантелеева, парень в подворотне оказался не один. Там его уже поджидала небольшая стайка людей, лица и фигуры которых слишком смутно видны были из-за темноты. Они приветствовали вновь пришедшего и начали тихо с ним переговариваться, но ничего не было слышно. Через некоторое время в конце проулка показалась еще одна фигура, которая быстро, но с чувством собственного достоинства передвигалась в направлении тупика. Пантелеев теснее вжался в стену и затаил дыхание. Незнакомец прошел в метре от него, и Ленька с удивлением узнал в нем того самого хорошо одетого «везучего» господина,

который, как Ленька и догадался, был заодно с ловким парнем.

Господин приблизился к поджидавшей его компании, которая сразу же притихла.

— Ну, как сегодня? — произнес господин, совершенно не заботясь, видимо, о том, что кто-то его услышит. Похоже, он привык говорить достаточно громко, чтобы быть в центре всеобщего внимания.

— Лучше, чем обычно, — ответил ему кто-то, и Ленька узнал голос парня-наперсточника.

— Делаем банк, господа, — с легкой издевкой произнес господин и протянул по направлению к присутствующим свою шляпу.

Они стали греметь мелочью и шуршать бумажными простынями тысячных и миллионных купюр.

— Отлично! — удовлетворенно воскликнул господин, пересчитывая наличность.

После того, как он наскоро подбил баланс, он раздал какую-то часть присутствующим и протянул одному из них квадратную книжечку:

— На, Скрипач, сегодня твой счастливый день.

Насколько Ленька понял, господин был организатором этой шайки прохиндеев. За что они на него работали и почему отдавали наворованное, для Пантелеева было пока загадкой. Вполне возможно, он за это выдавал им какие-то документы или что-то еще.

«У, эксплуататор!» — отругал Ленька про себя этого господина, поняв, что и в преступном мире

все устроено столь же несправедливо, сколь и в «приличном» людском обществе.

Господин не стал долго общаться со своей шайкой. Он преувеличенно почтительно приподнял свою шляпу, развернулся на каблуках и, помахивая тросточкой, направился к выходу из тупика. За ним высыпали и все остальные.

Ленька выждал, пока карманники разбредутся кто куда, и стал преследовать главаря, который, не торопясь, прогуливался вдоль канала и насвистывал какую-то песенку.

Заметив, что преследуемый движется в направлении одной из центральных улиц, Пантелеев прибавил шаг и стал, осторожно ступая, нагонять господина, стараясь успеть совершить задуманное до той поры, когда начнутся густозаселенные районы.

Насвистывающий господин был настолько занят своими мыслями, а может быть, ощущение собственной безнаказанности притупило его бдительность, но нападение сзади застало его врасплох.

Почувствовав, что ему на плечи, словно огромная кошка, прыгнуло чье-то сильное тело, господин рванулся вперед и одновременно сунул руку в карман. Его движение не прошло незамеченным для нападавшего. Он схватил свою жертву за запястье и стал выкручивать ей руку. Это было совершено своевременно, так как в руке оказался маленький «браунинг», и раздался выстрел. Только сила и ловкость нападавшего заставила пулю лететь совсем в другую сторону.

После недолгой борьбы пистолет перекочевал

к Леньке в руки. Он направил дуло в лоб господину и сказал совершенно спокойным голосом:

— Деньги.

Господин, видимо, не сомневавшийся в развязке этого дела, с ненавистью посмотрел на Леньку и полез за пазуху. Он вытащил раздувшийся от купюр бумажник и протянул его грабителю.

— Документы, — столь же хладнокровно продолжал Ленька.

Скривившись, как от зубной боли, господин достал и отдал Пантелееву свой паспорт.

— Найду — шкуру спущу, — прошипел он затем, страшно вращая глазами.

— Найдешь-найдешь, — примиряюще сказал Ленька, стукнул господина рукояткой пистолета в лоб и столкнул его с тротуара.

Сам же, засунув добычу подальше в карманы, торопливо побежал в ближайший проходной двор.

* * *

Совершив свой первый в жизни налет, о последствиях которого, впрочем, ему не пришлось сожалеть, Ленька впервые в жизни понял, что такое деньги.

Почувствовав у себя в кармане тяжесть так счастливо оказавшихся у него купюр, он поспешил воспользоваться теми благами, которые даруются за них на этой земле. Начал он с малого — снял себе номер в гостинице. Его воображения, кстати, хватило только на то, чтобы снять самый дешевый номер в самой обычной гостинице — с клопами и

казенной мебелью. Но то, что при гостинице был общественный душ, вызвало у Леньки настоящий восторг.

Он взял номерок и полтора часа с наслаждением отфыркивался от горячих струй. Тут он впервые за последний месяц как следует отогрелся, не говоря уже о смытой грязи, которая накопилась на его теле.

Выстирав также и свою одежду, Ленька натянул мокрое еще белье и улегся на кровать, задрав ноги на спинку. Жизнь за долгие месяцы впервые показалась ему прекрасной: он был сыт, чист, имел крышу над головой и был сам себе хозяин. И все — благодаря тем самым деньгам, которые карманники украли у зазевавшихся граждан, а он, Ленька, отнял у преступника. Ленька ухмыльнулся. Ему показалось, он нашел способ установить на земле справедливость.

Он закурил сигарету и стал рассуждать вслух, пользуясь тем, что в двухместном номере был один:

— Этот товарищ в коверкотовом пальто, которого обобрал я, обобрал своих подельников — он эксплуататор. Его подельнички обобрали граждан на рынке — нехорошо, они преступники. А откуда у этих граждан деньги? В стране — голод, а у них кошельки лопаются. Ясно дело — наспекулировали. То есть — обманом выманили у честных людей. Кто у нас в стране честные люди? Трудящиеся и нуждающиеся. Я — бывший трудящийся и нуждаюсь. Значит, деньги попали туда, откуда их взяли. Значит, все правильно.

Убедив себя в том, что все вышло, как надо, то есть вполне справедливо, Ленька погасил свет и улегся спать. И даже клопы его не беспокоили. ●

ГЛАВА 4

Прожив в гостинице дня три в таком же режиме, а именно: высыпаясь, обедая в столовой, гуляя по улицам Питера и покупая все, что приглянулось, — Ленька стал замечать, что «золотой запас» в его карманах стал иссякать. Медленно, но верно. К тому же Ленька вдруг подумал о том, что незнакомый господин, по чьим документам он был зарегистрирован в гостинице, вдруг захочет осуществить свою угрозу и найти обидчика.

Пантелеев и так предпринял все возможное, чтобы оградить себя от нежелательных встреч с ограбленным господином, фамилия которого, если верить паспорту, была Штруве. Ленька постарался выбрать себе гостиницу в другом конце города и близко не подходил к Сенному рынку. Также он не выходил на улицу вечером, чтобы ненароком не встретиться с кем-нибудь из шалопаев, которые могли узнать его. Ко всему прочему, Ленька надеялся, что этот Штруве вряд ли обратится в уголовный розыск — у самого рыльце в пушку. С другой стороны, нужно было быть достаточно осторожным: кто знает, какая сила за ним стоит.

Рассуждая подобным образом, Ленька прогуливался по Невскому, с завистью разглядывая холеных господ, прогуливавшихся под руку с барышнями. Сам он уже и позабыл, когда общался с

противоположным полом, к которому питал такую необыкновенную слабость.

● Леньке стало как-то непреодолимо грустно, и он решил наведаться под одну из завлекательных вывесок питейных заведений, чтобы развеяться и, может быть, найти себе подходящую компанию.

В кабаке не самого высшего разряда, который назывался «У Петровича», Пантелеев занял самый дальний столик в темном углу, заказал себе для начала пару пива и стал разглядывать посетителей.

В чаду и дыму тускло освещенного кабака все люди выглядели достаточно однотипно. Все они казались старше и грязнее, чем были на самом деле. Посетители здесь были самого заурядного пошиба, к чему, впрочем, располагала и обстановка, и ассортимент напитков, и незамысловатое меню. Столиков в зале было меньше десятка, и стояли они достаточно плотно друг к другу, чтобы создать иллюзию некоей общности собравшихся.

Ленька усмехнулся про себя, потягивая горьковатое пиво и с тоской осматривая немногочисленный женский пол, который присутствовал в помещении. Ни одна из женщин Леньке не приглянулась, более того — все они внушали ему только отвращение. Они были неопрятны, грязны и вульгарны. И когда одна из них под села к его столику, вперила в него свои воспаленные глаза и пробормотала:

— Котик, хочешь со мной погреться? — он предпочел брезгливо покачать головой.

Девушка немедленно ретировалась, испугавшись его неприятного тяжелого взгляда.

После этого Ленька вполне смирился с мыслью провести вечер в одиночестве, прислушиваясь к разговорам за соседними столиками.

Сидевшие рядом граждане совершенно банального вида — кто в шинели, кто в кацавейке, а кто и в ватнике — пили дешевый портвейн и терзали тощую сушеную рыбеху. Один из них, увлеченно жестикулируя рыбьим хвостом, рассказывал остальным какие-то занимательные истории. Его голос звучал все громче и громче, и вскоре до Пантелеева донеслось:

— ...я тебе говорю — дура, они же все могут! Этот Волчок, которого я собственноручно расстреливал, такое отфортачивал — не поверишь! Он мне сам рассказывал, как они машину взяли, в которой сам Ленин ехал!

— Врешь! — недоверчиво протянул кто-то из собутыльников рассказчика.

— Какое там! Нам следователь показывал: при обыске нашли документы и личный «браунинг» Владимира Ильича!!! Я сам видел!

— Ай, Васька, заливаешь! Кто ж это такой смелый, чтобы на Ленина покушаться? Там же, поди, конармейцы с шашками кругом и комиссары самые лучшие с «браунингами». Они б его в капусту покрошили в момент, твоего Кошелька. Он бы и пикнуть не успел.

— Так ведь нет! Он мне рассказывал за миску баланды, как все это было. Сидят они в засаде с Кошельком — его потом убили, — глядь — маши-

на. Они — гоп-стоп! — а в ней Ленин. Ну, что, смотреть, что ли, на него. Отняли все да и отпустили восвояси...

— Василь, наливай. Это у тебя ладнее выходит, чем заливать, — снова прервал рассказчика один из друзей, остальные засмеялись.

Ленька с интересом выслушал эту историю, подумав о том, что ежели легенды сочиняют уже про каких-то там бандитов, то бандиты эти — действительно сила.

Пантелеев, конечно, не знал, что эта история правдива от начала и до конца и что люди, о которых шла речь, еще недавно были живы и принадлежали к наглому братству воров, убийц и налетчиков, которых боялась и почитала питерская публика и которым подражали многие, но немногие могли достичь таких вершин в своей наглости и жестокости.

Со временем помещение наполнилось — закончился рабочий день, и утомленные люди поваляли валом в это недорогое заведение, чтобы снять алкоголем накопившуюся за день усталость и оставить в кассе трактира то немногое, что было заработано за неделю. В связи с этим вскоре все столики в заведении были заняты, и хозяин даже принес пару табуретов и лавочек, чтобы уместить желающих. Эта людская волна докатилась и до углового столика, за которым, скучая, пил пиво Пантелеев. К нему подошел здоровый детина, заросший по самые глаза темной бородой, и попросил:

— Разреши присесть.

Пантелеев кивнул и придвинул свою кружку

поближе к себе. Дитина, крякнув, сел на табурет, чьи ножки жалобно заскрипели. Попыхтев и поскребя бороду, новоявленный сосед заказал себе водки и соленого огурца. Такой чисто русский комплект был Леньке симпатичен, и эта симпатия сразу же распространилась на незнакомца, который, ко всему прочему, создавал вокруг себя такое ощущение силы, что волосы поднимались на макушке. Пантелеев скучал: он не перемолвился живым словом ни с одним человеком за последние несколько дней. Администраторов гостиницы и банных служащих Ленька в расчет не принимал. По этой причине ему жутко захотелось завести с незнакомцем разговор, а как — он не имел никакого представления.

Незнакомец между тем заметил любопытство в глазах своего соседа по столу и, недолго думая, спросил:

— Водки хочешь, малец?

— Хочу, — с готовностью ответил Пантелеев.

Они взяли еще одну рюмку и стали, не чокаясь, пить. Незнакомец молчал. Ленька тоже. Пантелеев стал уже подумывать о том, что они так и допьют водку в полном молчании, но тревожить своего соседа по столу так и не решился — мало ли что с человеком произошло.

Когда водка кончилась, Ленька позвал официанта и заказал еще. На этот раз он солеными огурцами не ограничился, а попросил принести горячей закуски и салатов на двоих.

Незнакомец мрачно глянул ему в лицо и спросил:

— Ты меня, шкет, обидеть хочешь?

— Это почему? — спросил Ленька, не зная, радоваться или огорчаться такому началу разговора.

— У меня что, думаешь, денег нету? — еще более грозно спросил незнакомец и положил перед Ленькой пачку крупных ассигнаций в доказательство того, что он и сам не промах.

Ленька на пачку и глазом не моргнул — у самого в кармане была такая же. А на обиженный монолог собутыльника невозмутимо ответил:

— Ну, мил-человек, ты даешь! Что же, я тебя и права не имею угостить? Ты меня водкой выручил, теперь я — тебя. К тому же, водку пить да без хорошей закуски — не по-нашему это, не по-русски. Да и молча ее пить, словно покойника похоронили, — тоже не дело, это ты как хочешь.

Ленька протянул ладонь через стол и сказал:

— Пантелеев Ленька, безработный.

Незнакомец удивленно посмотрел из-под бровей, пожал протянутую руку и представился в свою очередь:

— Семен Белов.

Про род занятий не было сказано ни слова, и Ленька не стал проявлять любопытство — не к лицу это человеку.

— Выпьем за приятное знакомство, — предложил Ленька, мигом разливая по рюмкам водку.

— Выпьем, — согласился Семен, опрокидывая стопарик и смачно хрустя грибком. — А что, Ленька, давно ли ты в почетной должности халявщика на шее у государства? — лукаво блестя черными глазами, поинтересовался вслед за этим Белов.

— Давно, — признался Ленька. — Уж с полгода как.

— Да уж, — крикнул в ответ Белов, наливая еще по стопарю. — А вот ответь мне, Ленька, ежели ты так давно не работаешь, где, хитрая морда, деньги на водку берешь?

Вопрос застал Пантелеева врасплох. Он на минуту призадумался, понимая, что вопрос не прост и в нем кроется подвох. Можно было наврать про богатую тетку или про пенсию по инвалидности. Но выпито было уже немало, водка ударила Леньке в голову, и он, не боясь, что перед ним — агент сыска, выпалил ему прямо в лицо:

— Где взял — там уж нету! Украл — вот где взял!

Белов откинул назад свою курчавую голову и рассмеялся:

— Ох и враль! — закатился он. — Ты посмотри в свои честные глаза — ну где ж тебе украсть? Поди, самогончиком приторговываешь втихую, а? — подмигнул он Леньке и насупился.

Леньку задело такое недоверие, он возьми и брякни:

— Вот те крест — украл! Напал на господинчика в переулке и отнял! И пистолетик теперь имеется, — Ленька полез было в карман, но большущая рука Белова прижала его запястье к ноге.

— Что ж ты делаешь, дура? — прошипел Белов, наклоняясь к самому уху Пантелеева. — Разве так делают? Ты же попалишься сам и попалишь всех вокруг! Здесь же от легавых аж дышать тяжело — а ты ворованным пистолем размахиваешь! Охоло-

ни — и не пей больше, — строго закончил свою отповедь Белов и отпустил Ленькину руку.

Хмель с Пантелеева как рукой сняло. Он сразу же увидел напряженное молчание за соседним столиком, где сидели все те же люди, что рассказывали о напавших на самого Ленина бандитах. Леньке стало страшно и стыдно за себя одновременно. Он вспомнил про свою службу и тех бесконечных налетчиков-дилетантов, которые засыпались так же вот, по глупости, рассказывая по пьянке о своих подвигах в кабаках да ресторанах.

Ленька молча взял ложку и стал ожесточенно запихивать в себя остывшую картошку, стараясь усилием воли прогнать туман из головы.

Белов, немного погодя, взял его за рукав и потащил к выходу.

— Пошли-пошли, — уверял он упиравшегося Пантелеева. — Посидели немного — и будет.

Он выволок уже совсем нетвердо стоявшего на ногах Леньку на воздух и потащил куда-то темными переулками, отшатываясь за углы от поздних патрулей.

* * *

Следующее утро встретило Пантелеева головной болью. Из-за нее в мозгу Леньки крутились и никак не могли встать на место обрывки воспоминаний. Как его ни тошнило, он все-таки открыл глаза и увидел то, чего совершенно не ожидал: расписной потолок.

«Вот это да! — подумал Ленька, рассматривая

толстых младенцев и облака. — Вот это я напился. Не иначе — видения».

Он попробовал посмотреть пониже. Видения приняли совершенно другой характер. Ленька увидел заставленную мебелью комнату с ободранными стенами, в углу которой за швейной машинкой сидела какая-то женщина и шила. Ленька приподнялся и увидел, что лежит на высокой кровати с шишечками совершенно раздетый, а одежда его лежит рядышком на стуле.

Он рванулся шарить по карманам, и, когда брякнул пряжкой ремня, женщина обернулась. На вид ей можно было дать что-то около тридцати лет. Однако она была достаточно хороша собой и одета прилично и чисто. Леньке она сразу понравилась.

— Проснулись? — ласковым грудным голосом спросила она. — Рассольчику капустного не хотите ли?

Ленька упал на подушки и застонал — мысль о рассоле напомнила о том, как ему на самом деле плохо. Женщина, заметив это, вышла из комнаты и вернулась, неся перед собой полный ковшик остро пахнущей мутноватой жидкости. Все то время, пока она несла мокрый ковшик, с которого тяжелые душистые капли падали на ковер, Ленька не отрываясь смотрел на ее лицо, представляя себе белые зубы за тонкими губами.

Напившись, он обрел дар речи и смысл жизни.

— Спасибо, — хрипло проговорил он, возвращая женщине ковш.

— Да на здоровьечко, — разулыбалась она. —

Вы долго спали, Семен уж дожидался вас, дожидался, да не смог больше. Велел вам передать, чтобы вы его непременно дождались. А чтобы уж точно дождались, шинель спрятал. Вы уж меня не просите показать, я и сама не знаю, где она.

Протараторив все это, она повернулась к Леньке спиной и, как ни в чем не бывало, села за шитье. Ленька погоревал немного по поводу пропавшей шинели и не нашел ничего лучшего, как снова уснуть, тем более что чувствовал он себя прескверно.

Когда он проснулся, в комнате было уже темно и только над столом, где утром шила женщина, горел ночник. Но на этот раз в комнате было пусто. Ленька встал и, слегка нетвердо стоя на ногах, стал натягивать на себя штаны. Держась за стену, он подошел к двери и услышал раздающийся откуда-то говор и смех.

Одернув гимнастерку, будто собираясь предстать перед начальством, он толкнул дверь и шагнул через порог. Как только его глаза приноровились к яркому свету, Ленька увидел, что он находится в помещении, которое было чем-то вроде столовой и кухни одновременно. За широким деревянным столом, что стоял посередине, сидел Семен Белов с каким-то щуплым мужиком. Женщина, которую Пантелеев видел с утра, подавала на стол.

— А, — довольным голосом сказал Белов. — Гость наш проснулся. Ну, иди, брат, поправься и отужинай с нами.

Белов широким жестом показал на обильную

пищу, которая громоздилась на столе во главе с запотевшей бутылкой мутной самогонки. Увидев спиртное, Пантелеев почувствовал острый приступ дурноты. Он глубоко вздохнул и ответил:

— Отужинать — оно, конечно, можно. А вот пить я больше не стану.

— Ну, это ты как хошь, неволить не буду, — пожал плечами либеральный Белов. — Познакомься вот: мой деловой помощник — Арсений Плотников.

Тощий мужик скосил недоверчивые глаза на Ленку и кивнул своей плешивой головой. Ленка пожал новому знакомому руку и сел на предложенный табурет. Они стали молча и сосредоточенно есть. Плотников и Белов неторопливо выпивали. Все еще незнакомая Ленке женщина возилась с самоваром.

Когда ужин наконец закончился, Плотников поднялся из-за стола и стал раскланиваться с хозяином, напоминая ему о каком-то договоре.

— Пять процентов — не более! — строго хлопнул по столу ладонью Белов и пошел провожать своего странного гостя.

Когда он вернулся, на столе уже было чисто. Ленка от скуки смотрел в окно, за которым не было видно ничего, кроме пролетающих мимо снежинок. Женщина, закончив работу по кухне, молча ушла. Ленка совершенно не испытывал ни тревоги, ни неловкости. Ему некуда было идти, а здесь было уютно, тепло и пока что никуда не гнали. О том, сколько продлится это «пока», Ленка старался не думать.

— Ну что, — сказал, вернувшись, Белов. — Давай, что ли, поговорим.

— Отчего ж не поговорить? — лаконично отозвался Ленька.

— Ты, Пантелеев, я вижу, парень бедовый и отчаянный. Да к тому ж еще и без работы остался. Я так понимаю, для молодого парня это не дело. Это старому деду христорадничать не грех, а такие, как ты, Ленька, должны еще орлом летать!

Ленька с удивлением уставился на малознамого ему человека, который так беспокоился о его, Ленькиной, судьбе. Жизнь уже научила Пантелеева, что если кто-то что-то хочет сделать для тебя, значит, ты ему зачем-то нужен. Зачем именно он нужен Белову, предстояло, видимо, выяснить в ближайшие минуты.

— Вот что ты, герой, собираешься делать дальше? — не унимался Белов.

Ленька пожал плечами. Он действительно не знал.

— Так вот, Леня, — продолжил Белов. — Как ты смотришь на то, чтобы малость подзаработать?

— Смотря как, — осторожно ответил Пантелеев.

Ленька понял, что Белов не прост, уже по тому, как он вел себя с людьми и как сытно было принято в его доме обедать. Да и дом был — тоже ничего. Не каждому выпадает все-таки в таком доме пожить. К тому же Ленька своими глазами видел «делового партнера», с которым велись какие-то важные переговоры. Выходило, что Белов — нэп-

ман, артельщик или что-то вроде того. Хотя на вид и не скажешь.

— Ну, работа твоя будет не пыльная — уж поверь мне. Денег буду платить — не обижу. А ежели ты мне глянешься, то первым своим помощником сделаю. Только язык надобно держать за зубами, а то можно его и лишиться, — весомо пообещал Белов, скручивая «козью ногу».

— Ну, коли деньгами не обидишь, чего ж не подсобить, — с напускным равнодушием отозвался Ленька. — Только я либо дурак, либо что прослушал, а задачи своей так и не понял.

— Задача твоя — мне на первых порах в рот заглядывать и меня во всем слушать. Ты грамотный?

— Грамотный, — отозвался Ленька.

— Это хорошо, что грамотный. Это мне в самый раз, — совершенно уж по-хозяйски заявил Белов, поднимаясь из-за стола и потягиваясь. — Одевайся — пойдем за дело приниматься.

Ленька слегка удивился — какое же это дело на ночь глядя? Но взял протянутую ему Семеном шинель и пошел за ним на улицу.

* * *

Семен Белов по кличке Белый был достаточно известным в Петрограде вором-рецидивистом. В его биографии было много интересных фактов, но все они подразделялись на крупные квартирные кражи со взломом, вооруженные налеты и тому подобные славные дела. Он работал методично и

не торопясь, обдумывал каждый свой шаг, а потому еще ни разу не попадался в руки властей. Однако в последнее время Белов стал замечать, что ему все труднее совершать налеты на квартиры зажиточных граждан: нэпманы были до смерти напуганы разгулом преступности и вели себя все осторожнее и недоверчивее.

Белов опасался, что вскоре может узнать, почем фунт лиха, если будет действовать и дальше по придуманной им раз и навсегда схеме. Он давно уже подумывал о том, как бы ему найти того, чьими руками можно загребать жар. Этот Пантелеев попался ему как раз вовремя. Наличие у парня «браунинга» в кармане шинели было как нельзя более кстати. Белов не держал оружия и предпочитал наведываться в квартиры в пору, когда там никого не было. В последнее же время все нанимали прислугу, которая успешно выполняла роль сторожевой собаки, а с прислугой договориться не было никакой возможности.

Узнав, что в «браунинге» нет патронов, Белов ничуть не огорчился: достаточно просто приставить дуло ко лбу, как деньги из людей потекут рекой. Поэтому и стрелять из пистолета было не обязательно.

Парень выглядел очень прилично — не доверять ему не смог бы никто. Ко всему прочему его внешность была достаточно заурядной — средний рост, темно-русые волосы, светлые глаза. Очень общие приметы, ищи по ним — не найдешь. Сам же Белов со своей могучей фигурой и бандитской бородой вряд ли мог затеряться в толпе. Любая

собака, посмотри она в это коварное лицо, быстро определила бы в нем бандита с большой дороги. А Пантелеев, к тому же, был молод и силен, что немаловажно. Все эти плюсы делали Ленькину душу и тело такими желанными для этого дьявола во плоти.

А что прибылью делиться с подельничком придется, так это мелочи. Неужели он, матерый волчище, не сумеет простака объегорить?

В этот вечер Белов повел Леньку в какой-то кабак. Выпивать они почти не стали — так, немного. Белов наклонился поближе к столу и сказал:

— Так, Пантелеев. Устроим тебе экзамен. Как говорится, на годность для профессии. Посмотри, Ленька, по сторонам и Расскажи-ка мне, старому дурню, что за люди вокруг нас выпивают и закусывают?

Ленька осмотрелся, подумал немного и стал высказывать свои наблюдения:

— За соседним столом сидят трое — по виду артельщики. Деньги водятся — едят и пьют прилично. Да только рожам не вышли — все мужики какие-то. А вон гражданочка пришла подработать смальца. Ишь, морду разукрасила, и глазками туда-сюда. А вон та ее подружка — более пронырлива. Она уже подпоила интеллигентика — из врачей он, кажись, вон какое пенсне. В таких пенсне обычно доктора ходят. Сама не пьет — наверно, обчистить его надеется. В углу сидят не иначе как бывшие семинаристы. Тот, что справа — в игорный дом заходит, не иначе — весь рукав в мелу

от бильярда. Выигрыш, наверное, обмывают, свои-то деньги откель? А вон тот нэпман скоро со своей мадам начнут со стула падать — эк налакались! — Ленька коротко хохотнул, представляя это веселое зрелище.

Белов смотрел на парня с удивлением — он сам-то и половины не приметил из того, что тот сказал.

— Верно, — протянул он. — Наметан у тебя, шкет, глаз на людей. Выдержал ты экзамен, нечего сказать. А вот тебе еще вопрос: кто из этих всех товарищей интересней всего для вора?

— Ну, — немного растерянно проговорил Пантелеев. — Пожалуй, нэпман — он самый богатый, с него и денег взять можно поболее всех.

— А вот и неверно, — засмеялся от удовольствия Семен. — Ты, дура, на него сейчас навалишься, а он визг на всю ивановскую подымет. Фараонов набежит тьма-тьмущая, а взять ты сможешь с этого борова только то, что у него после пьянки осталось. А осталось не так уж и кудряво, друг ты мой любезный, чтобы из-за этой мелочи голову свою советской власти в жертву приносить. А более всех, Ленька, интересны ворами люди не богатые, а те, кто с ними бок о бок трется. Вон та дамочка, да и игроки эти разнесчастные, что у папы с мамой да у дядьки с теткой денег на карман не допросят-ся. Во как!

Белов значительно поднял палец и брови, после чего налил себе и выпил.

С этого первого урока началось Ленькино уче-

ничество в школе великого магистра воровских наук Семена Белова.

Только Белов и не подозревал о том, что станет с этим талантливym учеником после нескольких практических занятий. Не знал он также, какой толковый из него получится учитель — Ленька вскоре настолько превзойдет наставника, что Петроградский уголовный розыск потеряет покой и сон, а нэпмановское общество станет горько плакать о своей нелегкой доле.

ГЛАВА 5

«Ученичество» Ленькино протекало недолго, но весело. По крайней мере, так для себя определил этот период сам Ленька. Он довольно-таки быстро усвоил все то, что наработывалось Беловым за долгие месяцы: как выследить квартиру, как напасть на нее, куда девать краденое. Пантелеев быстро освоился в общении с маклаками — скупщиками краденного, выучил все хазы да «малины», что имелись в Питере и ближних окрестностях, свел знакомство с многочисленной мелкой шушерой, которая жила тем, что снимала легкодоступные пенки с кипевшего нового общества, естественно, у этого общества не спросясь.

Рекомендации Белова хватило, чтобы Пантелеева в воровском сообществе приняли благосклонно. Тем более он не покушался ни на чью территорию — он же работал с Беловым. К тому же его хладнокровие и острый ум создали ему хорошую репутацию среди «щипачей» и «домушни-

ков» — в этой среде, равно как и в научной, одним из самых ценных качеств является нестандартное мышление и живость ума, которая позволяет генерировать новые идеи. Эта способность всякому вору помогает прежде всего обхитрить служителей закона и «срубить» как можно больше денег.

В общем, к концу зимы Ленька преобразился в талантливую и наглого налетчика и настолько покорила Белова, что Семен стал невольно прислушиваться к советам своего «ученика».

В один прекрасный день, глядя на то, как Белов привычным жестом делит деньги — четвертую часть — Леньке, остальное — себе, — Пантелеев поднял на подельника глаза и сказал:

— Не пойдет.

— Что — не пойдет? — удивился тот.

— Дели поровну, — невозмутимо продолжал Ленька.

— С какого перепугу? — продолжал удивляться Белов. — Я главный, мне большая часть. Ты у меня в учении — тебе меньшая.

— А ты что, барин? — насутился Пантелеев. — Я у тебя что, на заработках? Я в квартиру лазил наравне с тобой — дели поровну.

— Ах ты, падла, — почти ласково проговорил Белов. — Что ж ты, гадюка, выступаешь? Я тебя от легавых спас, пригрел, накормил, а ты выступаешь?

— Что накормил и пригрел — за то спасибо. Но деньги дели поровну — мы с тобой уж давно в расчете. А сеструха твоя — так та вообще мне многим обязана. Так бы и усохла в старых девах.

Удар тяжелого кулака в челюсть прервал гневную Ленькину речь. Однако и Ленька в долгу не остался и засветил Семену в глаз. Дрались они недолго, так как силы их были равны: на стороне одного была молодость и ловкость, другой же давил своей массой.

Рассевшись по углам, они долго сопели и утирали кровавые сопли рукавами. Потом Белов вдруг глянул на Пантелеева и громко, радостно захохотал.

— Ты чего? — удивленно глянул на него Ленька, начиная невольно улыбаться сам.

— Ой, орел, ой, паразит! — причитал в своем углу Семен, изнемогая от хохота. — А ведь говорила мне Светка — смотри, брат, твой Пантелейка — не промах, палец в рот не клади — по локоть оттяпает! Умная она все-таки баба!

Он посмеялся еще пару минут и, кряхтя, выбрался из своего угла на середину комнаты.

— Ну что, Леня, — сказал он, присаживаясь за стол. — Считай, это был твой выпускной экзамен.

Он потрогал челюсть и усмехнулся.

— Не получилось из тебя подхвата. Ты — сам герой. Теперь уж я тебя нянькать не стану. Раз такой умный, сам дела обделывай. А я, старый хрыч, уж как-нибудь...

— Э, Семен, ты мне это брось! Ходили на дело вместе и ходить будем. Только деньги — поровну. Хватит захребетничать. А дело... — Ленька прищурился. — Будет тебе дело.

На ветер слов бросать Ленька не любил. Но на этот раз он сказал «гоп!», а куда прыгать — и сам не знал. Стоять на стреме да впаривать маклакам барахло — это любой сумеет. А вот подготовить налет — та еще задача. И раньше этим важным делом занимался Белый, а он, Ленька, только подсказывал ему да поддакивал. До сей поры он и не задумывался над этой проблемой всерьез. Видно, пришла пора.

Ленька долго обмозговывал возможность организовать налет, причем такой, чтобы Белову за него, Леньку, стыдно не было.

Размышляя о том, как бы половчее и получше все устроить, Ленька вышел из дома и пошел прогуляться по улицам. Пересекая Невский, ненадолго задержался возле витрины какого-то дамского магазина. По прошлому опыту он знал, что именно на центральных улицах можно посмотреть «товар лицом»: сюда съезжались и сходились новые господа, чтобы пристроить поудобнее свои денежки. Разглядывая закутанных в меха гражданок, что катались со своими хахалями на извозчиках, подмерзающий Ленька старался приметить, в какую сторону какая из них направится, когда выйдет из коляски.

Он так был поглощен своими наблюдениями, что не заметил, как своей спиной загородил вход в магазин. К действительности его вернула ручка двери, которая больно толкнула его в спину. Он вздрогнул и круто обернулся, замахнувшись уже было, чтобы дать отпор обидчику. Однако, увидев

перед собой хрупкую женщину, которая даже присела от страха, он вовремя остановился.

— Иди уж, — смущенно пробормотал он, видя, что гражданка, которая замерла перед ним, была бедно одета и для него интереса не представляла.

Та открыла зажмуренные глаза и вдруг разохалась:

— Ой, Ленечка! — махала она руками и улыбалась во весь рот. — Как же это так! Я думала, ты сгинул!

Ленька с удивлением смотрел на обрадованную гражданку, пытаясь сообразить, откуда ей известно его имя. Присмотревшись, он узнал в ней ту самую Лидку, из-за «крысы» которой его поперли из дома лавочника.

— Лидок! — удивленно протянул Ленька, разглядывая похудевшую и подурневшую свою зазнобу. — Ты откуда здесь?

— Ой, Ленечка, всего так сразу и не расскажешь! — лепетала обрадованная девушка, теребя концы своего застиранного платочка.

— А ну, пойдем, — спохватился Пантелеев и потащил зябнущую девушку в ближайшую столовую.

Там, за тарелкой дымящегося супа, девушка рассказала ему о том, что произошло в квартире Линевых после того, как он оставил «барыню» без сознания. Линева, конечно же, пришла в себя достаточно быстро — убить такое чудовище так просто было невозможно. Как только она оклемалась, то, конечно же, заявила в милицию, приукрасив историю новыми фактами о якобы пропавших

деньгах. После этого она как следует выместила свою злость на Лидкиной спине, поломав об нее швабру.

— Я ж на сносях тогда была, Ленечка. Так эта стерва мне все нутро выколотила — потеряла я твое наследничка, — горько призналась Лидка, и ее слезы закапали в суп.

Ленька осторожно вытер ей лицо рукавом и пододвинул компот.

— Ну а потом что — на улицу меня, больную, выкинула. Даже мамкино приданое себе оставила, ведьма. Все жрет — все ей мало, на сиротское позарилась. Теперь вот я в швеи пошла, живу в общежитии. Работы много, я уж машинку себе купила, калымлю вот. В магазины бельишко сдаю, барышням платья пошиваю... — погрузилась Лида в описание своего несложного нынешнего быта.

Ленька смотрел на маленькое изможденное личико, постаревшее раньше времени и растерявшее всю свою свежесть, а думал совершенно о другом.

— Скажи, Лидка, а есть ли у тебя в клиентках богатые барыни?

— Как не быть? — с гордостью ответила она, вымакивая хлебушком остатки супа. — И богатые тоже есть. Сегодня вот у барыни Богачевой мерку снимала и с дочки с ее, Симочки, тоже. А мадам Эмилии, я тебе доложу, они заказали десяток простыней обшить кружевом — уж очень она любит.

— И давно ты у них швеей подрабатываешь? — пытал девушку Ленька.

— Да уж месяца два, не меньше.

— И что — тебя прямо в комнаты пускают?

— Ой, ну какой ты глупый, — рассмеялась она. — Конечно, пускают — не в передней же мерку снимать!

— А скажи-ка, Лидок, ежели б тебя попросить начертить, как у господ комнаты расположены да где они сундуки с добром прячут?

Лидка перестала улыбаться и уставилась на Леньку круглыми от удивления глазами.

— А ты почему спрашиваешь? — глухо поинтересовалась она.

— Да так — из любопытства, — лениво щурясь, проговорил Пантелеев.

— Эх ты — из любопытства! Думаешь, дурочку нашел? — разгневанно выпалила девушка. — А ну, говори, ирод, — в лихие люди пошел?

Она наклонилась к нему и пытливо заглянула в глаза.

— А ежели бы и пошел — тебе-то что?

— Что-что! Нечто и меня себе в сообщницы взять задумал, а? Погубишь свою дурную голову, да и мою вслед за ней — вот что! — девушка встала, собираясь уходить.

— Постой! — схватил ее за рукав Ленька. — Не для себя прошу — для товарища моего. Он, бедняк, совсем пропадает. Ему надобно отсюда побыстрее смотаться, а денег-то нету. А твои баре — им разве убудет? Поди, толстые все да ладные. А ты, бедолага, на них спинку гнешь, глазки портишь, а денег — шиш! Вона, смотри-ка, сколь добра нажила со своими мадамами — одни запла-

ты! — Ленька насмешливо потянул ее за драный зипун.

— Отстань, окаянный! — чуть не плача, тянула на себя подол Лида.

Ей было стыдно за свой голодраный вид, за свою беспомощность перед этой белозубой улыбкой. Она опустилась на скамейку и стала плакать.

— Ой, мамочки! — вдруг помягчал Пантелеев. — Это же кто у нас тут сырость разводит?

Он присел на корточки и заглянул девушке в зареванное личико.

— А ну, перестань! Такая взрослая — и ноешь. Да ты не бойсь — с тебя не спросится. А я тебя не обижу, одарю как следует, не сомневайся. Как куклу наряжу, будешь у меня барыней ходить. Ну только не плачь.

Лида еще немного повсхлипывала и умолкла.

— Ну, — не унимался Пантелеев. — Поможешь, или мне еще кого поискать?

— Давай карандаш, — угрюмо пробормотала девушка и распустила концы платка.

* * *

Проводив Лидию до общежития, Ленька вернулся домой и долго при свете ночника рассматривал план, стараясь выучить расположение комнат. Все места, в которых, по всей видимости, хранились наиболее ценные вещи, Ленька обвел жирными кругами и постарался представить распорядок дня рядового питерского меховщика. Это было нетрудно — Лидка почти что все разболтала, стои-

ло ему только залезть ей поглубже под юбку. Ленька еще с полчаса посидел над своим «чертежом» и позвал Белова, который помогал сестре навешивать люстру.

— Так, дядя, нашел я нам дело. Если хочешь оторвать куш приличный — пошли со мной. А нет — до свидания, я ваш Вася. Ну?

— Что за дело?

— Верняк. Меховщик Богачев — рыба жирная. Только негоже больше с моим пистолем без патронов на дело ходить. А вдруг кто дома будет? А вдруг кто не испугается да на нас полезет?

— Э, брат! Ты поосторожней со стволами-то. В мокруху вклеишься — кто тебя отмажет?

— Ладно, не дрейфь. Попужаем только, да и так, на всякий случай. Обороняться.

— Твое дело, — пожал плечами Белов.

— А где честные граждане вооружаются в стольном городе Питере?

— На толкучке — где ж еще, — удивился Ленькиной неосведомленности Белов.

Ленька вспомнил толкучку, прилично одетого бандита и свои грешки перед тамошним сообществом. Ему стало как-то не по себе. И хотя Ленька сейчас чувствовал себя не так уязвимо, как в ту пору, когда он слонялся по городу неприкаянный, лезть в петлю ему не хотелось. Хотя в Питере был не один только Сенной рынок — рынки тогда стали одной из главных достопримечательностей города, — но Ленька был абсолютно уверен, что банда того фраера паслась на них на всех. Лишние неприятности Леньке были сейчас ни к чему. Он

пошел спать, сославшись на головную боль, а сам, укрывшись с головой одеялом, стал мучительно размышлять о том, как бы ему снарядиться по-лучше к столь ответственному мероприятию. Вскоре он устал размышлять и заснул. На самом пороге засыпания в его голове загорелась и погасла одна-единственная фамилия: Вольман.

* * *

Вольман был мужчина в самой поре. Бизнес процветал, его окружали сплошь уважаемые люди, с ним спали все центровые барышни района. Свою «лавочку» он называл в шутку «Торговый дом Вольман и К^о» и всерьез подумывал о том, не приобрести ли себе на нажитые денежки какое-нибудь легальное дельце. Позже этому коммерческому ходу придумали остроумный термин «отмывка денег». Вольман о таком термине не знал, но все же понимал, что вечно жить по ту сторону закона не получится — придется отвечать за свои делишки. Однако осуществить свои великие замыслы ему было нелегко вследствие одержимости одной страстью — кокаином. Это замечательное белое вещество в ту пору было наиболее популярным и продвинутым видом наркоты, заменив собой опиумную настойку — «ландаум». И именно эта «белая страсть» держала Вольмана все в том же положении, что и прежде, и не давала ему продвинуться вперед ни на дюйм.

«Король наркоманов» Вольман был крупнейшим продавцом отравы в Петрограде. Доход, ко-

торый получал он с продажи наркотиков, был настолько велик, что позволял ему параллельно заниматься и другими видами контрабанды и незаконной торговли. Первоначальный капитал, нажитый им на спекуляции продуктами, принес Вольману порядочное состояние, приумножившись за счет торговли приспособлениями для «джентльменов удачи».

Именно в таком состоянии и застал Вольмана Ленька, когда обнаружил своего сокамерника там, где он ему указал — на углу Невского и улицы Пушкинской. Здесь находилась крохотная пивная, в которую, благодаря ловкости ее хозяина, мог зайти любой, но не мог зайти ни один легавый. Отчего в этом месте так вольготно чувствовали себя все преступные «короли», сказать было трудно, но это было именно так.

Просидев в пивной чуть ли не два часа, Пантелеев уже было собрался уходить, как вдруг взгляд его упал на ранее пустовавший стол. Теперь за столом сидел и скучал человек, вид которого напоминал рассказы о библейском Иосифе Прекрасном.

Пантелеев, не задумываясь ни на минуту, подошел к столу и плюхнулся рядом на табуретку.

— Ну, здорово, Вольман, — сказал он опешившему было торговцу.

— Здорово, коли не шутишь, — пробормотал Вольман, безусловно, узнавая Леньку, но не подавал виду — мало ли что.

— Не узнал меня, что ли? — спросил Пантелеев, сдвигая буденновку на затылок и улыбаясь.

— Как же, как же, — с готовностью закивал головой Вольман. — Ромео.

— Кто-о? — удивился Ленька.

— Неважно, — махнул рукой Вольман. — Чем могу быть полезным, молодой человек?

— Ты как-то говорил, что к тебе можно по любому вопросу обращаться, если что.

— Ну, говорил. Если только не по вопросу об экономике города Казантипа.

— Так вот вопрос: есть у тебя чем подогреть простого российского гражданина на предмет огнестрельного оружия?

— Что, на уток собрался? — лениво поинтересовался Вольман, хотя нервы его натянулись в предчувствии неплохой сделки.

— На гусей, — отреагировал Ленька. — На пуховых.

— И чем же ты, дорогой мой, полагаешь бить своих пуховых гусей?

— Ну, что-нибудь солидненькое. «Наган» или вроде того. И патронов еще — к нему и к «браунингу».

— У-у, крупные, видать, гуси, — протянул Вольман, поднимаясь. — Ну что ж, пошли, коли не шутишь. При воздухе, надеюсь?

— Обижаешь!

Сделка состоялась успешно к удовольствию обеих сторон. Вольман сбыл с рук ворованный «наган» и полпачки патронов за двойную цену. Патроны к «браунингу» обещал поискать — нет пока в наличии. Ленька же, которому до фени была цена, был рад тому, что его карман оттягивало те-

перь настоящее серьезное оружие, к холодному металлу которого при желании можно было притронуться кончиками пальцев.

Вольман, обрадовавшись приобретению такого покладистого клиента, приглашал заходить еще — он всегда к услугам серьезного человека. Уже на пороге Ленька обернулся и спросил:

— Да, кстати, у тебя, кажется, есть свой торговый дом?

ГЛАВА 6

В комнатах было натоплено и тихо. Бронислава любила этот час, когда хозяйка отправлялась с супругом на вечерний моцион и ее никто не трогал.

Молоденькая Сима, хозяйская дочь, сидела в своей комнате и что-то строчила в альбомчике. Бронислава знала, что от нее хлопот не будет — тихоня. Сегодня этот безмятежный час омрачался тем, что Эмилия, сестра Богачевой, слегла с бронхитом и через каждые полчаса звала прислугу, чтобы та смочила ей потрескавшиеся от жара губы.

В очередной раз принеся воды и уксусу для того, чтобы протереть виски, Бронислава нашла Эмилию в каком-то возбужденном состоянии.

— Бронечка, — сипела она. — Как мне дурно! Принеси-ка чаю с малиной... Нет-нет, останься! Что-то на сердце у меня беспокойно... Где же Ваня? Уж не случилось ли чего? Бронечка, может, ты сбегаешь узнать, а? Я ему записку напишу...

— Ну, уж увольте, госпожа хорошая! — возму-

тилась Бронислава. — Я — женщина порядочная и на ночь глядя по мужчинам шастать не собираюсь. К тому же пошаливают нонче на улицах, разве не знаете? Не волнуйтесь, придет ваш Ваня — сейчас еще только половина четвертого, а он на службе до четырех.

— Ох, Бронечка, посиди со мной, — стонала больная, и Бронислава бесилась, полагая, что такой взрослой даме пора бы уж болезнь переносить поспокойнее. Не успела Бронислава запересться на кухне, чтобы хоть немного отдохнуть от стонов Эмилии, как в дверь позвонили. Бронислава накинула платок и вышла в переднюю.

— Кто там? — прокричала сквозь дверь она.

— А дома ли мадам с Симой и где Эмилия? — прозвучал ей в ответ мужской голос, приглушаемый толстой дверью.

— Мадам нету дома, а Эмилия лежит больная, — ответила Бронислава.

Бойкая Симочка подскочила к двери:

— Кто это? Кто? Броня, это, наверное, Ванечка! Он наконец пришел проводить нашу Милечку! — прыгала, как егоза, Сима.

— Кто это там? — снова спросила Бронислава. — Не Ваня ли?

— Да, — ответил голос.

— Ну открывай же, открывай! — теребила служанку Сима, пританцовывая от нетерпения.

— Будет тебе, егоза! Выйди в комнаты, простудишься, — проворчала Броня, с трудом отодвигая тяжелый засов.

Едва она открыла замок, как в квартиру, слов-

но вихрь, ворвались двое незнакомых ей людей и сразу же столкнули ее и Симу в комнату.

— Ах, Симочка! — насмешливым голосом обратился один к молодой хозяйке.

Бронислава посмотрела с удивлением на обоих и только что-то хотела сказать, как увидела в руках вошедших два направленных на нее ствола.

— Кто там? — поднявшись с постели и выйдя в коридор, спросила Эмилия и тоже замерла от удивления и страха.

— А ну, иди, — прикрикнул тот, что пониже, на всех троих и, то и дело подталкивая женщин в спину, загнал их в дальнюю комнату. Вскоре туда вошел и его сообщник — здоровенный мужик с черной курчавой бородой.

Все три женщины сперва только часто моргали от страха, но тут Симу прорвало. Схватившись обеими руками за голову, она открыла рот и стала вопить. Один из налетчиков толкнул ее на кровать и велел второму:

— Свяжи эту дуру и заткни ей рот кляпом. А вы, дорогие мои, если будете орать, получите по пуле в лоб. Рви простыню, — велел он Брониславе.

Та покорно принялась терзать батистовое полотно, помогая себе зубами и руками. Разорвав простыни на полоски, она покорно протянула их бандитам и села, опустив глаза вниз, чтобы не видеть страшных зияющих дул.

В комнате стояла зловещая тишина, прерываемая только вскриками одной из женщин — той,

которую в данный момент скручивали при помощи простыней. Когда бандиты связали всех троих, молодой, одетый в шинель, приставил пистолет к самой голове Брониславы и ласково сказал:

— Ну, Расскажи-ка нам, красавица, где твои буржуи прячут свои богатства? Поди, не раз с них пыль вытирала?

Бронислава молчала.

— Не скажешь, тогда я тебе голову прострелю, как цыпленку, — пригрозил бандит.

— Я не знаю, не знаю! — запричитала насмерть испуганная Бронислава. — Не знаю я, где у господ хранятся деньги!

— Не знаешь? Ну, так мы и без тебя возьмем, что нам нужно, — со смехом сказал бандит и махнул своему молчаливому напарнику.

Тот спрятал свое оружие и взамен него достал из-за пояса остро отточенный стилет, похожий на жало.

— Вон там, там и там, — указывал на шкафы и сундуки с добром молодой.

Здоровяк не торопясь подошел по очереди ко всем указанным ему шкафам и аккуратно взломал при помощи стилета все замки.

— Хорошо, — коротко кивнул молодой и полез в первый же шкаф.

Оттуда посыпались, искрясь в свете керосиновой лампы, норковые и бобровые шкурки отличнейшей выделки. Пантелеев подхватил одну из них и потряс за концы, любуясь игрой света на глянцевитых волосках.

— Красота-то какая, а? — с восторгом провел он пальцами по мягкому меху. — Не обманула меня моя краля, не обманула!

Вытряхнув на пол содержимое всех остальных шкафов, которое было столь же богатым, обшарив все платяные шкафчики, шкатулочки и секретерчики, Ленька с удовольствием осмотрел гору набранного добра и драгоценностей и пробормотал:

— Любо!

В глазах Белова горел недобрый и жаркий огонек. Ему в жизни никогда так не везло. Однако он первый пришел в себя от этого зрелища чужого добра:

— Сматываться пора, хватит нюнить! — хрипло окликнул он Леньку, который никак не мог успокоиться и все перерывал пустые уже хозяйские закрома.

— А, черт! — опомнился Пантелеев и стал осматриваться в поисках подходящего баула для транспортировки краденого. Ему на глаза попала большая бельевая корзина, в которой лежали еще волглые простыни, вытащенные Брониславой со двора. Он быстро вывалил постиранное белье на пол и вместо него набил корзину мехами и барахлом. Деньги и драгоценности он распихал по карманам и, помахав на прощание револьвером, скрылся за дверью. Его огромный спутник последовал за ним.

Они вышли из парадного подъезда и спокойно проследовали в сторону центра города.

Разложив на квартире Белова все свое богатство, Ленька и так и эдак разглядывал его.

— Ну, Ленька, ну, шкет! — завистливым тоном бормотал Белов, взвешивая на руке алмазную брошку. — Вот уж подфартило, так подфартило! Заживешь теперь, как барин.

— Чего уж там! — притворно отмахнулся Пантелеев. — Всего-то и взяли, что фунт дыму.

— Всего! — крикнул Семен. — Такого бы мне всего — давно б уж удрапал за границу и жил там, как фон-барон.

— Шутишь! — ответил Ленька.

— Ну что, зовем Шпалеру? Куда-то это нужно сбавить споренько.

— Нет, погоди, — отмахнулся Ленька. — Твой Шпалера — несчастный спекулянт и слишком много хочет. У него товар за бесценок идет, а я не за просто так подставлялся. У меня своя идея по этому поводу есть.

— Ну, как хочешь. Хочешь палиться — пались, а мне Шпалера ничего плохого не сделал. Давай мне мою долю, а свою — хоть выбрось, не расплачусь, — бубнил Белов, которому мало того, что завидно было, так еще и обидно за себя, непутевого, за новыми веяниями не поспевающего.

Ленька по-братски разделил награбленное, не обидев подельничка. Белов сгреб в мешок меха и молча отправился разыскивать своего маклака, к которому он уже привык.

Ленька же, проводив Белого, порылся в барахле, отложил кое-что из женских вещей, припрятал

это под кроватью. Остальное завернул в бумагу, перевязал жгутом и отнес Вольману.

Вольман порадовался качеству и богатству предложенного его вниманию товара, достаточно щедро заплатил, предвкушая, как он наживется на этом «дыме», если успеет его загнать фарцовщику, отчаливающему послезавтра через финскую границу. Впрочем, себя Вольман, разумеется, не обидел — меха и бриллианты стоили гораздо дороже заплаченной им суммы.

Увидев кучу денег, какой он не видел еще никогда в жизни, Пантелеев словно с ума сошел. Он шел, счастливо улыбаясь прохожим, и кровь стучала у него в голове. Он наконец достиг желаемого — стал достаточно богат, чтобы позволить себе даже обед в ресторане «Донон» и извозчика.

— Извозчик! — крикнул Пантелеев, увидев поную лошадиную морду, обгоняющую его.

Извозчик тормознул. Пантелеев вспрыгнул на сиденье, закутался пологом и крикнул:

— На Литейную!

Заехав за вещами, он поехал на извозчике к общежитию, нашел там Лидку и вывалил перед ней на стол разворачивающийся сверток.

— Это что? — испуганно спросила девушка.

— Это подарок тебе. За помощь моему другу. Велел кланяться.

— Ах, Ленечка! — вздохнула девушка, осторожно разглядывая принесенные вещи.

Бумага на свертке прорвалась, и оттуда на пол заструились шелк и мех, свитые вместе, как змеи. Ленька самодовольно улыбался, глядя, как обми-

рает от восторга неопытная нищая девчонка, разглядывая принесенные им наряды.

Подарок был действительно царский. Сверток выпустил из себя черное бархатное платье с открытыми плечами и фестонами по подолу, халат из переливчатого китайского шелка и несколько шкур норок, чернобурок и соболей.

— Это мне? — дрожащим голосом спросила девушка.

— Тебе-тебе, не сомневайся, — уверил ее Ленька. — Да хватит причитать-то, ты примерь лучше.

Лида, краснея от смущения, стащила с себя домашнее платье и стала надевать по очереди подаренные наряды, стараясь разглядеть себя в закопченном зеркале.

— Эх, жалость какая — великовато! — огорчилась она. — Придется перешивать. Боюсь, испорчу, вон ткань какая тонкая.

— Ладно, справишься, — сказал Пантелеев, гася свет и начиная стаскивать скользкий шелк с дрожащего тела.

* * *

Опьянев от успеха самого первого своего дела, Ленька незамедлительно стал планировать второе. Он шатался по кабакам — благо денег было предостаточно, заводя полезные знакомства и прислушиваясь к разговорам пьяненьких нэпманов и нетрезвых граждан за соседними столиками.

Ждать пришлось недолго. В один из вечеров Ленька ужинал в ресторане «Симония». Незадол-

го до того, как он посчитал этот вечер потерянным, к его столику, чуть покачиваясь на высоких каблуках, подошла высокая, пьяная в дым женщина и спросила:

— Солдатик,пусти меня к себе погреться. Администратор, сука, гонит — говорит, пьяная.

Не дожидаясь ответа, женщина шмякнулась на стул и достала из сумочки папироску. Ленька молча протянул даме зажженную спичку, за что та благодарно выдохнула дым ему в лицо. Ленька оценивающе оглядел дамочку и понял, что она не из проституток — это было видно по хорошо сохранившейся фигуре, свежему лицу и явно хорошим манерам. Почуввав наступление «фартового» периода, Ленька приготовился слушать во все уши то, что выболтает ее пьяный язык.

— А ты красивый, — мечтательно сказала она, протягивая руку, чтобы дотронуться до Ленькиного лица.

Ленька немного отстранился и спросил:

— Мадам, не угодно шампанского?

— Мадам угодно тебя, — роняя руку на стол, устало проговорила дама. — А впрочем — валяй. Шампанского!

Ленька подливал даме шампанского до тех пор, пока ту окончательно не развезло. За этот недолгий период ему удалось узнать, что мадам зовут Валентиной и работает она секретаршей. Только работа эта ее не радует — ведь она была такой талантливой!..

Терпеливо выслушав плаксивые рассказы о светлой и многообещающей юности бывшей вос-

питанницы Смольного, Пантелеев осторожненько подвел ее к разговору о ее нелегком и неблагодарном труде. Она с обидой в голосе рассказала об «этой скотине» Грихельсе — докторишке, который лапает ее все время, пока она стенографирует его доклады начальству.

— Сволочь, шкура! — шипела Валентина. — Денег наворовал, а у самого снега зимой не допросишься! Хоть бы сраное колечко подарил — так нет! Его жирная семейка все сжирает, все!

Валентина, плача, уронила свою прекрасную и непутевую голову на стол. Пантелеев осторожно взял ее лицо в ладони и поднял, приговаривая:

— Ну что вы, мадам! Хотите, я проучу этого мерзкого старикашку, хотите?

— О-о, — простонала она, молитвенно складывая ручки. — Вы вызовете его на дуэль, да?

— Ну конечно, душечка! — Пантелеев поцеловал кончики ее пальцев — он видел, как это делается в кинематографе.

— Давайте я напишу вам его адрес, — с готовностью согласилась кровожадная мадам, порывшись в сумочке.

Она нацарапала адрес на листике блокнота и протянула его Ленке. Ленка, слегка шевеля губами, прочитал адрес и, по своему обыкновению, постарался выучить его наизусть.

— Все! Завтра же вечером его голова будет у ваших прекрасных ног! — пылко воскликнул Пантелеев, засовывая бумажку в карман. — Вы мне только скажите — когда эта сволочь бывает дома.

— Он? Он обычно на службе до шести, потом

обедает, а потом — по частным пациентам, — начала бормотать Валентина. — А вы лучше поближе к двенадцати или с утра.

— Понял, — ответил Пантелеев и стал подниматься из-за стола.

Валентина смотрела на него, словно на бога, явившегося ей во плоти. В одно мгновение она почувствовала, что жизнь стоило прожить уже ради того, чтобы встретить в эти ужасные годы героя ее мечтаний.

— Пойдите! — крикнула она ему. — Вы разве не проводите меня домой?

18 марта 1922 года, Петроград

Поутру Валентина была менее восторженной и более настороженной. Она молча собралась на службу и выставила Ленку из квартиры. Он ничуть не расстроился по этому поводу и немедленно зашагал по указанному адресу.

Потолкавшись на улице, Пантелеев заметил стайку беспризорников, которые играли в чижа. Поймав одного из сопливых шкетов за воротник, Пантелеев молча вытащил из кармана рубль царской еще чеканки и положил монету в замызганный кулачок пацана. Тот выглянул из-под кривого козырька своей большущей кепки и хриплым баском спросил:

— Че надо-то?

— Пацан, ты здесь всех знаешь?

— Ну.

— Вон там на втором этаже кто живет?

— Лекарь пузатый, — сплюнул парнишка.

— А с кем он там живет?

— С женой и служанкой, Марфой Рябой.

— Хочешь еще рубль?

— Ну, — нетерпеливо переступал с ноги на ногу пацан.

— Получишь в два раза больше, если завтра вечером зайдешь во-он в тот шинок, когда доктора с женой не будет дома. Найдешь меня там, тогда и денег получишь. Усек?

Шкет молча кивнул и помчался вместе с друзьями с гиком и криком по своим неотложным делам.

Пантелеев же отправился разыскивать Белова, чтобы сообщить ему о том, что завтра их состояние может увеличиться на энную сумму.

На следующий день они уже после обеда засели в трактире на углу той самой улицы, на которой находился заветный дом. Пантелеев прошелся по ней пару раз, убедившись, что завербованный шкет — на своем боевом посту. Стоит себе, подперши плечами обшарпанную стену, насвистывает с независимым видом, а из-под кривого козырька сверкает то и дело злой и внимательный глаз.

Пантелеев прошел мимо паренька, ничего ему не сказав, и направился обратно в душный и мрачный трактир, где винишком подогревался его подельник.

— Ну что, Пантелеша, возьмем сегодня воздуха, али как? — встретил он напарника.

Пантелеев уселся на табурет и размотал шарф со своей длинной шеи.

— Поглядим, — уклончиво ответил он и тоже налил себе кисло пахнувшей жидкости.

Он впервые почувствовал неуверенность: наводка была очень неверная, мало ли что могла наплести пьяная баба. Но выбора не было — нужно было попытать счастья.

В четверть девятого на пороге кабака появился давнишний шкет, присвистнул, оглядывая зальчик, и стал протискиваться между столами к Леньке.

— Ушли буржуи, — лаконично сообщил он и протянул ладошку.

Ленька наградил пацана парой монет и грозно сказал:

— Ну, ежели наврал, постреленок, не сносить тебе твоих штанов до старости!

Шкет не стал больше слушать, а развернулся и побежал по лестнице вверх, к выходу, только оторванные каблук ботинок захлюпали.

— Ну пошли, что ли, — натягивая буденновку, сказал Ленька.

— Идем, чего уж там, — так же равнодушно отозвался Семен, просовывая руку в карман и проверяя наличие там «браунинга».

В этот раз налетчики действовали более быстро и отчаянно. Постучав в дверь, они услышали вопрос служанки:

— Кто там?

— Доктор Грихельс дома?

— Нету, они в театре, — донеслось из-за двери.

— Откройте, доктору записка срочная! — настаивал Ленька.

За дверью надолго затихло. Пантелеев уже подумал о том, что им придется убратъся несолоно хлебавши, а Белов, ворча, как старый пес, начал засовывать «браунинг» в карман, но тут громко загремел железный засов. Они вздохнули с облегчением и снова мобилизовались. Когда дверь наконец приоткрылась и на пороге показалась растерянная служанка, Пантелеев протянул ей сложенную вчетверо бумажку с адресом. Пока она разглядывала листочек, они протиснулись в дверь и наставили на нее стволы.

Бумага полетела на пол, глаза прислуги расширились, и открылся было рот, но Пантелеев грозно сказал:

— Говори — одна дома или нет? Только не ори!

— Одна я, одна, — причитала служанка. — Более нет никого, господа ушли...

— Ну и замечательно, — сказал Пантелеев и взял служанку за руку, велел Белову взять ее за другую.

— Что ж, красавица, — насмешливо сказал Ленька, идя в комнаты и ведя за собой служанку. — Показывай давай, где у вас что. Вот тут, видимо, господа едят. Вон там твоя светелка, да? Больно уж нищая. А вот тут — гостей принимают. Я прав, касаточка?

Он больно сжал служанке руку, та вскрикнула.

— Ну я же просил — не ори, — с укоризной сказал Ленька, приставляя «наган» к ее голове. — Сказывай нам теперь, где твои господа держат

самое что ни на есть у них ценное. Я не имею в виду жизнь.

— Я не знаю, я ничего не знаю! — лепетала служанка, от ужаса теряя остатки разума.

— Это ничего, мы и сами найдем, — уверил ее Пантелеев и стал шкаф за шкафом обследовать комнаты. Белов помогал ему. Служанка сидела на кровати с испуганным видом и с ужасом смотрела на то, как чистенькая и уютненькая квартира постепенно захламляется. Белов не отставал от Ленки, взламывая то, что было закрыто. Вскоре они перерыли все, что могло содержать записки и кубышки, и, не найдя ничего, пришли в ярость.

— О, черт! Да тут пусто! — орал Ленка.

— Говорил я тебе, голуба, не верь бабам, — гундел Белов, потроша очередной матрас.

— А, чего уж теперь! — метался по комнате Пантелеев.

Его ужасно бесило то, что на этот раз пришлось напрягаться впустую.

— Так, давай упаковывай хотя бы барахло. Не пропадать же добру. Пригляди за девчонкой, я покуда за извозчиком сгоняю, — отдал распоряжение Ленка и, зло топая сапогами, сбежал вниз по лестнице.

* * *

Само собой, после того, как краденое было сбыто с рук, больших барышей поделеньки не получили. Белов шипел, как чайник.

— Нет, парень, это никуда не годится, — значи-

тельно сказал он, пересчитывая купюры. — Ежели уж ходить на дело, так ходить. А за эти гроши у нас даже прыщ не вскочит.

Ленька молчал и злился. Он прекрасно понимал негодование Белова, но понимал также, что неудачи бывают у каждого. Белов тоже не был от них гарантирован. Ленька мог поспорить, что добыча Белова была в среднем такая же, как и в этот раз. Просто произошедшее было поводом для того, чтобы отыгаться на молодом налетчике за его самоуверенность. Все это Ленька понимал и выводы из этого соответствующие сделал.

— Ну вот что, Семен. Твое нытье мне окончательно обрыдло. Теперь всяк сам себе голова. Ты — себе, а я себе.

Он поднялся и стал складывать свое добро в котомку, стараясь не глядеть в немедленно налившиеся слезами глаза Светланы.

Белов молчал и смотрел в тарелку, стараясь побороть в себе желание помириться с подельником — он уж как-то к Леньке по привычке. Но его упрямство и гордость не позволили ему взять все свои слова обратно.

Ленька между тем так же молча пошел к выходу, на ходу застегивая шинель. Светлана сорвалась с места и догнала его уже на лестнице.

— Ленечка, касатик! — запричитала она. — На кого ж ты меня, несчастную, покидаешь? Пошто губишь?

— Хорошая ты баба, Светка. Хорошая, да только никчемная. Спасибо тебе за тепло да за ласку, да только вот не по пути нам с тобой, бедовая.

Живи себе у брата, перешивай краденое, а мне позволь самому век коротать.

Не обращая внимания на рыдания у себя за спиной, Пантелеев прибавил шаг и вышел из давно опостылевшего дома.

ГЛАВА 7

Дальнейшую жизнь новоявленного рецидивиста Пантелеева Ленки можно назвать казенным словом «частная». Покинув берлогу своего первого подельничка, Ленка недолго мытарствовал по весеннему городу. Его видели в районе Сенного рынка, в одной из гостиниц и в паре ресторанов. После этого его след затерялся в одном из многочисленных дворов Петрограда.

Впоследствии на суде на вопрос о том, что он делал в этот загадочный период, Пантелеев уклончиво отвечал:

— Жил на квартире у девчонки. Играл на гитаре да пиво пил.

Что это была за девчонка и почему Пантелеев «сидел у нее под юбкой» и никаких конкретных шагов не предпринимал, никто до сих пор так и не знает. Может быть, он решил, что награбленных им средств хватит, чтобы прожить свою жизнь без хлопот. Может быть, что-то у него было с этой девчонкой, хотя уже к тому времени стало ясно, что женщины волнуют Пантелеева только как средство для достижения какой-либо цели. А может, всему виной — петроградские белые ночи, которые делали даже этот мрачный город таким про-

зрачным в то время, когда все спят. А это для налетчика — хуже не придумаешь.

Сам Пантелеев сослался на плохое самочувствие. Но чем таким Ленька болел, что мешало ему заняться всерьез каким-нибудь делом? Ясно одно — никаких громких дел до самого лета с именем Леньки Фартового связано не было.

Июнь 1922 года. Загородный проспект

Шел трамвай девятый номер. В трамвае, стучась задом о струганные доски, сидел и дремал товарищ Васильев, который гордился тем, что был когда-то сотрудником ЧК. Сейчас товарищ Васильев сменил френч на вышитую украинским крестом рубаху и смешную соломенную шляпу. Он был бдительным добропорядочным гражданином и ехал с женой на дачу. Васильев зевал по сторонам и глазел на прохожих.

Вдруг на переднюю подножку трамвая вспрыгнул видный молодой человек и, мурлыкая какую-то мелодию, прислонился спиной к стенке. Васильев равнодушно разглядывал его профиль и мощную шею, как вдруг его осенило:

«Я этого человека откуда-то знаю. Откуда?» — Васильев стал вглядываться в лицо незнакомца внимательнее. И вдруг он понял, что этот белозубо улыбающийся парень не кто иной, как Пантелеев Ленька, бывший курьер и нынешний преступник.

Трамвай весело бежал по проспекту, позванивая на поворотах, светило солнышко, и ничто не предвещало беды. Вдруг Ленька посмотрел через плечо, провожая взглядом симпатичную женщину, и увидел грузного мужчину в украинской сорочке, пробирающегося к выходу. Ленька в секунду узнал эту потеющую под соломенной шляпой лысину и пшеничные усы. Пантелеев не стал дожидаться, пока дядька настигнет его и задаст пару неприятных вопросов. Он спрыгнул с подножки трамвая и побежал изо всех сил, петляя, как заяц.

Он слышал за спиной громкий топот, который становился все ближе, и внезапно задохнулся от врезавшегося в шею воротника.

— Стой, я тебе говорю! — кричал бдительный гражданин, держа Леньку за тужурку.

— Как бы не так! — зло крикнул через плечо Ленька и рванулся изо всех сил.

Пуговицы полетели с тужурки, как горох, во все стороны, Ленька почувствовал, что он освободился, и помчался в таком темпе, что пыхтящий и задыхающийся Васильев скоро отстал. Но он все еще висел на хвосте, стараясь не упустить из вида бегущего впереди и истошно крича:

— Держи его! Держи вора!

Ленька чувствовал, как его нервы звенели, как струны, а мышцы ныли от усталости. Бежать по людному району становилось все опаснее. Да еще этот горлопан никак не угомонится...

Ленька выхватил револьвер и, не целясь, два

раза выстрелил по толстяку. Его расчет оказался верен: Васильев, испугавшись за свою жалкую жизнь, куда-то сразу потерялся.

Прохожие начали удивленно оборачиваться и уже подхватывали несущийся издалека крик:

— Держи! Держи его!

«Куда, куда, куда? — прыгали в голове мысли. — Банк! Двор проходной! Срочно туда!»

Не тут-то было: какая-то фигура бросилась наперерез, не скрывая своего намерения перехватить беглеца.

— Ах ты!.. — прошипел Пантелеев, выпуская оставшиеся в револьвере патроны в сторону бегущего к нему человека в форме.

Тот споткнулся... упал на землю, выпуская из горла струю крови. Ленька этого уже не видел, мчась вприпрыжку по Фонтанке. Добежав до переулка, он повернул в него и исчез.

* * *

— Ты чего?

— Нормально все.

— Ты куда?

Ленька возбужденно ходит из угла в угол, распахивая по карманам сигареты, деньги и патроны.

— Твое какое дело? Твое дело — сторона, сиди и на пианине бренчи. Гости придут, спроси прежде пароль. Будут меня спрашивать — скажи, не знаю, где и когда будет.

— А когда будешь? — смиренно спросила женщина, кутаясь в шаль.

— Когда рак на горе свистнет, — хмуро говорит Ленька и выходит из дому.

Снова — на улице. Снова — гоним. Но только теперь он навеки повязан страхом за свою собственную жизнь. Его ищут, его преследуют. Он не может остановиться, теперь уж придется идти до конца. Этот человек, который кувыркнулся во дворе Госбанка, — ведь он, возможно, и мертв. Мокруха. Только этого не хватало!

Патроны кончаются, деньги кончаются. И ведь не дожدهшься, когда эта сволочь Вольман вспомнит о нем. Эта рожа наркоманская теперь совершенно не вылазит из своего притона и оттягивает там с лярвами, сопя своими кокаиновыми ноздрями.

Ленька ругал на чем свет стоит всех своих ненадежных подельников, жадных маклаков, да и свою судьбу, что не давала ему больше покоя.

Засев на «малине» у Лидки, он стал ждать прихода кого-нибудь из вольмановских фраеров. Тут же сидели и дулись в очко мелкие воришки, с которыми ни один уважающий себя домушник связываться не станет.

— Развела ты, Лидка, политес с этой шушерой, — ворчал Ленька, располагаясь за ширмой с гитарой в обнимку. — Плюнуть некуда — в козла попадешь.

— Ладно ныть-то, — зло ответила Лидка. — Сидел бы у себя на хазе, ежели такой привередливый.

— Эх, Лидок, кабы ты знала, как трудно жить

на свете никем не понятой душе... — Ленька дернул за одну струну и поднял глаза к потолку.

— Это ты душа-то, что ли? — насмешливо спросила хозяйка «малины», присаживаясь на край топчана. — Да ты, Лень, выродок, нехристь — вот ты кто! Почто вчера пацана избил?

— А почто твой пацан у меня табак тырит? Куришь — имей деньги на папиросы, вот и весь сказ.

— Тьфу, — плюнула Лидка. — Никудышный ты человек.

— А ты что хотела? Думала, камер-юнкера на груди пригрела? — отозвался Ленька, откладывая гитару. — Я, Лидка, почитай, теперя поважнее камер-юнкера буду. Только вот отсижусь малость, а то легавые всполошились.

— Как же, знаю, — кивнула головой Лидка. — Еще бы не всполошились. Чего ты по городу с револьвером бегаешь да палишь, как оглашенный? Чего тебе неймется? Сказано же было — до августа успокоиться, а ты?

— Кем сказано-то?

— Белым.

— Ой, тоже мне — Белый! Фон-барон выискался! Где бы он был сейчас, твой Белый, если бы не я.

— Да перестань ты, Ленька. Все знают, что вор ты никудышный, и сиди себе помалкивай.

— Ты мне, Лидка, эти разговоры брось. Эти сплетни Белый распускает, чтобы себя выставить. А я вот что тебе скажу: врет твой Белов, как сивый мерин. Он, поди, тебе и про меха сказал, что это его работа?

— Ну, сказал.

— Так передай своему Белому, что тот орел, что в небе летает, скоро заставит эту ворону говно клевать! И закончили с этим.

Лидка посмотрела на Пантелеева задумчивым взглядом, поправила вырез на платье и вышла из комнаты. Для того, чтобы из наивной дурочки превратиться в хозяйку «малины», Лидии Лудэ потребовалось очень немного времени, каких-то несколько месяцев. И это не удивительно: во время непреходящей смуты, меняющей лицо страны чуть ли не ежедневно, нет ничего странного в том, что ее жители за считанные недели превращались из рядовых обывателей в совершенно непредсказуемых типов.

Роскошь быстро привила Лидии вкус к праздной жизни. Она бросила работу и жила за счет Ленькиных — и не только — подарков, которые всегда были настолько шикарны, что грех было жаловаться. Ленька содержал квартиру, давал на лапу домовладельцу, чтобы тот не задавал лишних вопросов, держал в ежовых рукавицах всех завсегдатаев, которые, боясь его, даже в сильном подпитии обращались с хозяйкой дома и всем имуществом с должной почтительностью.

Впрочем, Лидка не только лицо целыми днями румянила. Она во всем была верной помощницей Пантелееву. Перешивала краденое, помогала сбывать его, хранила в своей головке все его секреты. Но самое для Леньки важное ее качество заключалось в том, что она была хитра, как лисица, и могла втереться в доверие к кому угодно и выведать все,

что Ленке было нужно. Пантелееву не в чем было ее упрекнуть — ведь это она навела его на самую шикарную квартиру, которую он когда-либо грабил в своей жизни.

Лида была довольна своей жизнью. Да и можно ли было женщине желать лучшей доли: она была молода, по-своему любима и так богата, как не могла и мечтать. Лудэ осознавала, что так продолжаться вечно не может, что настанет когда-нибудь и расплата. Но каждый человек надеется на лучшее — мало ли как повернется судьба.

* * *

Пантелеев, чье настроение было совершенно испорчено разговором с Лидкой, вышел в комнату, где продолжалась резня в карты, и стал мрачно разглядывать игроков. Их тупые лица вызывали у него отвращение. Кинув через плечо: «Уроды», — Пантелеев вышел из квартиры и пошел по направлению к Невскому.

У него была определенная цель — ресторан «Бристоль», любимое Ленкино злчное место. Здесь можно было достаточно вкусно поесть, выпить хорошего вина, пообщаться с дорогими проститутками и послушать душещипательные романсы в исполнении толстенной мадам. На фоне остальных ресторанов высшей категории это место было достаточно пошлым, но его мещанская роскошь привлекала Ленку и людей ему подобных, как мед медведей.

В этот выходной день зал был набит до отказа,

к тому же было уже достаточно поздно. Ленька с ненавистью посмотрел на разомлевшую почтенную публику и уже было развернулся, чтобы уйти, как вдруг увидел сидящего в одиночестве парня его возраста. Парень был задумчив и мрачен, его щека покоилась на кулаке, а глаза наблюдали за тем, как по бутерброду бродит муха. Ленька решил, что такая компания все же лучше, чем гогочущие щипачи у Лидки в «малине», и решил напроситься в собутыльники.

Получив разрешение у грустного парня, Ленька присел за стол, подозвал официанта и сделал заказ. Пантелеев не собирался ждать, когда сосед по столу обратит на него внимание, и заговорил первым:

— А что, товарищ, сегодня у нас поминки?

— Не остри, товарищ, — с укоризной смотрел на него незнакомец. — А то можно и по морде схлопотать.

Такое начало очень понравилось Леньке — в последнее время он очень уж любил людей прямолинейных.

— Ну зачем же по морде? Лучше уж по рюмке, — сказал Пантелеев и выпил кстати. — Меня зовут Леня, — отрекомендовался он соседу.

— А мне-то что? — все так же заунывно ответил парень, равнодушно прихлопывая муху рукой.

— Эх же ты, брат, неразговорчив! Поди, из провинциалов? — не унимался Ленька, стараясь расшевелить парня.

— Сам ты каторжник беглый, — огрызнулся парень и переложил щеку на другой кулак.

Ленька долго присматривался к незнакомцу, пытаясь, по своему обыкновению, определить, что за человек перед ним и что за история с этим человеком приключилась. Проанализировав поведение и настроение добра молодца, Ленька хлопнул рюмашку и поднялся:

— А ну, выйдем.

— Куда? — все так же лениво простонал парень.

— Выйдем-выйдем! — настойчиво тянул его за рукав Пантелеев. — Поговорим, как мужчина с мужчиной.

Новый знакомый нехотя поднялся и поплелся за Ленькой на улицу. Завернули в какой-то переулок — Ленька впереди, парень сзади. И вдруг — не успел парень и ойкнуть — быстрый Ленькин кулак мазанул его по лицу. Тут же и юшка потекла по губам, и искры из глаз посыпались. Всю вялость с парня как рукой сняло:

— Ну ты! — удивленно промычал он и рванулся к Леньке, потрясая в воздухе своими немаленькими кулачищами.

Потасовка была славной — с разбитыми лицами, фиолетовыми кругами у глаз и разорванной одеждой. Парень рычал, Ленька подзадоривал его окриками и шуточками — в общем, веселились, как могли. Наконец парень настолько вошел в раж, что Пантелеев почувствовал — стоит пропустить один удар, и этот зверь выключит его моментально. Такого исхода дела Ленька дожидаться не стал и с помощью подножки посадил его в снег. Тот попытался было встать, да передумал. Ухнул,

как сова, утерся и стал есть снег, зачерпывая его горстью.

— Ну, — поинтересовался Ленька, прикладывая снежок к глазу. — Полегчало?

Парень удивленно поднял глаза, а потом улыбнулся:

— Еще как!

Он подумал минуту и, что-то осознав, пробормотал:

— Спасибо.

Ленька протянул ему руку и помог вылезти из сугроба. Потом они обменялись рукопожатием и заново познакомились:

— Ленька.

— Митяй.

* * *

Дима Гавриков был по происхождению потомственный крестьянин. Как это водится в деревнях, семья у них была большая — аж семь человек.

Митя был третьим сыном — старше его были еще сестра и брат. Младше же — еще братья, а самый малый помер в раннем детстве. В пятом году вся семья с малолетним Димкой переехала в Петербург, бросив развалившееся вдруг хозяйство.

Отец помыкался в поисках работы, но ничего не нашел. Мать пошла поденщицей к зажиточному немцу. Однако главный доход в семью приносила старшая сестрица — Мария Яковлевна. Машу отдали в артистки и, закрывая глаза на то, чем ей

приходилось зарабатывать на жизнь, спокойно проедали ее жалованье.

Вскоре один из поклонников ее таланта снял сестрице квартиру — должна же она была где-то принимать гостей? Это, впрочем, не помешало главе семейства время от времени наведываться к ней и отбирать дорогие подарки, получаемые ею от богатых ухажеров. Папаша ловко сбывал с рук то соболий палантин, то пару драгоценных серег.

Так они и жили, кстати говоря, очень даже неплохо. Так неплохо, что позволили себе отдать Митя в обучение. Мама, заглядываясь на хорошо одетых лицеистов, мечтала, что ее сын выучится и станет уважаемым человеком — не то что эта хабалка Машка. Именно благодаря настойчивости своей родительницы, которая буквально плешь проела благоверному своими просьбами, Дима с восьми лет обучался в различных учебных заведениях: сперва в первой гимназии, потом в реальном училище, носившем до революции имя принца Ольденбургского, откуда благополучно выпустился в 1919 году. То есть Гавриков был человеком весьма образованным.

Но, вопреки мечтам своей мамочки, Митя не пошел по служебной линии. Да и какая могла быть служба, когда тут и революция, и гражданская война?

Митя с тоской смотрел вслед уходящим на фронт эшелонам, а потом как-то натаскал из кухни полный мешок ржаных сухарей и сбежал из дома, как последний шалопай.

Далее его история была похожа на историю

самого Пантелеева и многих других молодых людей, чье взросление пришлось на эти беспокойные годы.

Он поступил добровольцем в Красную Армию, в Первый крепостной полк, который формировался в городе Екатеринбурге. Со своим полком Гавриков провоевал 10 месяцев, показав себя сорвиголовой и бесстрашным воякой.

Дошел он аж до города Омска, откуда вместе со своим командиром и военкомом отправился в Усть-Каменогорск. Там была сформирована еще одна боевая единица — Первый пограничный полк. Однако сравнительно спокойная служба на границе, которую уже давно оставили в покое, навевала на Гаврикова невыносимую скуку, его так и тянуло на поля сражений.

Выход нашелся: Гавриков записался — опять же добровольцем — в полк, который отправлялся на Южный фронт. Там Дмитрий провоевал еще полгода, а потом удача ему изменила. Неуязвимый красноармеец получил пулю в плечо и вынужден был проваляться в госпитале почти месяц, беспокоя санитарок своими непрекращающимися попытками побега.

И он все-таки сбежал и сразу же отправился в новую горячую точку — в Сибирь, где его гостеприимно принял 350-й сибирский полк, с которым он и прогеройствовал остаток войны.

Наконец Гаврикову прискучило ходить в атаку и колоть врага штыком, к тому же и начальство настаивало на том, чтобы заслуженный красноармеец немного отдохнул и пообщался с мирными

гражданами и гражданками. Гавриков уехал в отпуск в город Петроград, где застал еще своих разобиженных родственников.

Папаша с ним долго разговаривать не стал, а отлупил негодного сына кнутом, несмотря на все его боевые заслуги.

Гавриков, тайком навестив мать, устроился служить на Мурманскую железную дорогу — агентом уголовного розыска. Свои первые месяцы на гражданке он провел на станции Сорока, ловя карманников и отнимая продукты у мешочников. После того, как истек срок отпуска, он съездил в родной 350-й полк, где ему выдали бумагу о демобилизации. Решив затем, что с него службы в рядах доблестного уголовного розыска хватит, уволился и уехал снова в Питер.

К родителям больше он не пошел, а остановился у младшего брата на Мойке. Тот принял его с радостью, но в свою жизнь почему-то посвящать не стал. Гавриков, наевшись уже семейных чувств, этому ничуть не огорчился — у каждого свои заботы.

Митяй стал искать себе работу, с таким же успехом, что и Пантелеев, а именно — работы он так и не нашел. Поныкавшись по питерским улицам, он все-таки обратился к брату за советом: как же жить в этом недобром городе?

На что брат — даром что младший — ответил сакраментальной фразой:

— Хочешь жить — умей вертеться.

Гавриков призадумался и вскоре определил, в какую сторону он будет вертеться. Решение его

было не столь уж оригинальным, но для того времени достаточно резонным.

Он занял у брата некоторую сумму денег и поехал в хлебосольный Омск, где у него еще с войны водились кое-какие знакомства. Накупив там самых различных продуктов, Гавриков привез их в Питер и стал торговать на толкучке, заламывая цену чуть не в пять раз выше исходной.

Это называлось «спекуляция», и по первой поре бывшему сотруднику уголовного розыска было неприятно постоянно идти против совести. Но совесть совестью, а кушать надо. Поэтому Гавриков сжал волю в кулак и продолжал мотаться с другим мешочником — Сальшиным, зарабатывая себе на жизнь. В один прекрасный майский день Гавриков попал в облаву. У него отняли весь товар и все деньги, а вдобавок жестоко избили.

Отлежавшись немного и почувствовав себя гораздо лучше, Гавриков было собрался поднимать на ноги свой бизнес, начиная с нуля. Но потом, поразмыслив над абсолютной бесперспективностью этого начинания, понял, что это — не его путь. Он занял денег у брата, пообещав вернуть, как только разживется, и ушел в непрекращающийся загул, в котором пытался развеяться и развлечься.

Развлекался он с остервенением: какие-то танцзалы, синематографы, пикники, бесконечная череда бойких дамочек и водка, водка, водка.

Проснувшись однажды на квартире у одной из проституток и найдя рядом с собой спящих вповалку голых мужчин и женщин, Гавриков почувствовал себя так гадко, что ему расхотелось жить.

Выйдя на улицу — еще только едва светало, — он побрел на берег Невы с твердым намерением утопиться. Он посидел, свесив ноги с парапета, поразмышлял о бессмысленности и пошлости своей собственной жизни в этой дурацкой стране и стал стаскивать штиблеты, собираясь булькнуть в воду. Тут подошел сотрудник пролетарской милиции и, бесцеремонно сдернув его за руку с бордюра, под конвоем отвел в участок. Там у Гаврикова потребовали документы, тщательно их изучили и велели идти домой, если он не желает отсидеться суток трое в камере с такими же отщепенцами, как он.

Гавриков вышел из участка и долго плевался в сторону окна, за которым находились стражи диктатуры пролетариата, горюя, что в этом мерзком городе человеку не дадут даже утопиться спокойно.

В этот же вечер Гавриков сидел в «Бристоле», пропивая последние деньги и думая о том, не уйти ли ему пешком до Одессы, в которой хотя бы тепло. Да и деньги отдавать брату как-то было надо.

В таком положении его и нашел Пантелеев.

* * *

Напоив парня и выслушав чуть ли не всю историю его душещипательной жизни, Ленька поразился схожести их судеб и проникся к Гаврикову самой глубокой симпатией.

— А ты мне нравишься, — признался Пантеле-

ев новообретенному другу. — Какой-то ты... настоящий.

Гавриков с удивлением посмотрел на вдруг загрустившего Леньку и спросил:

— А ты-то сам зачем небо коптишь?

Ленька, которого по жизни смешили подобные вопросы, ответил:

— Чтобы другим жизнь раем не казалась.

Гавриков не стал допытываться дальше, а Пантелеев продолжил:

— Говоришь, у тебя проблемы с деньгами?

— А у кого их нет?

— Хочешь разжиться кое-какой мелочишкой? — сказал Пантелеев и подумал, что все это уже где-то было.

ГЛАВА 8

Пантелеев, со своим чутьем на людей, нашел именно того человека, какой ему был нужен. Гавриков, как стало ясно из истории его жизни, был прирожденным бойцом и искателем приключений. После того, как Ленька поведал ему о своем недолгом, но весьма плодотворном опыте налетчика, о том, сколько при этом было пережито волнений и приключений, Гавриков загорелся, как порох.

— Слушай, — захлебываясь говорил он. — Это же надо! Р-раз — и нет у толстопуза добра! Р-раз — и мы с тобой — уважаемые люди!

Ленька еще даже не успел как следует обдумать, на что сгодится ему Митька, а тот уже разворачи-

вал перед Пантелеевым батальные сцены будущих сражений, которые развернутся в очередной ограбленной квартире.

Пантелеева несколько раздражала горячность его друга — сам Ленька был хладнокровен, как змея. Списать это на юный возраст его друга было невозможно — тот был старше на два года. Понятием «темперамент» Пантелеев по своей темноте не владел, но сделал верный вывод: таким уж уродился. Горбатого, как говорится, могила исправит.

Впрочем, у Гаврикова было много качеств, которые делали его идеальным партнером при организации налетов. Он был поднаторевшим бойцом, а потому, если надо, мог постоять за свою жизнь и жизнь подельника. Он имел опыт работы в органах, а потому знал все ходы-выходы, используемые следователями, что для вора небесполезно. В конце концов, он был преданным, как пес, что в преступном мире практически не встречалось.

Ленька очень скоро привык ко всем его выкрутасам и таскал Гаврикова с собой по всем хазам, наказывая очередной девице быть с гостем поласковее и ублажать во всем.

Поднатаскав Гаврикова в основных воровских премудростях, Ленька стал готовить новый налет. Засев в квартире у Вальки Цветковой, как в штабе, они с Гавриковым отпивались чаем и долго шептались, продумывая, как бы растрясти чью-нибудь мошну, да половчее.

За недолгое время у Пантелеева сложился свой

собственный метод подготовки ограбления. Он на первый взгляд мало чем отличался от того, по которому действовали все налетчики. Однако Ленка ввел ряд усовершенствований, которые были ему близки по характеру и позволяли достигать нужных результатов с наименьшим риском.

Одной из составляющих этого метода была эксплуатация собственного обаяния.

— Смотри, Митька, — поучающим тоном говорил Пантелеев. — Вон идет девочка. Глазки в пол — скромная. А смотри, что будет.

Он сдвигал на один глаз свою щегольскую кепку и, выгнув грудь колесом, вырастал перед испуганной барышней, галантно расшаркиваясь. Проходило минут двадцать, заполненных выразительной пантомимой, и Пантелеев, возвратившись, сияя, к своему другу, объявлял:

— Ну, Гаврик, мы с тобой завтра приглашены на ужин, переходящий в утренний кофе!

Именно свою способность очаровывать девушек и женщин всех возрастов Пантелеев использовал очень часто.

— Знаешь, Митяй, эти бабы — сущие стервы. Но найди к ним подход — и другое дело! Погладь ее по мягкому, подари пустячок какой — колечко с бриллиантиком или норковое манто, — и она твоя навеки! И где квартира золотая покажет, и от легавых укроет, и никому ничего не скажет.

Гавриков восхищался и завидовал Пантелееву, но за его прытью поспеть не мог — слишком заурядной в глазах женщин он, Гавриков, был личностью. То ли дело Ленка — орел!

Уже был готов черновой план ограбления, а квартиры подходящей все не было. Ленька прошелся по своим «агентшам», но никто ничего путевого не мог предложить.

Ленька, прихватив Гаврикова, пошел по случаю проведать Вольмана. Надо было пополнить запасы патронов, выхлопотать другу оружие, да и паспорта обновить, а то прежние уже намелькались.

У Вольмана на хазе было в тот вечер весело — пришла новая партия зелья, и многочисленные его почитатели собрались по-свойски провести вечерок.

— А-а! Ленечка! — заверещал из дальнего угла ненормально оживленный Вольман. — Проходи, проходи, гостем будешь. А это что с тобой за ряба? Друган? Сламщик? Ну, батя, твой сламщик — мой сламщик. Дунечка, котик, насыпь гостям по дорожке.

Высохшая истеричная девица с синими кругами под глазами подошла к новопришедшим и протянула им по трубочке.

— Ну уж нет, лопайте сами, — отстранился Ленька.

Увидев, что товарищ его потянулся за предложенным кокаином, Ленька хлопнул его по ладони:

— И тебе тоже нечего баловать. По делу пришли, забыл?

Дела ждать пришлось долго, поскольку развеселый Вольман на серьезные темы с ними разговаривать наотрез отказался — не до того.

— Ничего, подождем, — кивнул Пантелеев и присел на диванчик с гитарой.

Гавриков устроился рядом и стал с интересом разглядывать собравшееся общество. Не прошло и пяти минут, как к ним подсел subtilный молодой человек, чья внешность говорила о том, что он имеет в жизни гораздо меньше того, на что рассчитывает. Одет он был щеголевато, имел модную — довольно тощую, правда — эспаньолку и изъяснялся с частым употреблением непонятных ныне никому французских слов, но при всем при этом имел затравленный взгляд человека, который всегда вынужден быть на чьем-то содержании.

Пантелеев не полюбил его с первого взгляда. Испорченный же образованием Гавриков клюнул на витиеватые словеса этого малого и проникся к нему невыразимейшим почтением. Присев на краешек того же дивана, что и Ленька, человек робко, но вычурно представился:

— Жорж Раев, свободный художник.

Пантелеев покосился на него с отвращением — только это чувство он испытывал к людям творческих профессий, считая их дармоедами. Поэтому своим вниманием он новоприбывшего не удостоил. Последнего это ничуть не смутило — он привык унижаться.

— Простите, сударь, могу я к вам обратиться?

— Валяй, — смиростивился Ленька, понимая, что перед ним человек, от которого можно отвязаться только одним способом — выслушать его.

— Видите ли, молодой человек... вас, кажется,

зовут Леонид? Так вот, Леонид, у меня к вам есть маленькое, но очень выгодное дельце. У меня есть дядя...

— У меня тоже есть дядя, но это не повод лезть к людям с глупыми разговорами, — проворчал Пантелеев, не глядя на собеседника.

— Так вы еще не дослушали! Так вот, этот дядя — доктор, причем доктор частно практикующий. Ну, вы знаете, как зарабатывают частные врачи, скажем прямо — много. И вот этот самый хорошо зарабатывающий дядя лишил меня наследственных прав. Мой родитель, его брат, умер при странных обстоятельствах, а права на наследство должны были перейти ко мне. Но дядя — прохвост. Он лишил меня всего, оформив опеку. И это же какой-то кошмар — я нищ!

— Грохнул, поди, папашку за наследство — вот дядя тебя и прищучил! — хохотнул Пантелеев.

Раев терпеливо промолчал.

— И что дальше? — насмешливо спросил Пантелеев.

— Мне господин Вольман, — понижая голос, со значением проговорил Раев, — про вас много интересного рассказывал. Вы — личность видная и замечательная. Я подумал, а не заинтересует ли вас одно деловое предложение. Как вы смотрите на то, чтобы помочь мне наказать своего дядю и получить то, что мне причитается, да и самому кое-что приобрести?

Пантелеев сразу же отложил гитару и посмотрел на говорившего с большим интересом.

— А ты, я смотрю, не промах! Нашел дурака в

чужой сад за твоими портками лезть. Нет уж, со своими семейными проблемами разбирайся сам, — Ленька положил руки на затылок и закрыл глаза, давая понять, что аудиенция окончена.

— Ладно тебе, Леня, — встрял тут в разговор Гавриков. — Жорж дело говорит. Ты же сам знаешь, что нам деньги нужны срочно. Все равно твоя краля тебе ничего подходящего не найдет раньше месяца, а тут — реальная хата! Ты же мне обещал дать в деле поучаствовать, ну!

Ленька еще минуты три лежал неподвижно, будто не слыша ничего, а потом приоткрыл глаза и недовольно сказал:

— Ну ладно, чего у тебя там, пачкун, рассказывай.

* * *

Раев действительно все давно уже продумал. Он рассказал о расположении комнат, количестве и режиме дня жителей квартиры, а также вызвался помогать налетчикам во всем, что касается доставки и хранения наворованного. Он пообещал также помочь со сбытом краденого. Здесь аргументом являлось то, что он может сделать это напрямую.

— Ну это ты брось — у меня договор с Вольманом, — заартачился вдруг Ленька.

— Леонид, Вольмана я беру на себя. Я с ним уже договорился и все ему объяснил — проблем не будет, — уверял Раев. — А подумайте сами, как вы на этом выиграете: я реализую вещи через ма-

газин, по их реальной цене. А Вольман у вас все скупит за бесценок — неужели я этого еврея не знаю?

Ленька еще немного поколебался, чему уступить: кодексу воровской чести или жадности. В конце концов победило последнее.

— А, черт с тобой, валяй, — дал добро Ленька.

После того, как они с Раевым подробно обсудили все особенности предстоящего дела, Пантелеев позвал Гаврикова на совещание.

— Что, Митяй, — серьезно сказал Пантелеев, — настала пора и тебе за дело приниматься. Только дело на этот раз довольно рискованное. Этот докторишка целыми днями сиднем дома сидит, а с ним и все его домочадцы. Я уж думал над тем, как его из дому выманить — ничего не придумал. Раев говорит, что для того работа — превыше всего...

— И что делать теперь? Может, не полезем?

— Нет уж! Взялся за гуж, как говорится, назад дороги нет. У меня тут появились кой-какие мыслишки по этому поводу. Только народу надо подсобрать немного...

26 июня 1922 года

— Я вам, голубчик, искренне советую, — доктор вытирал руки полотенцем, — поменьше кушать острого и жареного, иначе вы окончательно испортите себе печень. А уж спиртного, батенька...

Выпроводив пациента, доктор Левин устало

посмотрел на часы. С облегчением увидев, что до конца приемного времени осталось всего пятнадцать минут, он стал было собирать инструмент, но тут в квартиру снова позвонили. Левин немного подождал, пока дверь откроет горничная, а потом вспомнил, что отправил ее в аптеку и потому в доме один.

Он поторопился к двери. Открыв, он увидел на пороге незнакомого ему матроса.

— Чем могу служить? — вежливо поинтересовался Левин.

— Могу я видеть доктора Левина? — спросил в свою очередь матрос.

— Доктор Левин к вашим услугам, — слегка насмешливо склонил голову врач.

— Мне сказали, вы на дому пациентов принимаете?

— Да, принимаю. Может, вы, голубчик, пройдете?

Матрос прошел в комнату и сказал:

— У меня что-то в груди болит и кашель.

— Ну, раздевайтесь, молодой человек. Будем вас осматривать.

Не успел матрос стащить с себя бушлат, как в передней снова зазвонили.

— Одну минуточку, — извинился доктор. — Это, видимо, моя супруга. Или служанка. Я открою, а вы пока располагайтесь.

Открыв дверь, доктор увидел еще двух матросов.

— О! — удивился Левин. — Вы за товарищем?

— Нет, мы к доктору Левину, — ответил один из них.

— У вас тоже боль в груди и кашель?

— Нет, у нас резь в животе и понос, — пробасил второй.

— Мне очень жаль, но вам придется подождать, — поморщась, сказал доктор. — Проходите вот сюда.

Матросы расположились на стульях в коридоре, а Левин вернулся к своему пациенту, который как раз путался в рукавах своего бушлата.

— Давайте-ка я вам помогу, — Левин подошел поближе, удивляясь, почему это военный человек столь непривычен к собственной форме.

Не успел он как следует подумать над этим, как вдруг дверь кабинета с треском распахнулась и двое матросов вошли и приставили стволы к груди доктора.

— Руки вверх! — скомандовал один. — Руки вверх и ни звука — а то смерть!

Потрясенный неожиданным превращением пациентов в налетчиков, Левин медленно поднял руки и не проронил ни звука.

— Так-то, — удовлетворенно сказал бандит, достал из-за пазухи веревку и стал связывать покорного Левина по рукам и ногам. — Так-то вот оно лучше, дядя. Теперь скажи, где у вас тут золотишко да брильянтики?

— Бог с вами, молодой человек! — дрожащим голосом отозвался Левин. — Какое золото, какие бриллианты? Я простой советский гражданин, живу только своим трудом!

— Рассказывай нам, каким трудом ты живешь, — сказал молодчик, начиная двигаться по комнате и разглядывать обстановку.

— Поди, не на советскую зарплату эти часики куплены, а? — махнул он револьвером на огромные бронзовые часы с барельефами. — Ладно, не хотел по-хорошему, держись. Ребята, принимайтесь-ка за дело. Ты давай к двери и сторожи, ежели кто придет. А мы вдвоем с барахлом разберемся.

Левин с ужасом смотрел, как налетчики разбрелись по квартире, беззастенчиво суя нос во все шкафы.

Они особенно не церемонились. Все, что попадалось им под руку, либо исчезало в карманах, либо летело на пол. Доктор начинал волноваться все сильнее, понимая, что как бы ни далеко было запрятано его добро, а все-таки до него могут добраться.

Бандиты, видимо, не были довольны той грудой тряпья, что росла посреди комнаты.

— Ну, — повернулся к Левину один. — Ты наконец скажешь, где у тебя кредиточки запрятаны? Где?

Левин молчал, стараясь не смотреть на большую китайскую вазу, стоящую в углу.

— А ты, братан, в книжках поищи, — раздался голос второго бандита, который выкидывал из сундука нижнее белье левинской жены. — Интеллигенты, они в книжки любят прятать все ценное.

Первый полез на стремянку, стал по очереди брать, потрошить и швырять вниз теряющие листы книги. Левина передернуло.

— Вандалы! — сиплым голосом крикнул он.

— Кто-о?

— Это он нас с дикарями сравнивает, — откомментировал второй, начиная взламывать замок на секретере. — Вроде как мы с тобой злые и невежественные твари.

— Ты кого тварью назвал, а? — налетчик подошел к Левину и несильно стукнул того кулаком по носу.

Левин покачнулся от удара и все происходившее дальше наблюдал теперь в положении лежа.

В передней вдруг раздался звонок. Воры на секунду замерли. Услышав лязг засова и короткий женский вскрик, они побежали в коридор, где вскоре раздался шум падающих с антресолей газет, возня и довольное ржание. Левин, обмирая, пытался представить, что там сейчас происходит. Затем в полуоткрытую дверь он увидел, как по полу в направлении ванной комнаты протащили его жену, спеленутую полотенцами, словно мумию.

После в комнату вошли прежние двое и спросили:

— Это кто была? Мадама твоя? Кто еще должен прийти? — наперебой спрашивали они Левина, пихая его носками сапог.

— Да, это была моя супруга, — терпеливо отвечал тот. — Еще должна прийти жиличка — Настя. И пациенты. И коллеги на консилиум.

— Так, — кивнул головой тот, что посимпатичнее.

Просунув голову в дверь, он громко отдал указания налетчику, сторожившему вход:

— Придет жиличка — вступишь и свяжешь. Нечего ее на улице оставлять — шум подымет. Остальных посылай ко всем чертям — нечего делать. А то эдак в квартире скоро веревок не останется.

Затем бандиты приступили к еще более тщательному осмотру квартиры. Распотрошив комнату, в которой лежал хозяин, они отправились по смежным спальням и гостиным. Левин, закрыв глаза, старался не слушать их радостные вскрики, звон бьющейся посуды, падающей мебели, рвущейся одежды. Доктор убеждал себя, что негоже христианину жалеть праха и тлена земного, а только здоровье и благополучие его близких должно волновать его сердце.

— Машенька! — прошептал Левин, и крупные слезы покатались у него из-под век.

Левин не мог отчетливо сказать, сколько продолжался разгром квартиры — час, два, — но что-то очень долго. Он вполуха слушал страшный шум, который производили грабители, и удивлялся, почему никто из соседей не хватится. Слышал Левин также, как пришла жиличка, и ее поволокли в ванную, как на все звонки в парадную дверь незнакомый бас отвечал: «Доктора нет дома».

Наконец в соседних комнатах все стихло и на пороге появились пыльные и довольные налетчики. Один держал бельевую корзину, полную добра, а другой — большущий чемодан, обитый коленкором.

— Что, толстопуз, кончилось твое привольное житье-бытье. Теперь твое имущество будет при-

надлежать голодающим ворах Петрограда. Пойдем, что ли, — обратился он к спутнику.

— Погоди, Леня, я тут еще одну вазу пропустил, — возразил помощник.

После этого, к непередаваемой досаде Левина, бандюга подошел к огромной китайской вазе, что стояла в углу, поднатужился, поднял ее и швырнул с гиканьем в противоположную стену.

Вместе со звенящими тончайшими осколками вниз посыпались бряцающие мешочки с золотыми десятками, покатались шкатулочки с драгоценными камнями, рассыпались крупные ассигнации.

— Вот это да! — почесывая в затылке, сказал один из налетчиков. — Вот тебе и свинья-копилка! Уж повезло так повезло!

Они, смеясь, набили всем этим карманы и сумку, после чего отправились восвояси, оставив бледного, как смерть, доктора лежать на ковре посреди кабинета.

* * *

— А где деньги-то? — словно только проснувшись, спросил Гавриков, разглядывая лежащие на столе кучки ассигнаций.

— Не дрейфь, пацан, все будет хорошо. Сейчас поедем к этому господинчику, он нам всю наличность и выдаст. Это — то, что у меня случайно в карманах осело. Ты что, не помнишь, как мы договаривались: он все продаст и денежки выдаст нам, — Леняка спрятал револьвер в карман.

— Ну, тогда чего ждать-то, пошли! — горячился Гавриков, которому так и не терпелось потрогать собственными руками то, что он украл — впервые в жизни!

— Ладно, не ори. Поедем, — осадил его Ленька и стал собираться.

Однако, приехав к Раеву, они его дома не застали. Дверь им открыла перепуганная девочка и сообщила, что господин сегодня куда-то уехал, а куда — не сказался.

— Как — уехал? Куда уехал? — горячился Гавриков.

— Взяли вещи и на том же извозчике, что и приехали, отчалили, — пищала из-за двери девушка.

Пантелеев прислонился к дверному косяку и, закинув голову, закатился недобрым смехом:

— Ах, паскуда! Да чтоб тебя черти разодрали! Это же надо, какая сволочь!

— Ты что, хочешь сказать, что плакали наши денежки? — недоуменно смотрел на подельника Гавриков.

— Да, именно плакали. В кармане у чужого дяденьки. Пошли уж.

Все обратную дорогу они мрачно молчали. Гавриков проклинал свою недобрую судьбу, которая даже на воровской кривой дорожке подкидывала ему неприятные сюрпризы. Пантелеев же спрашивал себя, как он, стреляный воробей, мог попасться на такой очевидной мякине.

— Все, — наконец заговорил Ленька. — Больше никогда ни одному человеку со стороны не пове-

рю. Лучше уж баб в наводчицы брать — так вернее.

Гавриков поежился, но ничего не сказал.

Целью путешествия по вечерним улицам Петрограда было посещение салона Вольмана.

— Раз товарища его мы упустили, значит, спрос будет с него самого, — рассуждал Пантелеев, поднимаясь по лестнице.

Однако Вольман, как оказалось, их уже поджидал.

— Что, явился, голубчик? Ну-ка, покажи дяде Абраму, что ты там насобирали? — потирая ручки, произнес глава «торгового дома».

Ленька встал посреди комнаты и уставился на Вольмана, словно тот был привидением.

— Издеваешься? — спросил он с укоризной.

— Кто из нас издевается? Я слыхал от товарища, что ты квартиру с моей подачи лихо взял и вроде как должен со мной добром расплатиться.

— Первый раз от тебя я это слышу.

— Как это — в первый? А кто наводчика моего попользовал? Кто добра набрал полные чемоданы? Кто из моих пистолетов палит моими патронами? Что — делиться не собираешься?

— Было бы чем делиться, — огрызнулся Пантелеев. — А то твой товарищ ободрал нас с подельничком, как липок, а сам смотался.

— Ладно заливать-то! Уговор — дороже денег. А как мы договорились?

— Мы? Договорились? — недоумевал Ленька. — О чем это мы с тобой, Абрашка, договаривались?

— Ну как же? Мне этот Раев за посредничество обещал пятнадцать процентов от твоей добычи. С твоих слов, надо сказать.

Ленька смотрел на нервно щелкающего пальцами Вольмана и потихоньку начинал уважать человека, которому удалось обмануть даже хитрого еврея.

— Что, отец родной, — насмешливо сказал Пантелеев. — Теряешь былую сноровку? Облапошил нас этот племянничек! Вещички в чемоданчик и — фьють! — вольной пташкой.

Вольман, чье сознание не могло смириться с мыслью о том, что он, великий и ужасный, может допускать ошибки, смотрел на Пантелеева и постепенно зверел. Вольман не верил никому — за редким исключением. К редким исключениям относился, в частности, Раев, который долгое время снабжал Абрама кокаинчиком за бросовую цену — какие-то у этого молодчика были связи. Меньше всего же Вольман доверял Леньке. Чуть ли не на глазах кокаиниста свершалась эта метаморфоза — превращение наивного пацана в коварного преступника. Именно поэтому Вольман не допускал и мысли, что совесть этого оборотня может быть чиста. Уж кто-кто, а Пантелеев своего не упустит — так думал Вольман.

Посверлив обалдевшего от новостей Пантелеева злыми воспаленными глазками, Вольман, словно кошка, прошипел:

— Ну, Леня, отвечай, как на духу — кому награбленное сбаврил?

— Да что ты пристал, чудака-человек! — зло ответил Пантелеев. — Сказано тебе — нету у меня ничего! И не будет в ближайшее время. Пошли, Гаврик.

Он повернулся и, прихватив понурого друга за рукав, потащил его к выходу.

— Иди-иди, — закивал головой Вольман. — Лети, голубь сизый. Скоро долетаешься.

Занятый своими мрачными мыслями, Пантелеев не слышал прощальных слов «великого еврея» и не знал, что нажил себе нового врага.

ГЛАВА 9

Савелий Алексеевич Кондратьев на своем веку повидал многое. Да и век у него был соответствующий — долгий и бурный. Жил он и при монархии, и при Временном правительстве, и при правлении большевиков. Конечно же — воевал. Да не просто так воевал, а политруком. То есть — политическим руководителем. А это означало, что Кондратьев привык не только шашкой махать, но и идеи имел правильные, политически грамотные.

Прочистка мозгов личного состава была доверена Кондратьеву не случайно. Несмотря на то, какой на дворе стоял год, какое правительство стояло у руля, Савелий Алексеевич знал одно: его обязанность — служить существующему порядку вещей и охранять интересы государства. В общем, он был идеально лояльный гражданин и безупречный логик. Единственным его изъяном была чрезвычайная страстность в отношении к своим

обязанностям. В средневековье из него вышел бы образцовый инквизитор. Но кто сказал, что инквизиторов не бывает и в наше время?

* * *

Ко времени действия нашего повествования Кондратьев являлся одним из выдающихся агентов первой бригады Петрогубугрозыска и был с начальством на столь короткой ноге, что его часто звали пить чай в кабинет к начштаба Кузнецову и давали «карт-бланш» на проведение самых рискованных операций.

Сегодня его вызывали явно не для того, чтобы плюшками баловаться, и это стало видно сразу же.

— Здорово, Савелий Алексеевич, — встретил его с порога низкий голос главного. — Что-то давненько мы с тобой не брали в руки шашки.

— В смысле? — переспросил Кондратьев, который иносказаний не любил, а намекам предпочитал конкретные указания.

— В том смысле, что превращаемся мы с тобой, товарищ мой дорогой, в кабинетных крыс.

Кондратьев было открыл рот, чтобы возразить, но Кузнецов сделал нетерпеливое движение:

— Не я сказал, — он протянул какой-то листок агенту. — Полюбуйся вот.

Кондратьев, прочитав первую же строчку, безглаголиво сморщился:

— Это что, кляуза?

— Нет, Кондратьев, это донос. А официально — заявление.

— Кто ж так пишет? «Волки позорные, крысы канцелярские...» — это разве сигнал? Под трибунал таких писак — и дело с концом! — развозмущался Кондратьев, едва сдерживаясь, чтобы не разорвать документ в мелкие клочья.

— Значит — под трибунал?

— Под трибунал!

— А если это по своей сути — жалоба? С этим как быть?

— Я думаю так, товарищ Кузнецов: если ты жалуешься — то будь добр, делай это по форме. Это кто же на тебя внимание обратит, ежели ты на людей с ругательствами будешь бросаться?

— Ну хорошо. Вот тебе бумажка, Савелий, на ту же тему, только другим человеком писанная, — чуть иронично продолжал Кузнецов, отдавая в руки красного, как рак, Кондратьева новое заявление.

Тот прочитал бумагу с тщательностью и напряженным вниманием, хмыкнул, пригладил усы и сказал:

— Ну, это другое дело. С этим и разбираться можно.

— Прочел? — поинтересовался Кузнецов. — Давай излагай ситуацию — как ты ее понимаешь.

Кондратьев прокашлялся и стал старательно, как гимназист на экзамене, «излагать»:

— Что ж, дело непростое. Судя по подписи, это заявление написано неким Вольманом Абрамом Исаевичем на имя генпрокурора Петроградской губернии Кузнецова Аркадия Валентиновича. В сем заявлении Вольман указывает на то, что

он честный гражданин — ну, это к делу не относится — и что он сознает свой гражданский долг и не мыслит жизни без служения отечеству. Далее — по существу. Помочь отечеству гражданин Вольман мыслит заявлением о том, что ему известно местонахождение известного налетчика-рецидивиста Пантелеева Леонида по прозвищу «Ленька Фартовый», который находится в розыске с зимы 21-го года.

— А что за фигура этот Пантелеев? — продолжал интересоваться Кузнецов, набивая табаком трубку.

— Фигура видная, Арсений Валентинович. Грабит людей среди бела дня. После того, как переловили банду Кошелька, этот Фартовый нам все глаза уже намозолил, — проявил свою осведомленность Кондратьев, непроизвольно складывая листок с заявлением и засовывая его в карман.

— А почему не поймали до сих пор?

— Так разбирались со спекулянтами, а больше агентов у нас нету — сами знаете, какой ненадежный нынче пошел народ. Так и норовят...

Рассуждения Кондратьева на тему кадровой политики были внезапно прерваны самым беспардонным образом.

— Ты вот что, Савелий Алексеевич, хватит мне зубы заговаривать, — строго сказал Кузнецов, закуривая. — Бросай своих мешочников — как-нибудь уж переловим. Занимайся ты, голуба, этим Пантелеевым. Надо давить контрреволюционную гидру в корне, пока она себе голов не отрастила.

— Есть! — вытянулся в полный рост Кондра-
тьев, щелкнув каблуками.

Если бы знал начштаба, как он ошибался.

* * *

Засунув руки поглубже в карманы и насвистывая, Ленька шел по темнеющим улицам, посматривая на низкое серое небо. Леньку ожидал вкусный ужин и нагретая женским телом постель, и это было хорошо. Он практически уже пришел, оставалось только повернуть за угол и нырнуть в темную арку.

Но не успел он этого сделать, как ему наперерез бросилась какая-то маленькая тень. Пантелеев остановился и сжал в кармане рукоятку револьвера. Тень вынырнула из темноты в эллипс, очерченный светом фонаря, и перед Пантелеевым предстал во всей своей беспризорной красе шкет в не по размеру огромной кепке. Ленька с облегчением узнал в нем Муху — своего собственного голоштанного «агента».

— Чего тебе, Муха? — вполголоса спросил Пантелеев.

Тот в ответ сделал круглые глаза и приложил грязный палец к не менее грязным губам. После того, как Ленька замер на месте и прислушался, Муха махнул ему рукой и снова исчез в темноте. Ленька, стараясь ступать как можно тише, прокрался вслед за ним. В темноте было видно только, как мелькают босые пятки пацана да то и дело оборачивается его круглолицая башка. Внезапно

Муха остановился, а затем подпрыгнул и, словно кошка, начал карабкаться на стоящее возле стены какого-то сарая толстое дерево. Пантелеев выждал, когда пацан поднимется достаточно высоко, поплевал на руки и последовал его примеру. Как выяснилось, целью путешествия была крыша сарая, на которую и спрыгнули друг за другом они оба.

Шкет снова приложил палец к губам и, пригнувшись, пошел к противоположному краю крыши. Пантелеев, пригнувшись еще ниже, прокрался за ним. Достигнув края, они улеглись на живот и свесили свои головы вниз, стараясь проникнуть взглядом сквозь густую листву. Муха вытянул руку и указал на светящееся в доме напротив окно. Ленька понял, что пацан имеет в виду.

С крыши каретного сарая открывался замечательный вид на квартиру некой Валентины Цветковой. Валькина квартира была одной из любимых хаз Пантелеева. И вот теперь Ленька лежал животом на прохладной и влажной дранке и разглядывал комнату, в которой жила одна из его женщин. И этой женщины в комнате сейчас не было.

Зато были там мужчины в форме, которые с видом утомленной задумчивости прохаживались туда-сюда, пачкая шерстяной ковер сапогами и то и дело поглядывая на часы. Были еще револьверы, лежащие на столе и накрытые газетой, а рукоятка одного выглядывала из-под краешка и тускло мерцала в свете абажура. Был в комнате и боец с

винтовкой, который стоял, как статуя, возле входа и, казалось, дремал стоя.

Полюбовавшись на эту идиллию, Пантелеев дернул за рукав Муху и стал сползать с крыши. Прodelав свое путешествие еще раз, но в обратном порядке, они отошли подальше и уж там только позволили себе поговорить.

— Ну, шкет, давай выкладывай, — начал Ленъ-ка, ссылая в карман «агента» какую-то мелочь — плату за верную службу.

— Да пришли они целым шалманом — я их быстро выкупил, еще с Пролетарки. Стали к Валь-ке стукать — как надо, кодом, — начал Муха, вытирая по своему обыкновению нос рукавом. — А она спрашивает: «Кого черт принес?», а они ей все правильно, по паролю отвечают: «Черт сам не носит, его оседлать сперва надобно». Она возьми да и открой. А они навалились всей кодлой, давай ее за волосы тянуть да орать во всю глотку — отвечай, мол, где Ленъка прячется? Дальше я подробностей не знаю, в то время они дверь прикрыли, а я на дерево полез посмотреть. А потом они ее отлупили и увели куда-то. Только не довели, похоже — вернулись потом и долго ругались. А эти вон ждать остались. Тебя — больше некого.

— А никто ко мне не приходил больше? — задумчиво поинтересовался Ленъка.

— Не-а, я никого не видал, — безмятежно отозвался шкет, покрутив головой, словно совенок.

— Ладно, Муха, спасибо тебе — выручил меня. За домом следи пока, а мне докладывайся каждую субботу. Я тебе дам знать потом, где меня найти.

Муха не заставил себя долго ждать — шмыгнул носом и снова скрылся в темноте, как и не было его вовсе.

Пантелеев проводил его тень глазами, а потом повернулся и быстро пошел прочь. На ходу он раздумывал над тем, как могло так получиться, что легавые вышли на Валькину хазу. Откуда бы им о ней знать?

«Не иначе как кто-то стукнул, падла, — со злостью думал Пантелеев. — А кто? Да мало ли уродов среди нас».

Он зло сплюнул и пошел еще быстрее.

«Значит, все — кончилась она, сладкая вольная житуха, — констатировал Пантелеев. — Значит, охотитесь за мной уже, поганые фараоны. Прогремел, значит, Пантелеев на всю ивановскую. Ну-ну, половите-ка серого волка — посмотрим, кто кого».

Ленька осмотрелся — нет ли слежки — и круто повернул в темный проулок.

* * *

— Докладывайте, товарищ Кондратьев, — милостиво кивнул начштаба и снова глубоко затянулся.

— Значит, так. По указанному в заявлении товарища Вольмана адресу послана оперативная группа, при содействии которой совершено задержание гражданки Цветковой — хозяйки квартиры. К сожалению, ей хитростью удалось бежать...

— Упустили? — грозно поинтересовался Кузнецов.

— Так она, шельма, как крыса — нырк куда-то и след простыл! Ребята всю округу потом облазили — не нашли.

— Ладно, не велика шишка, еще появится. Дальше излагай, — милостиво повелел начштаба.

— Дальше так — организовали на квартире у Цветковой засаду, стали дожидаться прихода Пантелеева. Только, видно, эта баба быстро вести разнесла — никто так и не появлялся.

— И это все?

— Никак нет. В одно время с этим мы организовали обыск и арест самого подавшего заявление.

— Это зачем?

— Ну как же, товарищ Кузнецов! Вы разве не слышаны об этом замечательном человеке? Мы-то его давно пасем — тот еще фрукт! Наркотики — раз, контрабанда — два, скупка краденого — три, подделка документов, содержание притонов, ну и так далее. Он-то, бедолага, и не знал, что его пасут. Только ждали, когда он реально засветится — уж больно он скользкий, мог бы и вывернуться. А тут — черным по белому, и адрес, и фамилия. То-то было у него на квартире весело, когда туда ввалились толпой мои парни! — Кондратьев затрясся от смеха — видно, арест Вольмана происходил действительно очень забавно.

Кузнецов, однако, его веселья не разделял, а потому попросил продолжать.

— А что уж, собственно, продолжать. Взяли

его тепленького, видно — не в себе, да и доставили в отделение. Когда очухается, будем задавать интересные вопросы, а пока... — Кондратьев выразительно развел руками.

— Понятно, — протянул Кузнецов. — Что ж, уже неплохо. Но Пантелеева-то вы так в глаза и не видели. Что собираетесь делать дальше?

— Дальше — по плану. Допрос Вольмана, я думаю, не будет сложной задачей для нас. Можно надеяться, что тот, если его хорошенько обработать, может припомнить еще парочку полезных адресов.

— Ладно, действуйте. О ходе следствия докладывайте мне лично.

ГЛАВА 10

Лидия Лудэ была одной из первых подруг-наводчиц Пантелеева, а потому знала его лучше всех. Она давно уже не тешила себя мыслью, что она у него — единственная и неповторимая. Лида наслышана была от многочисленных посетителей своей «малины» о Ленькиных похождениях, но мало придавала этому значения. К тому же и Ленька не возражал, если в его отсутствие кто-то погрееется и у нее на груди. Пантелеев был уверен, что в этом деле ему нет равных, и не беспокоился.

Поэтому когда к Лидии в дом постучался Белов с какой-то незнакомой молодой женщиной, Лида не удивилась. Не удивилась она и рассказу о том, что эта молодка — одна из сожительниц ее «сокола» и ее хазу сейчас взяли легавые.

Лудэ молча выслушала сбивчивый рассказ незнакомки, кивнула Белову, чтобы он ушел, и стала внимательно рассматривать посетительницу.

— Как зовут? — на правах хозяйки строго спросила Лидия.

— Валентина, — ответила та с достоинством.

Лудэ ревниво осмотрела Валентину с ног до головы и почувствовала острый укол ревности: женщина была достаточно хороша собой и, в отличие от Лудэ, выскочившей из грязи в воровские принцессы и одевшейся достаточно вульгарно, выглядела весьма респектабельно. А уж породистое ее лицо окончательно вывело курносую Лидку из себя.

— Как к Белову-то попала? — по-прежнему недружелюбно выпытывала у помрачневшей от наглых взглядов Валентины хозяйка «малины».

Рот Валентины неприятно дернулся, будто она собиралась сказать какую-то резкость, а потом передумала.

— Меня Леня научил, куда надо идти в случае чего, — наконец медленно проговорила она.

— А ко мне-то он тебя зачем привел? — развалившись в кресле, не унималась Лудэ.

— Понимаете, у него сейчас небезопасно, а мне нужно где-то до вечера отсидеться. А потом из города выбираться. Белов сказал, что вы мне поможете — вы ведь Пантелеева тоже хорошо знаете.

Лида подняла свои насурмленные брови, остолбенев от такой наглости. Валентина же, сделав вид, что ничего не заметила, продолжала:

— Мне нужна будет еще какая-нибудь одежда пострашнее и кто-нибудь, кто меня проводит до северной заставы. Хотя я могу и сама добраться.

— А куда ты намылилась, если не секрет?

— Не секрет, — женщина слабо улыбнулась, осознав, видимо, всю важность произведенного на хозяйку впечатления. — Я еще до встречи с Леной планировала одно дело... А в последние дни все стало достаточно реально. Видите ли, я происхожу из неплохой семьи, и мои родственники эмигрировали во время революции, я же осталась с теткой. Она умерла, и мне больше не предоставилось возможности эмигрировать. Теперь же я выхлопотала себе визу — естественно, на чужое имя. Вот и собираюсь ею теперь воспользоваться.

Лида слушала свою собеседницу, стараясь не пропустить ни единого слова. Постепенно до нее дошло, что эта женщина может быть ей полезна. Лудэ была достаточно умна и проницательна, чтобы понимать — беда, которая приключилась с этой дамочкой, вскоре может приключиться и с ней. Слишком уж наивно полагать, что, начав гореть, бикфордов шнур погаснет сам собой и взрыв никак не заденет ту, что одной из первых уселась на пороховую бочку. А потому нужно было заранее придумать, в какую сторону она должна отпрыгнуть в последнюю секунду.

— И куда мы едем? В Париж, не иначе? — ехидно поинтересовалась Лида, думая о том, стоит ли доверять этой незнакомке.

— Да нет, всего лишь в Прагу. Папа мой был

врач, и ему там обещали практику... Бедный папа, — неожиданно всхлипнула Валентина, и ее глаза наполнились непритворными слезами.

Лида содрогнулась от омерзения — плачущие женщины вызывали в ней столь же негативные чувства, сколь и ужи с жабами. Но приходилось терпеть. Лидия молча встала и принесла из соседней комнаты бумагу и перо.

— Вот, — положила она лист перед Валентиной. — Пиши.

— Что писать? — не поняла та.

— Адрес пиши, свой пражский адрес и фамилию твоей почтенной семейки. Я тебе, так и быть, помогу. И одежду дам, и провожатого, который может кому надо словечко шепнуть, чтобы тебя через границу переправили, если что. А ты мне адресок черкни и будь готова, если что, меня принять и обо мне всячески заботиться. Вот об этом обо всем и пиши.

Валентина хлопнула пару раз своими длинными ресницами, пожала плечами и стала выводить своим каллиграфическим почерком ровные строчки.

* * *

Покуда Петроградский уголовный розыск стал медленно, но верно осознавать, что главным врагом порядка в городе и спокойствия мирных граждан является не кто иной, как Ленька Пантелеев, сама знаменитость времени отнюдь не теряла. Еще не очень организованная сыскная машина только

набирала обороты, подбирая то здесь, то там какие-то лоскутки от нитей, ведущих к предмету их горячего интереса, а Пантелеев уже почуял в воздухе грядущую грозу и начал принимать меры. К этому у него были все данные — и знание особенностей сыскного дела, и доскональное знакомство с городом, и, что немаловажно, умение заводить полезные знакомства.

Понятие полезного знакомства в воровской среде разительно отличается от того же понятия в среде обывателей. Какой-нибудь карьерист Иван Петрович спит и видит, как бы познакомиться поближе с влиятельным лицом и его ближайшими родственниками — ведь они в силе повлиять на его судьбу.

А вот Мишка Корявый или Степка Кошелек вам скажет, что самым полезным знакомством для настоящего фраера является надежный человек, который богу не выдаст и свинье съесть не даст. И счастье тому, кто найдет такого человека хоть однажды в жизни.

Пантелеев же в себе не сомневался, он слепо верил в силу своего интеллекта и своего обаяния, а потому знал: нет ничего надежнее женского сердца, если уж ты к нему смог подобраться. Об этом он говорил и своему верному подельничку Гаврикову, об этом он, когда настало время, сказал и следователю.

Верных же женских сердец по славному городу Петрограду у него в ту пору было видимо-невидимо, и каждый день к ним прибавлялось еще одно. Не брезговал Пантелеев также и мужским обще-

ством и даже жил одно время с одним ловким парнем, который был ему предан и помогал, в чем мог. Только все равно не по душе это было Леньке.

Хоть Пантелеев и сравнивал себя с матерым волчищей, был он на самом деле похож на хитрого старого лиса, который по всему лесу сто нор имеет с тысячей входов и выходов и может легавым так голову заморочить, что те забудут со временем, зачем они по этим норам шастали.

Петроградский уголовный розыск пока об этом не знал и все еще упорно сторожил квартиру Валуши Цветковой, надеясь, что пошатается Пантелеев по городу, да все равно к своей зазнобе приползет. А Пантелеев уже сидел на теплой хазе у очередной своей «киски», пил чай вприкуску и беседовал о том о сем со своим «адъютантом».

— Что, Гавря, разбудили мы с тобой мошкару, а? Загнусавили, закружили, — говорил он Гаврикову, который отдирает от сапога полоску кожи.

— Что, Леня, уже в голове гудит? — отозвался тот, рассматривая на свет дырку в сапоге. — Страшно тебе, бедовый?

— Не так страшен черт, как мы с тобой, Митяня, — благодушно ответил Ленька, шумно втягивая чай с блюдечка.

Гавриков наконец отстал от сапога и тоже налил себе крепкого чайку.

— А что, братан, не скучно ли тебе жить стало? — поинтересовался Ленька у подельника, с которым уж недели полторы не виделся.

— Да не столько скучно, сколько тошно от того, что нет никаких средств к существованию.

Уж хуже горькой редьки все надоело, — Гавриков зевнул и покосился на Клавку — хозяйку квартиры, которая по доброте душевной Гаврикова прикармливала, — не выдаст ли?

Та, как и положено женщине, молчала. Пантелеев на все это не обратил никакого внимания, а только молча снял самовар со стола и велел Клавдии убирать посуду. Удалив лишние уши из комнаты, Ленька заявил Гаврикову:

— Так, может, пока суд да дело, пора подумать, что мы дальше с тобой делать будем?

— Ой, голуба, не финти, — прищурился Гавриков. — Ежели ты так разговор начал, то не поверю, что ты уже все не придумал.

— Ну, все — не все, а кой-какая мыслишка у меня появилась, — важно сообщил Ленька. — Значится так, Гавря. Что ж это мы с тобой под пули свои буйные головы подставляем, а потом еще нас кто-нибудь и дурит? Бежим, запыхаемся, погони за нами да слежки, а потом еще и маклаки половину отшакалят. Это что же получается — от каждого по способностям, каждому фигу? Так не пойдет — правильно я излагаю?

— Угу, — ответил Гавриков, который всегда во всем с Ленькой соглашался.

— А скажи мне на милость — стоит ли это дело того, чтобы так из-за него напрягаться? Кого берет под защиту закон, а значит — легавые?

— Закон охраняет всех граждан Советского государства, — уверенно отрапортовал поднаторевший в политической грамотности Гавриков.

— Значит, всех граждан без разбору, — удовле-

творенно кивнул Пантелеев. — А скажи мне, Митя, всех ли граждан без разбору грабим мы с тобой, честные воры?

— Оно само собой разумеется, что не всех. Ежели гражданин бедный, так какой нам с него прок? Мы нэпманов пузатых грабим, Леня, это понимать надо.

— То-то и оно! — поднял палец вверх Пантелеев и снова спросил: — А что, Гавриков, почему это нэпманы такие богатые?

— Это тоже понятно. Потому что они — спекулянты и кровопийцы и наживаются на бедствии страны, — снова в тон товарищу проговорил Гавриков, все еще не понимая, к чему тот клонит.

— А вот как бывший сотрудник отдела по борьбе с этой самой спекуляцией ты мне можешь ответить — что есть спекуляция на твой взгляд?

— Спекуляция есть нарушение закона, по которому все равны и все равно.

— А значит, мы с ними — одного поля ягода, одно любим и одного боимся. А скажи мне, Гавриков, чего боится честный вор?

— Честный вор боится легавых, — вздохнул Гавриков, вспоминая о своих последних злоключениях.

— А значит — закона. Из чего следует, что нэпман тоже боится закона — есть за что. Мало того, он его беспрекословно слушается и охотно ему подчиняется. Посему я кое-что придумал для нас с тобой. Ты хорошо помнишь, как документы чекистские оформляются?..

План, который придумал Пантелеев, был прост, гениален и нагл. Он заключался в том, чтобы налет проводить не с криками, угрозами и веревками, а чинно и благородно, воспользовавшись всеми атрибутами власти и произведя изъятие незаконно нажитого добра «законным» путем. И это ему долгое время успешно удавалось. Граждане, нажившие капиталы не совсем честным путем, и не думали жаловаться — быть подоенными властью им приходилось не раз, таков порядок. И неизвестно, как долго горела бы на небосклоне Пантелеева звезда подобного дармового счастья, но фортуна переменчива, и золотая жила вскоре была перерезана по чистой невнимательности с его же стороны.

9 июля 1922 года

В квартиру Аникиева посетители в подобный час приходили нечасто. Однако звонили в этот день так настойчиво, что, поколебавшись лишь минуту, он велел кухарке Ксюше все-таки открыть, спросив прежде, кто пришел. Кухарка вернулась в гостиную растерянной, а за ней шли четверо человек — двое в форме и двое в штатском.

— Семен Алексеевич, к вам товарищи. Сказались, что из ГПУ.

Аникиев, который лакомился в тот момент орешками в сахаре, уронил сласти на ковер и растерянно посмотрел на жену. Та сильно побледне-

ла, но, поднявшись, достаточно уверенным тоном сказала:

— Проходите, господа, проходите!

Из группы пришедших выдвинулся симпатичный гражданин в кожанке и сурово спросил:

— Вы — гражданин Аникиев?

— Д-да, — пробормотал тот, вставая и надевая пенсне.

— Прошу всех оставаться на местах, — довольно резко одернул его решительный молодой человек, который, судя по всему, был главным.

Аникиев икнул и сел, мелко моргая. Жена его перестала улыбаться и тоже села рядом на плюшевый диванчик.

— Я — сотрудник ГПУ, и у меня имеются сведения, что вы — иностранный шпион!

Женщина вскрикнула и картинно грохнулась в обморок. Кухарка побежала на кухню за водой.

— Также мы располагаем информацией из надежных источников, что вы храните дома запасы золотой валюты, которые поступают к вам от ваших сообщников для ведения подрывной деятельности на территории Республики Советов. Ваша деятельность объявляется противозаконной и подлежит наказанию. Для того, чтобы подтвердить наши подозрения по вашему поводу, нам необходимо произвести в вашей квартире тщательный обыск. На то у нас имеется соответствующая санкция и ордер, — человек подошел к столу и припечатал ладонью к узорной скатерти заполненный бланк. — Вот это — понятые.

Он махнул рукой в сторону людей в штатском, вид которых почему-то наводил на мысль о том, что все это — одна компания.

Женщина, которая было пришла в сознание, опять откинулась на диванный валик. Аникиев побагровел и сдавленным голосом сказал:

— Что ж, приступайте, — и уселся на диване, судорожно сцепив на коленях руки.

Молодчики, не дожидаясь его санкции, уже разошлись по комнатам, тщательно осматривая и ощупывая все, что попадалось им под руку. Обыск продолжался час с лишним под постанывания лежащей в полуобмороке Аникиевой, причитания махавшей над ней полотенцем служанки и тяжкие вздохи хозяина квартиры.

Когда в конце концов был обнаружен тайник с золотыми монетами, главный с достоинством приблизился к Аникиеву и торжественно ему объявил:

— Именем закона Советской Республики объявляю все незаконно нажитые вами средства конфискованными в пользу самой Советской Республики — впредь и до особого распоряжения. Я правильно излагаю? — обратился он вдруг к одному из своих спутников.

Тот кивнул и напомнил:

— Протокол обыска не забудь.

— Да, кстати! — хлопнул себя по лбу смазливый. — Иди сюда, будешь писать.

Засадив товарища за стол, на котором, кстати, находились все необходимые принадлежности, то-

варищ в кожанке надиктовал текст протокола и велел сделать копию.

После этого он велел всем принимавшим участие в обыске расписаться под двумя экземплярами составленного документа, затем расписался сам.

— Это вам, товарищ Аникиев, — протянул он один из экземпляров протокола хозяину. — Так сказать, чтобы все по закону. Засим — разрешите откланяться.

Они ушли, сильно хлопнув дверью, а в квартире еще долго стоял тяжелый запах кирзовых сапог и потных тел. В течение получаса Аникиев сидел, не шевелясь, убитый своим горем. Когда в комнату стала напирать темнота, жена его тяжело поднялась с дивана и, с укоризной глядя на него, запричитала:

— Вот, Сенечка, говорила я тебе — не связывайся ты с этим золотом! Ведь боком же тебе выйдет, я же предупреждала! И зачем ты на рожон полез? Еще и арестуют! Занимался бы себе преспокойненько своей адвокатурой...

— Маня, не вой! — раздраженно сказал Аникиев, выходя из оцепенения. — Господам коммунистам не нужны сейчас адвокаты — они прислушиваются только к голосу своего вождя. А как прикажешь жить, ежели я больше делать ничего не умею?

— Ведь говорила мне мама — доча, надо ехать, пока не поздно, надо ехать!

— Да заткнись ты! — прикрикнул Аникиев на свою разошедшуюся половину.

Затем он поднялся и стал нервно прохаживаться по кабинету. Проходя мимо стола, он автоматически взял в руки оставленную бумагу и стал читать ее. Потом глянул на ордер и словно обо что-то споткнулся.

— Маня, вели Ксюше зажечь электричество, — дрожащим голосом велел он.

* * *

Кондратьев торопился и потому влетел в кабинет агента Муромцева без стука. В кабинете он застал самого Муромцева и еще какого-то тучного гражданина в поношенной жилетке и золотом пенсне. Гражданин, судя по обильной испарине, которую он отирал со лба, сильно волновался.

— А, Савелий! — обрадовался Муромцев и, улыбаясь, поднялся из-за стола во весь свой исполинский рост. — Вот, полюбуйся, тебе это покажется интересным, — пожав руку Кондратьеву, продолжал он.

Кондратьев устроился на клеенчатом стуле подле стола и жестом обозначил, что он весь внимание.

— Продолжайте, товарищ Аникиев, — поощрил гражданина Муромцев, хитро косясь на Кондратьева.

— Так вот я и говорю, что мне все это сразу показалось подозрительным. И люди эти странные — у всех какой-то блеск ненормальный в глазах. А тот, что у них за главного, только командует, а в документах не разбирается.

— Да вы поближе бы к делу, покороче, — поторопил его Муромцев.

Кондратьеву стало ясно, что тому не терпится услышать еще раз что-то весьма любопытное.

— Ну, они ушли, а документы мне оставили — смотри, мол, товарищ, все по закону! Но я-то тоже не дурак, — он вдруг подмигнул им своим поросичьим глазком. — А уж с бумагами в свое время поймел дело. Я решил проверить, как у товарищей с грамотностью составления документов обстоит. Читал-читал, да и вычитал. Вот, посмотрите сами.

Он пододвинул поближе к Кондратьеву две бумаги, лежавшие до той поры на столе и посетителем не сразу замеченные. Кондратьев пробежал документы глазами и не сразу понял, что он имеет в виду. Заметив его растерянность, вежливый посетитель немедленно пришел ему на помощь.

— Видите здесь, — с одышкой проговорил он, указывая своим сарделечным пальцем на верхнюю строчку ордера. — «Выдан тов. Тимофееву Алексею Георгиевичу», видите?

— Ну, вижу.

— А вот теперь смотрите сюда, — толстяк с блаженной улыбкой пододвинул к Кондратьеву второй листок, исписанный слегка корявым почерком.

Этот листок был протоколом обыска, подписанный агентами ГПУ и понятыми. Проследив за пальцем Аникиева, Кондратьев наконец понял, в чем вся загвоздка: протокол был подписан Николаем Тимофеевым, а не Алексеем Тимофеевым.

Причем больше никакого Тимофеева в документах не упоминалось.

— Теперь видите? Ну вот. И я удивился и решил, что-то здесь не так. Схожу-ка я, думаю, в ГПУ, пройдуся. Узнаю, что за рассеянный агент у них работает — имя свое путает...

— Это же гениально! — включился вдруг в разговор молчавший до той поры Муромцев. — Это же просто, как дважды два! Никакой у нас Тимофеев не работает — ни Николай, ни Алексей! А ордер — поддельный. И подделан он человеком неглупым и очень отчаянным. Я вот и подумал, Савелий Алексеевич, не ваш ли это клиент?

* * *

Того, что он так банально промахнулся и «побелился» из-за пустяка, Пантелеев, конечно, не знал. А потому он со спокойной совестью ограбил по отработанной схеме еще одну квартиру, принадлежавшую гражданке Ищенс, что проживала в Толмазовом переулке. На обоих этих налетах Ленка очень хорошо нагрел руки. Ему повезло прежде всего и потому, что в обоих случаях наводчики поработали на славу, в ограбленных квартирах было взято большое количество наличных денег, золотых монет и дорогостоящих украшений.

Поэтому Ленке не было нужды обращаться к хищным маклакам и пытаться выручить за шмотье хоть сколько-нибудь приемлемую сумму денег. Деньги не пахнут, и ими можно было владеть теперь без опаски. Даже то, что количество членов

банды пришлось несколько увеличить и каждому нужно было отдать свою долю, не нанесло Ленкиному благосостоянию сколько-нибудь заметного ущерба. Он расплатился с подельниками и вместе с Гавриковым решил как следует понежиться и отдохнуть от пережитых волнений, прогулявшись по «малинам».

ГЛАВА 11

Не знал Ленка и того, что уголовный розыск в это время отдыхать не собирался. Как и предвидел опытный Кондратьев, Вольман долго запирается не стал. Лишившись привычного окружения, материальной поддержки, а главное — любимого стимулятора, Вольман очень скоро потерял свой независимый вид и нахальную повадку. Он сник, как ива в жаркий полдень, и ревел в камере белугой, призывая Иегову в свидетели своему горю.

На допросах он стал шелковым и сговорчивым и порассказал Кондратьеву много интересного из жизни замечательного человека Пантелеева Ленки. С определенного момента сведения сыпались из него горохом и каждая «горошина» оборачивалась новым арестом, обыском, новой засадой.

Естественно, следствие держалось не на одних рассказах безвольного Вольмана. По каждому налету, о котором становилось известно органам дознания, сразу же проводилось необходимое расследование. Опрашивались свидетели и потерпевшие, составлялись протоколы, заводились дела. Папки с документами все пухли, камеры посте-

пенно заполнялись содержательницами квартир, наводчиками, скупщиками краденого, а агентам не удалось увидеть хотя бы издали даже кончик хвоста хитрого лиса. Не мудрено — это был его «лес».

* * *

У Лидии Лудэ была подружка — тоже Лидка, Дуговейко. Тезки были соседками по общежитской клетушке и, бывало, делили кусок хлеба. Само собой получилось, что разделили они со временем и Пантелеева — такой уж у парня был характер. Лудэ виду не подавала, но на подругу обиду затаила, а потому, как только выдалась возможность купить за бесценок квартиру, ушла из общаги, а соседку с собой не взяла.

Но та тоже недолго в общежитии горевала — покрутилась-повертелась да и отныкала где-то маленький покосившийся домик. Лудэ знала, что Пантелеев не брезгует захаживать на огонек к хохлушке, отведать наваристого борща да попариться в баньке.

Долго ли, коротко, а случилось то, что должно было случиться — подружки как-то пересеклись, и снова завязалась у них почти дружба. Только Лудэ все время была начеку: один раз предавшая подруга сдаст с потрохами и в другой раз.

В один прекрасный день Лудэ отправилась навестить Дуговейко — какие-то там пустяшные женские дела, теперь уж и не узнаешь. Однако, пробираясь по неровным тропкам петроградских

предместий и чихая от набившейся в нос пыли, Лида на подходе к дому Дуговейко услышала строгие мужские голоса. Ничего в этом не было удивительного — к содержательницам хазы всяческие люди заходили. Да только в последние дни Лудэ стала страх как осторожна, а потому, прежде чем пролезть сквозь дырку в заборе на хозяйский двор, Лида пробралась потихоньку к дырке в досках и заглянула внутрь.

То, что она увидела, ей очень не понравилось. Возле хаты Дуговейко топталось множество незнакомого народа и все — в форме. Саму хозяйку в этот момент вели под белы ручки два здоровяка, и нельзя было сказать, что той это было очень уж приятно.

Не раздумывая ни одной лишней минуты, Лудэ повернулась и быстро пошла прочь от дома, выбирая тропки позаброшенной и на ходу натягивая на голову и завязывая по-бабьи шаль — так, на всякий случай.

Возле трамвайной остановки она еще раз воротово оглянулась и с облегчением поняла, что ее никто не заметил.

Приехав домой, Лидия первым делом выгнала из квартиры всех, кто там отдыхал в ее отсутствие, и стала метаться по комнатам, то хватая, то снова швыряя на место старенький саквояж. Наконец она села в кресло и, сжав виски руками, постаралась успокоиться. Ее фигура оставалась неподвижной, тогда как глаза бегали из стороны в сторону и лихорадочно блестели.

— Ведь сдаст, ведьма, с потрохами сдаст! —

произнесла она вдруг хриплым от волнения голосом.

Наконец Лида приняла какое-то решение. Она встала, внимательно осмотрела свою комнату, будто стараясь запомнить ее в мелочах. Потом, широко шагая, обошла все свои владения, собирая и складывая в саквояж все, на ее взгляд, самое ценное.

Уходя из квартиры, она оставила ключ на шкафу и даже не обернулась на пороге.

Однако на полпути к вокзалу она вдруг остановилась, помотала головой, будто силясь прогнать какое-то наваждение. Потом, словно нехотя, повернулась и пошла в обратном направлении.

Дойдя до перекрестка Невского и Лиговского, Лида остановилась и внимательно осмотрелась. Увидев стайку беспризорников, которая попрошайничала у какого-то магазина, она подошла к ним и внимательно всмотрелась в перепачканные лица. Потом, решившись, задала условный вопрос:

— Ребятишки, где тут у вас ближайший синематограф?

Большая часть посмотрела на нее удивленно, но двое или трое подняли на нее понимающие глаза и, переглянувшись, отделились от остальной толпы.

— Что? — сказал один, самый, видимо, старший.

— Мне его срочно повидать надо, — умоляюще прошептала Лида.

Пацаны минуту пошептались, после чего самый маленький развернулся и пошел по улице, ничего не сказав и ни разу не обернувшись. Лида послушно последовала за ним, сделав вид, что идет по своим делам и пацана этого знать не знает.

Примерно через полчаса малец привел ее к какому-то двухэтажному дому, чьи подслеповатые окна говорили о том, что живут тут люди не особенно богатые. Шкет остановился, повернулся к девушке и молча указал пальцем на окна второго этажа. Лудэ так же молча кивнула, сунула пацану в кулачок монету и, оглянувшись, вошла в подъезд.

Поднявшись по неосвещенной скрипящей лестнице на второй этаж, Лидия нашла нужную квартиру сразу же — по какому-то характерному едва уловимому аромату, который ее тонкое обоняние могло отличить от тысячи похожих запахов. Отдышавшись, девушка стукнула в дверь три раза, а потом, подождав, еще один.

За дверью долго стояла гробовая тишина, а потом все же раздались тяжелые мужские шаги.

— Кто там? — хмуро поинтересовался незнакомый голос.

— Не подскажите, где квартира Овсова?

Лида не знала новый пароль, поэтому наудачу назвала один из ей известных. Мужчина за дверью ответил:

— Здесь нет таких, — и ушел в глубь квартиры.

— А, черт! — ругнулась Лида, понимая, что ничего у нее теперь не выйдет.

Она немного помедлила на площадке и только собралась уходить, как замок загремел и дверь отворилась. На пороге возник незнакомый взъерошенный тип и неприветливо сказал:

— Проходи, только быстро.

Лудэ вздохнула с облегчением и проскользнула в квартиру. Немного повспотыкавшись об обувь и какие-то ящики, которыми была загромождена темная прихожая, она протиснулась в комнату, которая была теснее, чем собачья конура. За столом она увидела сидящего Пантелеева, а с ним еще двоих незнакомых мужчин.

— А, Лидок, — отреагировал на ее появление Леня. — Чего вдруг прискакала?

— Мне с тобой поговорить нужно срочно, — глядя на него в упор, скороговоркой проговорила она.

— Так говори, — позволил Ленька.

— Без свидетелей.

Пантелеев устало посмотрел на нее, потом — на взъерошенного мужика и спросил у него:

— Что, Семен, соседей дома нет?

— Да нету вроде, — отозвался Семен.

— Тогда мы на кухне с барышней покалякаем, ты не возражаешь?

Не дожидаясь ответа, он встал, одернул гимнастерку, взял Лиду за талию и отвел ее через длинный коридор в просторную кухню. Усевшись на колченогий табурет, Ленька сообщил, что он девушку внимательно слушает.

— Я пришла предупредить, Леня, что тебя ра-

зыскивают. Сперва Валентину взяли, потом — Вольмана. А сегодня вот — Лидку Дуговейко.

— Это подружку твою, которая мне с тем налетом помогала? — перебил Пантелеев Лиду, ничуть не удивившись ее рассказу.

— Ну да, ту самую. Так вот что я хотела тебе сказать, Ленечка. Не знаю, на что ты надеешься, да только я бабью породу знаю. Заедут ей пару раз кулаком по морде — она все, что знает, выложит. Так что, Ленечка, бежать тебе надо — поймают ведь!

Ленька выслушал ее, склонив голову набок, и с усмешкой произнес:

— Ищут? Так это ерунда. Пусть ищут. Это все?

Лида замерла от удивления. Минуту посмотрев в спокойные глаза человека, который, видимо, собрался до последнего испытывать судьбу, она упавшим голосом произнесла:

— Нет, не все. Ко мне в «малину» можешь больше не приходить. Во-первых, я уверена, что вскоре там устроят засаду. А во-вторых, я уезжаю.

— Далеко ли?

— Далеко, — неожиданно зло ответила Лида.

— Что ж, в добрый путь, как говорится, — без тени какого-то чувства сказал Пантелеев и поднялся с табурета.

Больше говорить было не о чем. И чего-то ждать — тоже. Лида, поджав побледневшие губы, повернулась и быстро пошла к выходу, сбивая на ходу башмаки о жесткие ящики.

Пантелеев чувствовал тонкий запах жареного. Что-то приближалось, какие-то тучи сгущались вокруг него. Однако конкретность этим опасениям придала только встреча с Лудэ. Несмотря на свою показную невозмутимость, Ленька придавал очень большое значение сказанному и зарубил себе на носу, что отныне беспечности в его жизни не может быть и места. Несмотря на то что он понимал — с уголовным розыском шутки плохи, он надеялся на отсутствие у них точных и полных сведений о его местонахождении.

Сидя в тот вечер на квартире у одного из соучастников — Варшулевича Степана, Пантелеев много думал и мало говорил. Гавриков, чей темперамент не давал тому ни минуты посидеть спокойно, подсел к столу, за которым Ленька неторопливо чистил свой «браунинг», и стал приставать к нему с какими-то незначительными вопросами. Пантелеев был нем как рыба и глух, как сто стариков. Гавриков не унимался. В конце концов Ленька несильно толкнул товарища, и тот полетел с табуретки.

— Ты чего? — вскочил на ноги ошеломленный Гавриков и сжал кулаки.

— Сиди смирно и не мешай думать — вот чего, — пробурчал Ленька. — Ты мне лучше скажи, ты куда то барахло дел, что мы у Левина брали?

— Продал.

— Кому?

— Сальшину.

— А ты его хорошо знаешь?

— Ну как сказать. Вместе спекуляцией занимались, хлеб из Омска возили. А ты почему спрашиваешь?

— Да так. Понравилось мне, сколько он денег дает. Молодец, не скупится. Не ссучился еще, как этот Вольман... Знаешь, Гавря, что нашего наркомана взяли?

— Слышал. И что теперь?

— Да ничего. А где, говоришь, твой Сальшин живет?

— Да в Тулупном тупике, около Марсова поля. А что?

— Ты, кроме слова «что», еще какие-нибудь слова знаешь? Нужен мне такой товарищ, очень он удачный.

— Ты, гений воровского дела, может, все-таки поделишься хоть раз одним из твоих гениальных планов, прежде чем мне на рожон придется лезть? Сил нет с тобой, Леня, какой-то ты сам себе на уме.

Пантелеев задумчиво посмотрел на Гаврикова.

— Ну, коли хочешь... Да только не время теперь. Мы с тобой сегодня куда собирались?

— Ты все-таки хочешь? — как-то неуверенно проговорил Гавриков, косясь почему-то на дверь. — Ой, Леня, не вляпаться бы нам снова.

— Что ты за человек такой, Гавря? Сходил разок, поразбойничал, а теперь деньги в карманах завелись, и ты что, пузо греть собираешься? Нет, брат. Если уж вором не суждено родиться, то им хотя бы умереть надо.

— Какой-то ты шибко идейный, Леня. Ты вот мне ответь, что за смысл в такой твоей жизни? Все равно ведь изловят рано или поздно.

— Коли изловят — убегу. Оно уж лучше, чем ходить побираться. Да и тошно мне, если честно, жить таким клопом на завалинке. Их вон, толстопузых, и без нас с тобой, Гавря, видимо-невидимо. Вот ты мне как-то про учебу свою рассказывал.

— Ну.

— Помнится, тебе больше всего нравились — кто?

— Ну, греки древние, кто ж еще, — бурчал Гавриков, недовольный тем, что Пантелеев по своему обыкновению взялся его за нос водить, а своих планов ни за что не выдавать.

— Так вот, помнишь, ты про уродливого старика рассказывал, у которого жена была злючая, а сам он потом отравился?

— Это про Сократа, что ли?

— Точно, про него. Так вот как он говорил, по твоим же словам, друг ты мой сердешный? Он говорил, что он, мол, овод, что жалит жирную лошадиную задницу. Так и мы с тобой.

— Опять не понял — при чем тут мы и лошадиная задница?

— Вот ты, Митяй, вроде и учился, а простых вещей связать не можешь. Жирная лошадиная задница — это нэпманы. А мы с тобой их кусаем и жить нормально не даем. Разве неясно?

— Чего уж тут неясного, — пожал плечами Гав-

риков, почесываясь. — Проще пареной репы. Но вот в чем загвоздка: когда нас лошадь хвостом прибьет — что ты тогда скажешь?

Пантелеев засмеялся и стал собирать «браунинг». Зарядив под завязку магазин патронами, он поставил оружие на предохранитель и сунул его в карман.

— Да, хвостом — это неприятно. Но я думаю, что мы с тобой, Гавря, заживем припеваючи, только не здесь, а где-нибудь далеко. Вот только денег немного накопим — и рванем. Будем гулять с тобой, Митя, по Парижу в белых фраках и с дамочками под ручку. Но для того, чтобы это сделать, нам с тобой придется немного попачкать свои руки и поподставлять свои спины под пули предателей. Так, хватит пустопорожних разговоров. Собирайся.

Завороженный рассказом о блестящих перспективах своей службы при таком отважном головорезе, Гавриков послушно оделся и сунул в карман револьвер.

— Идем? — спросил он у Пантелеева.

— Идем.

А идти они собирались на одно очень сомнительное и неверное дело, которое им подвернулось не так давно. Одна из новых знакомых Пантелеева, дамочка, чье происхождение было туманно, а род занятий вызывал сомнения, навела их на квартиру какого-то ювелирных дел мастера. Однако женщина пропала два дня назад бесследно. В свете последних событий сей факт насторажи-

вал. Гавриков говорил, что это дело такого риска не стоит: квартиру заранее не отследили, кто там живет — неизвестно. Зачем же на рожон лезть?

Ленька, которому его фарт в последнее время улыбался во все тридцать два зуба, плевать хотел на все опасения, а квартиру решил брать только из чистого азарта — денег у них пока еще было предостаточно.

На самом подходе к нужному дому Ленька вдруг остановился как вкопанный, а потом отпрянул за угол и подельника за собой потащил.

— Ты чего? — испуганно прошептал тот.

Пантелеев молча достал револьвер и приложил его к губам вместо пальца. Темно уже было — хоть глаз выколи, только блестели белки Ленькиных глаз. Гавриков замер и затаил дыхание. Долгое время ничего не происходило, можно было подумать, что Пантелеев напугался призрака. Но вот раздались торопливые шаги, мимо молча прошли двое военных. Вполне могло статься, что они к нужному дому вообще никакого отношения не имеют, но Ленька понимал, что в подобном тухлом деле не может быть никаких «вдруг». Поэтому он поманил Гаврикова, и они пошли прочь.

По приходу домой Леньке вдруг стало стыдно за свое малодушие — мало ли кто ходит в такое время по улицам. Подумав над происшедшим, Ленька понял, что случилось одно из двух: либо легавые в своих поисках продвинулись так далеко, что подсовывают ему подсадных уток, либо же у него настолько от страха сдали нервы, что он пу-

гается даже собственной тени. В любом случае, нужно было дать себе немного отдохнуть. Приняв такое решение, Ленька лег спать.

* * *

Пантелеев еще мог позволить себе спать. Но нельзя этого сказать о некоторых людях, чья деятельность была абсолютно противоположной его занятиям. Они не спали по ночам не потому, что дрожали от страха за свое имущество, держа под подушкой револьвер. Они не могли себе позволить нежиться в постели лишь по одной причине — был на свободе и не давал покоя горожанам бандит Пантелеев, и пока это было так — никакого отдыха они позволить себе не могли.

Совершенно одурев от бессонницы, агент Кондратьев в который раз за сегодня выслушивал одну и ту же историю. Заключенных, которых становилось, кстати, все больше, приводили к нему по очереди для допроса.

Заключенных становилось больше именно по той самой причине, о которой так уверенно распространялась Лудэ. Ни один из персонажей развернувшейся драмы молчать не стал — не смог просто. И Лида Дуговейко тоже не проявила партизанских качеств и заливалась соловьем. Первым человеком, которого она сдала, была ее ближайшая подруга — Лидия Лудэ. К ней на «малину» тут же была отправлена группа, которой с подачи Дуговейко был известен условный стук и пароль. Только вот хозяйки квартиры уже и след простыл.

И напрасно в Лидкиной «малине» заседали суровые товарищи с табельными револьверами. Тогда Лудэ не попала к ним в сети. Ей удалось перехитрить свою недобрую судьбу и не суждено было сидеть с подругами бок о бок с Пантелеевым на скамье подсудимых. По ее следу были пущены агенты ГПУ, но она была вне пределов их досягаемости. Куда вели ее следы, никто не знал.

А Кондратьев все задавал и задавал своим заключенным стандартные вопросы, которые уже навязли у него в зубах, стандартно угрожал расстрелом, выслушивал очередную ложь и приказывал увести. Арестованные исчезали из его кабинета, а потом снова появлялись, но уже с подбитым глазом, сломанными пальцами, окровавленными губами. Кондратьев словно не видел этих метаморфоз. Он снова и снова задавал свои вопросы, и ответы на них становились все точнее и правдивее. Понимая, что он вытряс из того или иного человека все, что тот знал, Кондратьев распоряжался перевести его в другую камеру и назначал меру пресечения — арест вплоть до суда.

Иногда Савелий Алексеевич позволял себе сделать перерыв. Тогда он пил горький чай и вносил новые исправления в карту, которая висела у него на стене. Это была карта города Петрограда, которая теперь превратилась в стратегический план по ликвидации банды Леньки Фартового. На ней, как то и полагалось стратегической карте, были кружками обозначены важные пункты, крестиками — места засад, стрелками — ход дальнейших операций, а флажками отмечены те территории

города, которые представляли, по догадкам следователя, наибольший интерес для ближайшего тщательного осмотра. Контуры территории наибольшей важности были еще довольно неопределенны, но Кондратьев был твердо уверен, что вскоре «линия фронта» замкнется в кольцо и тогда все станет гораздо проще.

Все было в этой карте образцово-показательно, и план развертывания крупномасштабной сыскной операции был хорошо продуман. Одно только портило всю картину: в штате уголовного розыска на тот момент сотрудников числилось ровно в тридцать пять раз меньше, чем было необходимо для того, чтобы худо-бедно осуществить задуманное.

— Ничего, — в такт своим мыслям кивал головой Кондратьев, поглаживая усы. — На нашей стороне — правда.

ГЛАВА 12

До конца июля 1922 года в Петрограде наступило небольшое затишье. В частности, о Пантелееве Ленке не было слышно ничего. Это было связано с тем, что Ленка Фартовый физически ощущал, как в его любимом городе где-то зашевелилась враждебная сила, способная раздавить его, как букашку. Размышляя в это время о себе и о своей судьбе — а на это было предостаточно времени, — Ленка сперва вспоминал то время, когда он был счастлив, потому что честен. Потом — несчастен, потому что беден. Потом — снова счас-

тлив, потому что стал хозяином своей собственной судьбы. А теперь он начинал понимать, что, коли ты сам себе хозяин, тебе за твое самовольство самому и отвечать придется. А отвечать ох как не хотелось.

— Ладно, — бывало, говорил Ленька самому себе. — Перед тем как меня сожрать, пусть попробуют поймать.

И засыпал, успокоенный.

Иногда его мысли принимали совсем другое направление. Он думал о своем будущем с точки зрения того, как бы он зажил, если бы его вдруг перестали разыскивать, чтобы наказать. Помечтав о доме, о семье и о свободе, Ленька с небывалой ясностью понял, что он обманывает не только своего адъютанта Гаврикова, но и самого себя. Он крал не только потому, что ему не на что было жить. Он крал потому, что ему это нравилось. И никуда-то он не собирался уезжать. Его судьба — и это он смутно осознавал — жить в Петрограде, воровать в Петрограде и, если случится, здесь же и умереть. Только вот умирать он не собирался ни при каких обстоятельствах.

25 августа 1922 года

Приятное слово «опасность» щекотало нервы и позволяло чувствовать себя настолько дерзким и отчаянным, насколько это вообще возможно человеку. Гавриков наслаждался ощущением опасности. В последнее время чувство страха, от которого по позвоночнику бегали мурашки и станови-

лось ощутимо холодно в животе, стало одним из любимейших развлечений Дмитрия и одновременно — его профессией.

Хоть Пантелеев и говорил, что такой способ совершения налетов для них сейчас наиболее безопасен, Гавриков не мог не осознать очевидное: стать в буквальном смысле слова разбойником с большой дороги было не менее рискованно, чем наведываться с поддельными документами на квартиры к мирным обывателям. На улице, где опасность нарваться на патруль была более чем реальна, приходилось мобилизовывать всю свою силу, реакцию и отвагу. Пьянящее чувство успеха после каждого хорошо закончившегося налета превращалось после в истерическое веселье или же в глубокую депрессию, которая поддавалась лечению только алкоголем. И пристрастие к поступавшему в кровь адреналину становилось столь же поглощающим, сколь и пристрастие Вольмана к кокаину, золотых дел мастера — к драгоценностям, а богатого хлыща — к игре.

Лежа в овраге близ Марсова поля и поджидая очередную жертву, Гавриков испытывал чувства, которые сродни ощущениям верующего перед лицом своего бога. Потому что человек, который дарил ему истинный смысл жизни, был почти что богом. И поэтому, глядя на лежащего рядом равнодушного и безучастного Пантелеева, Гавриков не мог не удивляться. Еще больше он удивлялся, когда Ленькино лицо внезапно преображалось, глаза вдруг вспыхивали азартным блеском, мышцы напрягались. Если бы Пантелеев был собакой, то

в этот момент, вероятно, у него бы торчком вставали уши. И вот он произносил наконец одними губами:

— Приготовься — вот сейчас.

А потом внезапно вскакивал на ноги и, как в атаку, бросался наперерез приближающемуся извозчику. Гавриков вскакивал и бежал тоже, при этом едва сдерживаясь от того, чтобы не закричать «ура!».

Ленька вцеплялся в вожжи у самой морды испуганной лошади, крича:

— Стой!

Лошадь приседала на задние ноги, пытаясь встать на дыбы и отбросить этого остро пахнувшего чужим человека. Ленька изо всех сил повисал на поводьях взбесившегося животного, а потом, глядя прямо в налившиеся кровью глаза, гладил мягкую морду и шептал:

— Ну тише, тише!

Лошадь успокаивалась, чувствуя силу, исходящую от пленившего ее человека, и Пантелеев вспрыгивал в коляску, где уже стоял Гавриков с направленным в затылок извозчику револьвером.

— Стоять, дядя, а то твоя лошадь останется сиротой, — шипел он.

Пантелеев вынимал свой револьвер и, поднимая его на уровень глаз ближайшего из пассажиров, грозно объявлял:

— Тихо, граждане, это — налет. Каждое ваше движение и слово теперь может стоить вам жизни. Поэтому давайте не будем друг друга задерживать. На раз-два — выворачиваем карманы, на три-че-

тыре — снимаем верхнюю одежду. Начинаю считать.

Испуганные пассажиры — на этот раз это были двое мужчин и насмерть перепуганная дамочка — трясущимися руками зашарили по карманам и стали вытаскивать оттуда застревающие и рвущиеся банкноты.

— Мадам, не нужно беспокоиться — сумочку мы возьмем целиком, — координировал Пантелеев этот добровольно-принудительный процесс. — А вы, гражданин, часики забыли снять. Да-да, и цепочку тоже отцепляйте. А это — обручальное кольцо? Господа женаты? Но явно не на этой даме. Давайте сюда — будет потом чем оправдываться перед супругой. А теперь — документы, товарищи-граждане.

— У нас только трудовые, — непременно пищал кто-то из пассажиров.

— Ничего, это тоже пойдет, — уверял их Пантелеев.

Проверив, насколько добросовестно граждане распрощались со своим добром, Ленка связал барахло в узел, махнул Гаврикову и сказал извозчику, тыкая ему в спину револьвером:

— Теперь можешь ехать, дядя. Только быстро-быстро, чтобы я не передумал и не прострелил твоей кормилице копыта. Если я вдруг увижу еще твое лицо, то и лицо отстрелю. Так что, прежде чем оглядываться, хорошо подумай, красив ли ты будешь совсем без лица.

С этими словами оба подельника спрыгнули на землю и поспешили скрыться.

— Ну, что там? — приплясывал от нетерпения Гавриков, пока Пантелеев разворачивал на ступеньках узел и раскладывал ценности, вынимая их из карманов.

— Да ничего. Если твой Сальшин еще не зажи-
рел, то, может, чего и выручим. Он нас примет
сейчас?

— Сказано — в любое время дня и ночи.

— Тогда пошли скорей.

Немного поторговавшись, они сбыли с рук на-
грабленное, оставив себе деньги и пару колец.
После, выйдя на улицу, Пантелеев глянул на ук-
раденные часы и спросил:

— Ты как, не устал за сегодня?

— Да не особо, — отозвался Гавриков.

— Еще пятый час утра только. Патруль появится
в шесть. Может, еще попотрошим? — предложил
Ленька.

— Да я завсегда, — с готовностью согласился
Гавриков.

— Тогда пойдем.

Они снова пошли известными только Панте-
лееву тайными тропками и вынырнули неподалеку
от весьма оживленного проспекта Нахимсона, по
которому извозчики частенько доставляли домой
подгулявшую публику.

Но здесь дождаться коляску им было не сужде-
но. Только товарищи заняли удобную для наблю-
дения позицию, как от противоположной неосве-
щенной стены отделилась массивная фигура и
пошла в их направлении. Подельники дружно вы-
тащили шпалеры и направили их в сторону иду-

щего. Когда тот подошел достаточно близко, Пантелеев ругнулся и опустил револьвер:

— Черт, Белый, ты-то что тут делаешь?

— Это я у тебя, Ленечка, хотел спросить, — раздался знакомый бас, и черная борода Белова наконец стала вырисовываться на белом лице. — Ты что, брат, тут делаешь?

— Да вот, свидание у меня здесь. Деловое.

— Ты мне, брат, это брось. Я твою волчью натуру знаю. Поди, на промысел вышел?

— Вроде и здоровый ты, Белый, и умный. А такие глупые вопросы задаешь...

— Ну, ты меня умом-то не попрекай! Видал я, какой ты умный, когда ты ко мне зеленым несмышленишем попал.

— Да и ты не сразу стал таким грозным. Если ты меня своим гостеприимством пришел попрекать, то давай как-нибудь в другой раз — я сейчас занят.

— А ты не умничай, Леня, — все более недружелюбно басил Белов. — Я вот думаю, по какому праву ты на моей вотчине расположился? Ходил по хазам и ходил бы себе, добрый люд не тревожил.

— Твоя вотчина? — усмехнулся Пантелеев. — Купленная, что ли? Ладно, раз уж ты тут место прикормил — твоя воля. Благо Питер — город не маленький, и ловкому человеку всегда есть где поупражняться.

Не сказав больше ни слова, Пантелеев развернулся и оставил разгорячившегося Белова остывать в одиночестве.

Гавриков трусил следом и удивлялся, почему Пантелеев так легко уступил противнику — ведь сила была на их стороне. Не изводя себя долго этим вопросом, он спросил об этом у Пантелеева прямо в лоб. Тот тихо рассмеялся, покачал головой и, не сбавляя шага, ответил:

— Какой же ты наивный, Гавриков. Несмотря на свою образованность. Да, мы легко могли бы послать Белого туда, куда Макар телят не гонял. Но место-то его, он там глаза мозолит уже долго. А что это значит? Это значит, что его старая дурья башка не соображает, что творит. А мы с тобой должны соображать, что собаки фараонские тут могут появиться, не ровен час. А нам с ними встречаться еще рановато. Ты не согласен?

Гавриков молчал, потрясенный проницательностью своего товарища, лишний раз убеждаясь, что рядом с ним не совсем обычный человек.

Пантелеев же уверенно повернул на улицу Караванную, к известному клубу «Сплendid-Палас», где почтеннейшая публика не только пила, танцевала и развлекалась, но еще и вкушала одно из прекраснейших новшеств индустрии развлечений — синематограф. А потому богатых клиентов здесь было хоть отбавляй.

Расчет Пантелеева был точен — в это время им удалось без особенных проблем поймать зазевавшихся сонных полуночников, совершенно не опасаясь милиции. Совершив таким образом еще одну ходку к маклаку Сальшину, они и отправились на свободную, по их сведениям, от наблюдения хазу — спать.

* * *

Благодатное время — конец августа. Худобедно, но земля родит, сады плодоносят, а в лесах еще не перевелось зверье. А потому нищета не так давит, голод не так чувствуется, и на душе светлее.

Гуляет народ — то свадьба, то яблочный Спас. А уж на толкучке в это время самая благодать. Цены не так уж и кусаются, а торговки, разомлевшие на солнце, не такие уж и злые. То и дело тянет в пляс пуститься или песню спеть. Вон как лихо горластая баба возле гармониста сапожками топчет:

Балалаечка — на ленте,
А гармошка — на ремне,
С балалаечкой — к подруге,
А с гармошкою — ко мне!

Раньше мы хлебали щи —
Были мы — товарищи,
А как кончилась еда,
Все мы стали господа!

Хорошо! Жаль только, что уж прошли те годы, когда хотелось пуститься в пляс да потом затащить милку на сеновал — пусть там поет. Теперь наше дело сторона, сиди на солнышке, грейся. Только и осталось одно утешение — поболтать-посплетничать.

— Что говорят-то, Михалыч? Скоро уже коммунизм Ленин построит? Тогда заживем припеваючи, все будет даром и все — для всех.

— Что ты, Семеныч! Мы-то уж с тобой, старые калоши, не доживем, нет. Вот, может, дети с вну-

ками... А мы так и помрем, глядячи на этих толстомясых, — Михалыч от обиды даже икнул и осуждающе посмотрел на внушительных размеров женщину, проходящую мимо. — Нет правды на свете. А если где и есть, то мы ее не увидим.

— Ну, это как посмотреть, — вдруг лукаво сощурил морщинистые веки Семеныч. — Есть еще на свете добрые люди, которые только за бедных.

— Ты про чекистов, что ли? — скептически усмехнулся Михалыч, скручивая козью ножку. — Так они...

— Да нет, какое там!

Семеныч воровато огляделся и, придвинувшись поближе, понизил голос:

— Ты вот в своем захолустье живешь и про то, что на белом свете делается, знаешь только от бабы своей, которую, кроме цен на базаре, ничего и не интересует. А вот то, что люди говорят, все мимо ушей пропускает. Знаешь ли, Михалыч, что у нас тут разбойнички пошаливают?

— А что ж тут нового? Когда они у вас тут не шалили? — равнодушно отвернулся Михалыч, которого обидело обвинение в провинциальности.

— Да нет, ты дослушай сперва. Это не простые разбойнички, а сотоварищи неуловимого Ленки Пантелеева, — Семеныч со значительностью посмотрел на товарища, который эту новость тоже не воспринял с должным вниманием. Заметив это, Семеныч продолжал нагнетать обстановку. — Про самого Ленку говорят, что он ежели и человек, то не совсем обычный. Росту в нем больше, чем в простом человеке, где-то на голову, а плечи такие

широкие, что он боком в дверь проходит. И при-
том он ловкий, как кошка, и неслышный, как тень.
Он умеет сквозь стены проходить — никак его не
поймаешь. А еще его видели в нескольких местах
сразу.

— Так то врут, — рассмеялся Михалыч. —
Сквозь стены — это только упыри умеют, а он —
бандит.

— Бандит-то он бандит, да только такому бан-
диту цены нет, — слегка обиженно продолжал Се-
меныч.

— Это почему? Обдерет тебя, как липку, —
какая с этого польза?

— Да в том-то и дело, что не обдерет. Ведь Пан-
телеев грабит только богатеев — раздевает их до-
гола и пускает на все четыре стороны. А ежели ка-
кому бедному повезет встретить Леньку в ту ночь,
когда он кого-то ограбил, то он тут же бедняку
денег полные карманы натолкает или шубу пода-
рит с буржуйского плеча.

Михалыч скривился, как от кваса, и только
хотел сказать что-нибудь ехидное старому дураку,
как в самом углу рынка вдруг раздался какой-то
шум. Все празднующееся население кину-
лось туда, откуда доносились крики:

— Вон-вон, это налетчик! Вор! Держи вора!

Оба болтливых старика прытко ринулись со
своих мест и подоспели как раз вовремя, чтобы,
вытянув морщинистые шеи, приобщиться к про-
исходящему.

Моложавый усатый милиционер на рослом гне-

дом жеребце пробивался сквозь толпу любопытствующих, расчищая себе дорогу нагайкой и крича:
— Стой! Стрелять буду!

В ответ на это из толпы донеслись выстрелы. Люди с визгом стали разбегаться, и вскоре стала видна высокая фигура бегущего прочь человека. Он то и дело поворачивался и, не целясь, отстреливался через плечо. Воспользовавшись суматохой, он ушел достаточно далеко и уже поворачивал за угол. Испуганная его выстрелами толпа разбежалась, и милиционеру наконец удалось вывести своего коня из плотного людского кольца. Как только это случилось, всадник прищепил гнедого и рысью поскакал в том направлении, в котором удалился налетчик.

Старики проводили милиционера взглядом и, не говоря друг другу ни слова, поспешили туда же. Когда они добрались до того места, где, по-видимому, и завершилось приключение, там уже стояла карета «Скорой помощи». Усатый милиционер стоял рядом со своим конем и наблюдал за тем, как из парадного одного из домов выходят санитары с носилками. На носилках лежал дородный человек, похожий на цыгана из-за своих курчавых волос и черной бороды. Человек стонал, и было видно, как у него на груди расплывается темное пятно.

— Это он? — священным шепотом спросил Михалыч у Семеныча, вдруг начиная верить байкам о великом и справедливом грабителе.

— Не, это не может быть он. Он не умрет так просто. Наверное, кто-то из подельников, — ше-

потом отозвался Семеныч, который, оглядывая огромную фигуру раненого бандита, пытался представить, каков же тогда сам Пантелеев.

— Да, — протянул Михалыч, когда вся кавалькада скрылась из виду. — Дела у вас тут творятся.

Семеныч ему не ответил, потому что ему вдруг подумалось о том, какая страшная месть ждет этого молодого красавца, посмеявшегося обидеть соратника такого знаменитого человека.

А востроглазый сорванец, который следовал за милиционером с самого рынка, вдруг присвистнул соловьем-разбойником и помчался со всех ног — доставить последние новости по известному ему адресу.

* * *

— Разрешите доложить, товарищ Кондратьев.

— Разрешаю. Вольно.

Черный от бессонницы Кондратьев устало смотрел на вошедшего, по шевронам угадав в нем начальника отряда конной милиции. По документам выходило то же, а фамилия посетителя была Никитин.

— Сегодня утром, в половине седьмого, в районе рынка, который на улице Нахимсона, мной задержан неизвестный. Поводом к задержанию послужил крик из толпы. При этом неизвестный открыл стрельбу и бросился бежать. При задержании в целях самообороны пришлось стрелять в подозреваемого, в результате чего налетчик ранен и доставлен в Мариинскую больницу. По послед-

ним сведениям, он находится в критическом состоянии.

Возникла некоторая пауза. Кондратьев ждал, когда этот прыткий Никитин сообщит, почему раненый человек должен его интересовать. Начальник отряда конной милиции наконец понял свою промашку, хотя и с некоторым запозданием, и поспешно добавил:

— Хотя пациент без сознания, нам удалось установить его личность. Это — некто Белов, известный налетчик и соратник Леньки Пантелеева.

Кондратьев быстро поднялся и, топая сапогами, пошел к выходу из кабинета. Никитин проводил его удивленным взглядом.

— Да поехали же в больницу! — обернулся Кондратьев на пороге.

К сожалению, как ни оперативно агенты прибыли в клинику, Белова в живых они не застали. Кондратьев смотрел на задранную вверх бороду и выступающий кадык здоровяка и искренне желал оторвать начальнику конной милиции голову. Будь этот черный медведь в живых, могло стать, Пантелеев был бы уже у них в руках.

Однако, докладывая начштаба общую обстановку, которая сложилась вокруг дела банды Леньки Фартового, Кондратьев отметил, что расследование продвигается вполне приличными темпами и при посредстве показаний арестованных начинает вырисовываться контур «ареала» обитания дерзкого налетчика.

— И еще одна хорошая новость, — в заключение сообщил Кондратьев. — Нам удалось на одной

из квартир добыть фотографию Пантелеева. Она, правда, маленькая и наверняка давнишняя. Но уж очень у него характерное лицо — не ошибешься.

Он протянул карточку Кузнецову. Тот долго смотрел в наивные глаза совсем юного парня, чем-то похожего на описанного где-то Люцифера — ликом темен и прекрасен. Твердый подбородок и изгиб губ, который выдавал в нем упрямца и воина, действительно делали это молодое лицо достаточно приметным.

— Отлично. Завтра же соберите весь личный состав и ознакомьте с этой фотографией. Пусть держат ухо востро. Продолжайте.

Кузнецов скептически выслушал окончание доклада агента и, отпустив его, долго смотрел в окно на темный город, в котором было столько таинственных нор с самым хищным и хитрым зверем. Никогда прежде ему не казался столь безнадежным собственный труд.

* * *

Гавриков, узнав от Мухи, что приключилось сегодня на толкучке, был просто потрясен. Он поднялся в квартиру, где Пантелеев отсыпался после тяжелой ночи, растолкал друга и, грустно глядя на него, сообщил:

— А ты, Леня, как в воду глядел. Хлопнули сегодня Белого. Прямо на рынке и хлопнули.

Пантелеев моргал заспанными глазами и с минуту хмуро вдумывался в сказанное. Потом встал,

подошел к окну и стал смотреть на снующих по тротуарам людей.

— Ах ты, старый ты волк, — только и сказал он про погибшего «наставника».

Пантелееву было невыносимо грустно и тревожно. Он чувствовал приближение собственного конца. Впоследствии он признался следователю, что чувствовал себя в то время, как затравленный зверь. И вот на тебе — погиб человек, с которого началась его блестящая воровская карьера. Можно было обвинить в этом злой рок и потерю бдительности самим Беловым. Но Пантелеев знал, что просто так и прыщ не вскочит. Помимо прочего все это произошло именно тогда, когда ежедневно к нему приходили известия о провале какой-нибудь из его конспиративных квартир и аресте кого-то из сообщников. Ленька все больше убеждался в том, как он был прав, не доверяя никому. Даже Гавриков, который буквально готов умереть за товарища, не знал, что у Пантелеева на уме, куда они пойдут и чем займутся буквально через час. Тем более такими сведениями не обладали те, кто просто обеспечивал его крышей над головой.

Но каждый из них владел хоть маленьким, но тем не менее — одним из кусочков нужной сыщикам информации. Если последовательно собирать все эти кусочки и умело связывать их между собой, дополняя и домысливая, то рано или поздно можно было получить краткое руководство к поимке наглого лиса. И Пантелеев это прекрасно понимал. И поэтому слегка паниковал.

— Где Степа? — не поворачиваясь, спросил он у расстроенного Гаврикова.

— Не знаю.

— Он не сказал, когда будет?

— Я его со вчерашнего вечера не видел, — признался Гавриков.

Ленька резко повернулся и заорал на него:

— Дура! Так что ж ты молчишь?! — Он кинулся к столу и стал заряжать револьвер. — Быстро собирайся!

— Лень, ты чего? — удивленно ныл Гавриков, который только что собирался лечь и вздремнуть. — Ты куда сорвался, рано ведь еще...

— Сейчас будет поздно! Идем, говорю, здесь менты будут с минуты на минуту!!!

Гавриков, поймав мысль Пантелеева, больше не разговаривая, ринулся к выходу. Начав спускаться по лестнице, они услышали на первом этаже приглушенные голоса. Это мог быть кто угодно, но Пантелеев не стал испытывать судьбу. Он легко и ловко, как кошка, вспрыгнул на подвесную лесенку, что вела на чердак, осторожно открыл люк. К счастью, люк был предусмотрительно смазан и Ленька не произвел ни малейшего шума. Он проскользнул на чердак и подал руку Гаврикову. После они закрыли люк и заперли его изнутри. Только беглецы успели это сделать, как на лестничной площадке появились какие-то люди и стали громко стучать в дверь квартиры, из которой они только что вышли.

Подельники сидели возле люка, боясь пошевелиться и вздохнуть. К счастью, непрошеные гости

производили столько шума, что, спрячась на чердаке бешеная лошадь орловской породы, они бы того не заметили.

После того, как посетители убедились, что никто не собирается им открывать, они стали выбивать дверь плечом. Пантелеев решил, что ждать больше нечего, а потому осторожно стащил с ног ботинки и знаком велел Гаврикову сделать то же самое. После этого они на карачках поползли по направлению к слуховому окну, которое, к их счастью, выходило на противоположную парадному сторону.

Без особых проблем выбравшись на крышу, они, согнувшись в три погибели, пробрались к водостоку и по нему перелезли на крышу соседнего дома, в котором был проходной подъезд.

Они мчались от злосчастного места во все лопатки, выбирая глухие закоулки. Пантелеев то и дело оглядывался, но погони видно не было. Вдруг он услышал, как сзади раздался какой-то шум и грохот падающего тела. Пантелеев боялся повернуть голову, опасаясь увидеть самое страшное. Когда он осознал, что не слышал ни выстрелов, ни криков, он наконец оглянулся.

Гавриков со сморщенной физиономией поднимался с земли и отряхивал разодранные на колене брюки.

— И какая сволочь на дороге эту железяку зарыла! — чертыхался он.

Пантелеев вдруг хлопнул себя по коленям и неожиданно рассмеялся.

ГЛАВА 13

4 сентября 1922 года

Сидя с утра на задрипанной кухне неуютной квартиры в одном из самых захолустных районов Петрограда и дуя на чай, который он недовольно обозвал «белыми ночами», Пантелеев обмозговывал план ликвидации за ненадобностью собственной банды и перехода на чрезвычайное положение. Гавриков сидел тут же на полу и привычно причитал, рассматривая обезображенный во время своего знаменитого падения башмак.

— Какой там дневной переход! Ты посмотри на мою обувь, Ленечка! Нет, я в таком виде идти пешком до самой Финляндии отказываюсь — хоть ножами меня режь.

— Гавря, я тебе говорю, что нам нужно на время отсюда свалить — и сегодня же. Не нравится мне вся эта беготня с суетой. Я хоть и буду скучать по Белому — мир его праху, — но встречаться с ним так скоро не намерен. Так что давай, парень, обматывай ноги дерюжкой и пошли.

— Что я тебе, Пантелеев, беспризорник какой-то — босиком шлындать? Я не йог, долго лишений переносить не могу. Ты ж меня не по дороге потащишь, а, поди, по кустам каким-нибудь. Не, не согласен я. К тому ж я вчера с утра пробовал по росе проскакаться, а там — веришь? — иней! Сентябрь уже, Леня, ты на календарь когда смотрел последний раз?

Пантелеев недовольно отставил жидкий чай и воззрился на ноющего товарища.

— Я тебя, Митрий, не пойму. Ты что, готов уже из-за своих калош в тюрьму сесть? Тебя расстреляют, зато ног не обморозишь — так, что ли?

— А коли и так, — распсиховался Гавриков, нервы которого тоже порядком были расстроены. — Пусть стреляют, но хоть как герой помру, а не от простуды где-нибудь в поле загнусь.

— Та-ак, понятно. Ну, если жизнь друга зависит от того, что у него надето на ногах, то делать нечего. — Ленька многозначительно замолчал.

Гавриков бросил башмак на пол и пытливо уставился на друга, соображая, что тот снова придумал.

— И что ты смотришь? Собирайся, пойдем за обувью, — безапелляционно заявил Ленька, толкая друга в бок.

— Ты что? — округлил тот свои бесцветные глаза. — Как же — ведь белый день на дворе.

— Нет уж, голуба, сказал за обувью — значит, за обувью. Быстро!

В полдень того же дня, пустив вперед двоих подручных, подельники отправились на промысел. Они засели в подворотне на пересечении улицы Морской и Почтамтского переулкa, неподалеку от пожарного телеграфа, и стали прислушиваться к происходящему на улице. Пока они ждали, Ленька просвещал товарища на предмет того, что здесь вообще происходит:

— Мне Анька Зайцева надысь рассказала, что ее любовник Абдульменов работает на этом самом телеграфе. И тут у них каждый день выручка в кассе богатая. Этот ее Абдульменов молол что-

то про миллиарды. И деньги дают до банка отнести артельщику в сопровождении одного охранника с пистолетом. Вот мы этого артельщика сейчас с тобой и завалим.

— Но охранник-то с пистолетом, — вставил Гавриков, переминаясь с ноги на ногу.

— Не дрейфь, — кивнул Пантелеев.

В этот момент на улице раздались шаги, и вскоре стало слышно, как идущих кто-то догоняет.

— Пронин, вернись на проходную — тебя к аппарату! Начальство звонит, скорее, — затараторил мужской голос с еле слышным акцентом.

— Э, брат, постой здесь! Я мигом, — и стук подкованных армейских ботинок удалился в обратную сторону.

Оставшийся неторопливо продолжил свой путь и вскоре поравнялся с подворотней. Друзья увидели коренастого пожилого человека, который шел, чуть прихрамывая и стучая себя по колену потертым кожаным чемоданчиком.

— А ну, стой! — прикрикнул на него Пантелеев, вырастая перед ним так внезапно, что чемоданчик вылетел у артельщика из рук, глухо стукнувшись об землю.

Гавриков подхватил чемодан, а Пантелеев, покрутив перед лицом артельщика револьвером, сообщил ему:

— Если не хочешь быть нашпигованным свинцом, как рождественская утка — яблоками, иди ножками быстро-быстро и не оглядывайся.

Артельщик, не смея и пикнуть, захромал прочь, а бандиты, подхватив чемодан, устремились в бега,

не дожидаясь, пока облапошенный боец поймет, сколько интересного он пропустил.

Избавившись от чемодана, который, как и обещали наводчики, содержал порядочно хрустящих бумажек, и отсидевшись немного на каком-то чердаке, друзья отправились за обновками. Обувь решено было покупать в ближайшем магазине, а таковой находился на углу Невского проспекта и улицы Желябова.

Войдя в маленькое, пропахшее обувным клеем помещение, Пантелеев обратился к дородной продавщице:

— Что, красавица, а есть ли в вашем магазине обувка для модных парней?

— Только обувка в этом магазине и есть, — флегматично отозвалась продавщица, оглядев вошедших.

Оценив их как людей кредитоспособных, она поинтересовалась:

— А какую обувку предпочитают модные парни?

— Принеси-ка мне, красавица, сапоги, — велел Пантелеев.

— Ну уж ни фиги! — выглянул из-за его плеча Гавриков. — Сам ты носи свои сапоги. Давай ботинки.

— Какие тебе ботинки? — раздраженно спросил Пантелеев друга. — Ты на танцы собираешься ходить или что?

— На себя посмотри! — кипятился Дмитрий. — Ходит, как голимый фраер, еще на меня наезжает!

Не буду носить сапоги, хоть ты меня режь — и весь тебе мой сказ.

Продавщица состроила недовольную физиономию:

— Ну вы, петухи. Вы на улице отношения выясните, а уж потом сюда вваливайтесь!

— Ладно, -- отмахнулся Пантелеев, — покупай свои ботинки, да только потом не ной, что тебе идти неудобно — на закорки не возьму.

Счастливый Гавриков пролез вперед к прилавку и, высунув язык, стал жадно разглядывать образцы, что стояли на полке.

— Вон те мне подай, красавица, — показал он на лаковые штиблеты с песочного цвета носами.

— Эти?! — присвистнул Пантелеев, глядя на друга так, словно тот на его глазах превратился в медведя. — Ты белены обожрался, что ли? Да ты в этих фраерских ботах дальше Фонтанки не уйдешь.

— Хочу светлые — и дело с концом, — заявил раскуражившийся Гавриков. — И разговаривать даже на эту тему не буду с тобой.

— Гавря, зима скоро, — стал увещевать товарища Пантелеев, которому еще не изменил здравый смысл. — К тому же по этим штиблетам тебя любая собака узнает.

Гавриков на минуту задумался, потом пробурчал:

— Ну ладно. Не светлые, черные. Но лаковые, — не сдавался Гавриков.

— А, черт с тобой, — злился Ленька. — Девуш-

ка, дайте ему вон те туфли примерить, пусть только не плачет.

Довольный, как слон, Гавриков, сел на скамейку и стал натягивать на свои дырявые носки штиблеты, потом, сияя, гоголем прошелся по лавке туда-сюда, повернулся на каблуках, сделал пару замысловатых па и обратился к Леньке:

— Ну, как я тебе? Красавчик, — он прищелкнул языком и ловко изогнулся, чтобы посмотреть на новые ботинки своими глазами.

— Не жмут? — хмуро поинтересовался Пантелеев, доставая из карманов сложенные купюры.

— Как по мне сшиты! — весело отозвался Гавриков и снова прищелкнул языком.

— Отлично. Мы берем, — повернулся Пантелеев к продавщице.

Та начала писать чек, в то время как Ленька отсчитывал нужную сумму. Гавриков, посвистывая, прохаживался по залу. Внезапно его свист оборвался. Пантелеев медленно повернулся. В магазин вошел милиционер и остановился на пороге, оглядываясь по сторонам.

— Здравствуйте, товарищи, — дружелюбно сказал он. — А могу я видеть заведующего этой конторы?

— А кто его спрашивает? — бесцветным голосом спросила милиционера продавщица.

— Квартальный третьего отделения милиции. И передайте, что по важному делу, — отрекомендовался милиционер, в то время как оба друга изо всех сил старались не выдать себя ни единым взглядом.

— Пройдите по коридору и налево, там дверь — я покупателей обслужу, если вы не против.

Квартальный был не против и ушел в указанном направлении. Едва за ним закрылась дверь, Ленька кинул на прилавок деньги и, крикнув: «Сдачи не надо», пошел к выходу и поволок за собой икающего от волнения Гаврикова. Пока они спускались по ступенькам, в Ленькиной голове стучало: «Только бы опять пронесло! Только бы опять...»

На этот раз не повезло. Навстречу им попался помощник того самого квартального, товарищ Барзай. В отличие от своего начальника, товарищ Барзай собрания штаба милиции посещал с усердием, а потому знал все текущие дела. К несчастью для двух друзей, подъезд был ярко освещен, и для Барзая вмиг стало очевидным, что лицо одного из них ему явно знакомо, а испуг на лице другого тоже кое о чем свидетельствовал.

— А ну, — велел Барзай, расстегивая кобур. — Руки из карманов выньте.

Он решил, что перед ним, должно быть, грабители, которые обчистили кассу и теперь улепетывают.

Пантелеев страшно побледнел и нагло улыбнулся милиционеру, засовывая руки поглубже в карманы. Барзай едва успел достать пистолет, как лестница заволочлась пороховым дымом и в его грудь впились горячие жала.

Увидев, что милиционер упал, держась за грудь, Ленька припустился бежать по лестнице, прыгая

через две ступеньки. Гавриков едва поспевал за ним.

— Стой! — раздался крик с верхней площадки, и тут же вслед бегущим раздались выстрелы.

Но Пантелеев с Гавриковым уже выбегали из двери и вот-вот должны были снова ускользнуть в одну из мрачных подворотен города, но на этот раз Ленкина фортуна от него отвернулась. Вылетев из подъезда, друзья сразу же налетели на прибежавший на выстрелы патруль. Ленка попытался расстрелять всех, кого мог, но удар прикладом по затылку уложил его на землю. Гавриков ринулся было на обидчика, занеся кулак, но сразу три штыка уперлись ему в живот и прижали к стене.

— Руки вверх, паскуда, — проорал ему в ухо усатый матрос.

Гавриков медленно поднял руки и завел их за голову, с ужасом глядя на закатившиеся Ленкины глаза.

* * *

— Последние новости! Газета «Матрос» всего за тыщу на нос! Последние известия, новостей — двести! Как поймали вора и его друга! Читайте передовицу про успехи милиции! — надрывался маленький газетчик.

Стайка беспризорников долго разглядывала горластого пацана, а потом отправила к нему парламентария.

— Слышь, шкет, дай газету, — нагло заявил

долговязый беспризорник, хватая газетчика за рукав.

— Плати деньги да бери, — невозмутимо ответил тот.

— Давай, я сказал! — повысил голос парламентарий и подал знак своей компании.

Те стали быстро приближаться. Тут откуда ни возьмись рядом с газетчиком выросла дородная фигура мрачного дядьки, который, уперев руки в боки, прогремыхал:

— Это кто тут хочет понюхать, чем кулак у Алексашки пахнет?

Беспризорники, словно стайка воробьев, кинулись врассыпную. Собравшись поодаль, они опять зашептались.

— Говорил я вам — есть у него «крыша»! Не попрет так, надо по-хорошему, — пищал совсем маленький пухлощекий шкет по прозвищу Свищ.

— Будем меняться? — сокрушенно спросил кто-то из толпы.

Парламентар снова поспешил к газетчику.

— Слушай, паря, давай меняться. Мы тебе стеклянный шарик, а ты нам газету.

Глазки у газетчика алчно вспыхнули. Он воровато оглянулся на подъезд, в котором только что скрылся грозный Алексашка, и сказал:

— Давай.

Он быстро схватил с ладони беспризорника шарик с застывшими в нем цветными пузырьками и протянул ему еще мокрый типографский листок.

Шкет схватил газету и помчался к товарищам.

Сорванцы, убедившись в благоприятном исходе дела, всей компанией устремились к воротам ближайшего интерната и подозвали одного из гулявших там пацанов:

— Эй, паря, ты читать умеешь?

— А как же, — гордо отвечал тот.

— Слушай, а за кулак подсолнухов статейку в газете прочтешь?

Пацан вместо ответа оттопырил карман, и туда немедленно перекочевали жареные подсолнечные семена.

— Где читать? — деловито осведомился шкет, расправляя на коленях пачкающуюся свинцовой краской газету.

— Где про пойманного преступника написано, — жалобно попросил кто-то из младших.

Грамотей поводил носом над страницами и, напрягая мышцы лица от усердия, начал достаточно бегло читать по складам:

— «Вче-ра в че-ты-ре дня пойман из-вест-ный преступ-ник Ле-о-нид Пан-те-леев со своим подруч-ным Гав-ри-ко-вым. Под конвоем они пре... про... пре-про-вож-дены... — шкет тяжело вздохнул, — ...в ДПЗ, после че-го будут пе-ре-ве-дены в третий ис-прав-дом...»

Компания слушала спотыкающуюся речь чтеца и все больше напоминала стайку нахохлившихся от холода воробьев. В кульминационный момент кто-то даже всхлипнул. По окончании чтения кто-то мрачно сказал:

— У, гады, вы еще заплатите...

Забрав у интернатского газету и наделав из нее самолетиков, толпа вскоре разбрелась по своим нехитрым делам.

ГЛАВА 14

Городские власти ликовали. Обыватели вздохнули с облегчением: наконец они могут спать спокойно. На самом деле, в городе было еще предостаточно банд, которые спокойно продолжали грабить квартиры и полуночных пешеходов. Однако молва о Пантелееве давно уже перестала быть только молвой. Всякий раз, когда в Петрограде того периода совершался налет, обыватели единодушно решали, что это дело рук Пантелеева, даже если он сам в этот момент спокойно развлекался с подругой на хазе. Потому и казалось, что с поимкой известного вора в Петрограде сразу же наступит мир и покой и квартиру перед уходом можно будет вовсе не закрывать. Так думала одна половина населения.

Другая половина, которая так же была наслышана о Пантелееве, была совершенно убеждена в том, что его арест — вещь совершенно не случайная. Пантелеев просто сыграл в поддавки, и временная удача органов правопорядка для Ленки Фартового только повод снискать себе славу, совершив еще что-нибудь не менее сногсшибательное, чем все его воровские выходки.

В общем, поимка Пантелеева никого не оставила равнодушной. Кроме самого Пантелеева.

Нельзя сказать, что правовая система и судопроизводство того времени были особенно хорошо развиты. Ни тебе свода каких-либо законов, ни отлаженной системы карательных мер. Наказывали всех без разбору — то расстрелом, то каторгой, то концлагерем. Да, в то время в Стране Советов уже были созданы концентрационные лагеря, в которых влачили жалкое существование преступники различных мастей: спекулянты, контрабандисты, враги советской власти и прочая неугодная новому порядку публика. И хотя обыватель склонен приписывать изобретение этих «исправительных» учреждений Гитлеру, в лучшем случае — Сталину, на самом деле они были известны советскому народу гораздо раньше.

То же можно было сказать и о материальной оснащённости институтов власти. Конечно, Советскому правительству по наследству от царизма достались многие тюрьмы и казематы, которые были выстроены на славу и служили прежней власти верой и правдой.

Да только вот по материальным или по моральным соображениям — ведь в этих застенках томились и многие борцы за свободу народа — старый и надёжный тюремный фонд мало использовался большевиками по прямому назначению. Поэтому арестантам и их охране приходилось довольствоваться бывшими зданиями банков, каменными церквями, помещичьими усадьбами.

Третий исправдом был расположен на территории бывшего монастыря, постройки которого

чудно сохранились, но совершенно не были приспособлены для того, чтобы содержать в них арестантов. Здесь были наскоро переделанные и снабженные крепкими дверьми с запорами монашеские кельи, забранные решетками галереи и двор, хозяйственные постройки которого приспособили под нужды закрытой экономики тюрьмы. Толстые стены делали подкоп невозможным, но вот решетки и двери были не особо надежными.

На взгляд местного начальства, это компенсировалось наличием сильной охраны и одного-единственного тщательно охраняемого выхода. Все четыре этажа представляли собой галереи, каждая из которых выходила на общую винтовую лестницу, ведущую вниз, к двери. С другой стороны галереи замыкались глухой каменной стеной. Винтовая лестница освещалась единственной сто-ваттной лампочкой, висящей под самой крышей.

Потолки в монастыре были очень высокие, а потому все здание было просто громадным. Именно по этой причине на четвертом этаже решеток на окнах совершенно не было. Местное руководство решило сэкономить, думая, что ни один маломальски разумный человек не решится вылезти в окно, которое было проделано в совершенно гладкой, не имеющей выступов стене и находилось на приличной высоте от вымощенного булыжником двора. А если чья дурная голова все же отважится на подобный подвиг — что ж, тюремная баланда вещь хотя и не дорогая, но сэкономить на ней всегда будет полезно для всего учреждения.

По той причине, что жившие здесь когда-то монахи были аскетами и приучены были к лишениям, отопления в кельях не имелось никакого, а потому зимой стоял жуткий холод. Топилась только одна «буржуйка» у поста дежурного надзирателя, но тепло от нее распространялось недалеко и облегчения заключенным совершенно не давало.

В то время, как в исправдоме содержались Пантелеев и его подельник Дмитрий Гавриков, на дворе стояла осень, сперва — золотая, а затем и мокрая. По этой причине более тяжелых неудобств, чем жалящие и кровососущие паразиты, друзья пока не ощущали.

Примерно в таких условиях Пантелееву с товарищем приходилось ожидать суда и решения своей участи.

* * *

Лежа в камере и разглядывая в малюсенькое окошко под потолком тоскливо-серое небо, Ленка заранее сочинял показания. Хотя он еще и не виделся ни с кем из своих защитников, но понимал, что ничего путного у них не получится — слишком он был необычен, как преступник, слишком велика его значимость в глазах следствия и общественности. Думать было непривычно тяжело — мешал неутихающий гул в ушибленной голове. Пантелеев не знал даже, что стало с Гавриковым — после того случая в магазине он ни разу его не видел.

Сосед по камере, щипач Авдошка, был Панте-

лееву глубоко противен, а потому не заслуживал никакого внимания. Он постоянно что-то бубнил, зудел и ныл, но Пантелеев воспринимал его исключительно как фон, как жужжание какого-то назойливого насекомого. Он, правда, запустил в него как-то раз железной миской с баландой, но только после того, как Авдошка попытался стащить у зазевавшегося Леньки кусок хлеба. Этим их взаимоотношения и ограничились.

Сегодня, по привычке задавая себе вопросы насчет того, что уже следствию известно, а что — еще нет, Ленька вдруг споткнулся о какое-то слово в речи сокамерника. Слово застряло в подсознании и вызывало неудобство.

— Что ты сказал? — чуть ли не впервые обратился Пантелеев к соседу.

— Что? — вытянул тот петушиную шею.

— Что ты сейчас говорил? Можешь дословно повторить?

— Я говорил, что ежели октябрьская амнистия не отменится, то мне тогда почитай всего полгода останется отсидеть. Вот откинусь на волю, найду свою Гальку и...

Дальнейшие рассуждения щипача Пантелеев легко пропустил мимо ушей. Только одно слово воцарилось в его голове: амнистия. Впервые за многие дни, проведенные в душной камере, Ленька заснул, не мучаясь от головной боли.

На следующий день его снова повели на допрос. И снова, несмотря на все угрозы, он отказался говорить, требуя сперва встречи с защитником. Следовательно решил, что применять силовые

меры к этому знатному заключенному опасно — портить его «товарный вид» перед судом было категорически запрещено. Ленька об этом догадывался, поэтому был так самоуверен и нагл. В конце концов, он добился своего, и ему позволили встретиться со своим защитником.

Увидев этого дерганого юнца, который явно не имел юридического образования, Пантелеев даже сперва разозлился, но, подумав, решил, что на лучшее ему рассчитывать не приходится. Пантелеев еще не был настолько опытен, как современные ему американские мафиози, и по наивности своей не мог даже и предполагать, что часть награбленного нужно было тратить на покупку хорошего адвоката, а не пропивать с Гавриковым и проститутками. Хотя где в Советской России было взять в ту пору профессионального адвоката?

— Добрый день, — между тем начал молокосос в кожаной тужурке. — Меня зовут Илья Федорович Копырин. Я — ваш защитник.

— Ну, здорово, салабон. Что мы с тобой делать станем? — цинично отозвался Ленька.

Илья Федорович покраснел, потом побледнел и выпалил:

— Ну, во-первых, Пантелеев, я хотел бы вам заявить, что мое участие в деле — чисто формальное. Обвинения, которые вам предъявляются, слишком серьезны. Вам приписывается около десятка вооруженных налетов и два убийства. К тому же вы слишком заметная фигура в преступном мире, чтобы это так просто сошло с рук. Поэтому

единственное, что я вам могу посоветовать — со-
знайтесь во всем, это облегчит вашу участь.

— Меня расстреляют вдвое меньшим количе-
ством пуль? — насмешливо спросил Пантелеев.

Защитник снова изменился в лице и лихора-
дочно одернул куртку.

— Ты мне лучше, малец, скажи, о каких делах
вашему следствию известно?

Защитник достал из папки с завязками тонень-
кую стопку бумаг и, пролистав, выдал Пантелееву
исчерпывающую информацию по обвинениям,
которые будут предъявлены преступнику на суде.
Ленька мрачно выслушал и, к своему удивлению,
обнаружил, что суду известно практически все,
исключая только какие-то малоизвестные дела на
заре туманной юности. Взглянув же на список
лиц, обвиняемых в причастности к деятельности
шайки Пантелеева, Ленька с неудовольствием от-
метил для себя, что в их число входят даже те, кого
он числил в совершеннейшей безопасности. Не
были исключением и те, кто всего лишь помогал
сбывать краденое или предоставлял преступникам
кров хотя бы на один день. Из всего этого выхо-
дило, что дела Пантелеева действительно плохи.

— И что, ты даже и пытаться не будешь мне
помочь? — пытливо глянул на защитника Ленька.

Тот опустил глаза и со вздохом ответил:

— Честно говоря — нет. Это вообще мое пер-
вое дело, и мне порекомендовали не ввязываться
в препирательства с прокурором трибунала. К тому
же, по условиям военного устава — а вы, судя по
всему, не так давно уволились в запас, — вас во-

обще должны расстрелять без суда и следствия. Радуйтесь, что мы хотя бы потрудились как-то обосновать все обвинения.

— Аллилуйя! — съязвил Пантелеев и встал, показывая, что с защитником ему говорить больше не о чем.

Явился конвоир, и Ленька в последний момент вспомнил, что есть у него еще один вопрос:

— Скажите, а с Гавриковым что?

— Гавриков — заключенный того же учреждения, что и вы.

— А в какой он камере? — оживился было Ленька, уже подталкиваемый к двери суровым милиционером.

— Этого я не знаю, — поджал губы Копырин, осознавая свою беспомощность, которая ему самому была противна.

Только придя в камеру, Ленька вспомнил, что он позабыл спросить об амнистии.

* * *

В ту же ночь Пантелеев проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо и дышал в лицо. В темноте ничего разглядеть было нельзя, и Ленька сперва схватился было за ремень, где обычно у него был револьвер. Только когда рука скользнула по пустоте и стало понятно, что револьвера за ремнем нет, как нет и самого ремня, Ленька вспомнил, где он находится, и встал.

— Эй, проснись! — шептал в темноте голос. — Пойдем, тебя ждут.

Пантелеев поднялся и проследовал за странной темной тенью по сырым коридорам тюрьмы, держась за шероховатую стену. Совсем недолго поплутав по галерее, они вышли к камере, в которой горел свет, пробиваясь в щель над полом и в смотровое окошечко.

Войдя внутрь, Пантелеев с удивлением увидел, что в камере находятся человек семь заключенных. Среди них он узнал двоих: развалясь на нарах, лежал худющий и грязный, как черт, Абрам Вольман собственной персоной, а в углу, поджав под себя крепкие ноги, сидел улыбающийся Гавриков.

— Привет, братишка, — поприветствовал он опешившего Пантелеева.

Вольман криво улыбнулся так, что непонятно было, то ли он рад, то ли у него просто скулы свело. Остальные смотрели на Пантелеева с любопытством и благоговением. Парнишка, который его сопровождал из камеры, улыбался тоже, но как-то растерянно.

— Здорово, коли не шутите, — невозмутимо отозвался Ленька, которому всяческие проявления чувств в таких сомнительных обстоятельствах были противны. — А ты, старый наркоман, али мне не рад? — продолжал Пантелеев, обращаясь к Вольману, который медленно приподнялся на нарах. — Почитай, мы с тобой закадычные каторжники по жизни, а?

— Да уж, — отозвался Вольман. — Как ни крути, а первый свой срок мы вместе мотали.

— Ты лучше присядь, Леня, — продолжал улыбаться Гавриков. — Пошамай вот.

Тут Ленька увидал, что посреди камеры накрыт импровизированный стол, на котором свернулась калачиком кровяная колбаса, горкой лежал картофель «в мундире», остро пахли соленые огурчики, а над всем возвышалась четверть мутного самогона, заткнутая крученой бумагой.

Ленька, стараясь не показать своего удивления тем, что он видел перед собой, присел, свернув ноги калачиком, между колбасой и Гавриковым и громко спросил:

— Что празднуем?

На это он получил в ответ железную кружку с вонючей жидкостью и огурец.

— А ты выпей — сам поймешь, — лукаво сказал кто-то из сидящих рядом.

— Ну, за счастливое воссоединение! — предложил Гавриков.

Никто не возразил — все выпили. После этого стали знакомиться, разговаривать о том, о чем обычно идет в камере речь, — кто за что сидит, кто на сколько здесь обосновался, да как на воле они прогуливали денежки.

Пантелеев доброжелательно вникал в подробности чужих криминальных биографий, понимая, что ему здесь отведена роль непререкаемого авторитета, тогда как его интересовало совсем другое. Только Вольман старался держаться от него подальше. Ленька ненадолго задумался над этим фактом, решив, что тот просто жлобится за старые обиды. Пантелеев даже не попытался завязать с ним беседу и узнать, как же его угораздило оказаться именно здесь. Выждав наконец, когда все

опьянели настолько, что внимание их совершенно рассеялось, он отозвал в дальний угол Гаврикова, который был уже достаточно навеселе.

— Леня! — сопливился он. — Я же думал, тебе все, крышка! Тебя этот выродок так долбанул, что чуть голова не отлетела! Да как же мы, Ленечка...

— Гавря, ну перестань, — сморщился Пантелеев. — Вытри сопли свои, смотреть противно. Так, Митька, если не хочешь, чтобы я тебе смазал, то давай быстро трезвей и отвечай на вопросы.

Гавриков хлопал мокрыми ресницами и быстро-быстро кивал головой, понимая, что Леня шутить не будет, а и в самом деле даст в ухо...

— Как мы здесь оказались? Что вы тут делаете в такое время и в таком количестве? — допытывался Леня, которого сейчас любые пробелы в строгости режима интересовали больше, чем что-либо.

— А... — растерянно бормотал Гавриков, с трудом собираясь с мыслями. — Это тут запросто. Мы всегда тут собираемся, у Вольмана.

— А продукты, самогон — это откуда?

— Да все оттуда же. Ты что, этого еврея не знаешь? Он же ад в пикник на дикой природе превратит и не почешется.

Гавриков был совершенно прав. Оказавшись в тюрьме, Вольман приложил все усилия для того, чтобы устроиться здесь с наибольшим комфортом. Благо его связи простирались настолько широко, что могли обеспечить ему многое.

— Что ты мне мозги паришь? Ты хочешь ска-

зять, что ему это прямо из магазина в камеру приносят? — негодовал Пантелеев.

— Ой, Лень, ну не прикидывайся ты олухом. Само собой, сперва нужно было охранника приручить, а уж потом... Ты не представляешь, сколько эта жидовская морда махорки извела на то только, чтобы этот зажавшийся мент хотя бы внимание на него обратил. Но зато потом... Эх, мне бы Абрашкину ловкость, я бы...

— Так что, у вас здесь один охранник купленный?

— Да не то чтобы купленный. Ежели ты решишься прогуляться дальше галереи, то он тебе, конечно, башку отстрелит, как куренку. Но на некоторые вещи смотрит сквозь пальцы: по вечерам ли в очко сыграть камера на камеру или там получить посылочку с воли — это пожалуйста.

— Понятно, — намотал на ус Пантелеев и решил, что на сегодня с Гаврикова хватит — вон уже как глаза покраснели. — Как ты сам-то?

— Да ничего, Леня, потихонечку. Сижу в камере 185 на той же, четвертой галерее, что и ты. На допросы таскают регулярно, да только я молчу и от всего отрекаюсь. Я так полагаю, ежели что им нужно знать, так то ты им сам скажешь, правильно? А мое дело сторона — я в твои дела, Леня, лезть не могу, потому как ничего в них не понимаю.

Ленька на эту тираду, полную преданности, ничего не ответил. Посмотрев по сторонам и решив, что тут ему уже делать нечего, он позвал

своего провожатого и велел проводить его обратно в свою камеру.

Сортировка нужных сведений, которые были только что получены, была отложена на завтра.

* * *

Снова потекли арестантские будни. Заключение по-прежнему собирались в камере у Вольмана, которому, видимо, его натура не позволяла оставаться без «изысканного» общества. Здесь арестанты убивали время своей несвободы с недюжинной изобретательностью. То резались в карты на щелбаны, то бились на кулаках, то травили байки о своих и чужих похождениях. Вольман сохранял верность себе и постоянно устраивал тотализатор или организовывал пари. Расплачивались сигаретами и хлебом, иногда загоняя друг друга в такие долги, исход которых на воле могла решить лишь поножовщина. Однажды кто-то из преступников с богатым прошлым предложил устроить цирк и показать, кто на что способен.

Как ни странно, идея понравилась всем, и компания разбрелась по камерам — готовить свои трюки. Вечером того же дня все снова собрались в «клубе Вольмана» и, усевшись в кружок, стали жадно смотреть представление. Было всякое: кто ходил на руках и пел, кто плясал «Яблочко» с миской баланды на голове, кто жонглировал, кто чревовещал. Камера, набитая народом под завязку, одобрительно гудела и хлопала себя по коленям.

О таких благодарных зрителях наверняка мечтала бы любая цирковая труппа.

Но всех превзошел скромный на вид парень, который в ту самую ночь провожал Леньку в камеру Вольмана. Он объявил, что сейчас выйдет и через пять минут принесет белье, что сушится в тюремном дворе на веревке. Никто ему, конечно, не поверил, что и было выражено соответствующими возгласами со всех сторон. Парень тряхнул чубом и провозгласил:

— Желающие посмотреть пожалуйста в коридор и к окошку, — и выскользнул в дверь, незаметно для всех.

Те, кто стоял в коридоре, сквозь сетку, натянутую над центральной лестницей, видели только его гибкую тень, которая мышью прошмыгнула за спиной у охранника — причем никто не знал, каким образом он миновал все запоры, отделявшие четвертую галерею от остальных. Вскоре сгорбленного парня действительно увидели во дворе, а потом — снова на лестнице. Через пятнадцать секунд он был в камере, торжественно неся над головой бюстгальтер огромных размеров, очевидно принадлежащий одной из надзирательниц.

Все закатились диким смехом, и на парня посыпалось со всех сторон:

— Ну, циркач! Ну, дает! Как же ты с охраной договорился?

— Да ни с кем я не договаривался. Просто решетки да двери открыл — вот и все...

Все смеялись еще больше, вырвали у него лиф-

чик, стали его примерять и перекидывать друг другу, крича и подпрыгивая от восторга, как дети.

На шум прибежала охрана и, отколошматив каждого, разогнала всех по камерам, страшно ругаясь.

Получив пинок под зад, Ленька влетел в свою двухместку и повалился на нары. Он только сейчас понял, как той ночью чудной парень без всяческих проблем проник к ним в камеру, не наделав никакого шума, ведь ключей у него точно не было.

* * *

Следствие по его делу затягивалось, и Пантелеев начал подозревать, что его здесь продержат всю жизнь и он просто не доживет до суда.

На следующий же день после «цирка» во время короткой прогулки во дворе он нашел нужного ему парня и спросил у него:

— Кто такой? За что сидишь?

— Сашка Пан. А сижу за кражи со взломом, — немного смутившись, отвечал молодой человек, косясь на злобного охранника, от которого ему досталось уже немало побоев.

— Из банды панов? — удивленно осмотрел его с ног до головы Ленька. — Еще бы, слышал о ваших подвигах. Вы почище моего наворочали дел, ребятки.

— Да, может, и почище. Только уж тебя, Фартовый, любая собака в Питере знает — уж очень-то

ты заметный. А нас и кошка в темноте не разглядела бы...

— Ну, будет тебе хвост распускать, — обиделся Пантелеев. — Ты мне вот что скажи — ты как во двор вчера пробрался?

— Да просто — открыл двери да вышел, — пожал плечами Сашка, будто такое дело было одним из самых повседневных в этой тюрьме.

— И как будто специально для тебя их оставили открытыми? — язвительно спросил Пантелеев.

— Зачем же открытыми? — невозмутимо продолжал Пан. — Что ж я, маленький, сам с замком не справлюсь?

— Так ты хочешь сказать, что замок без ключа открыть можешь?

— Конечно, могу. Коли бы не мог, за что бы меня в банде держали?

— А коли не врешь — тогда что ж ты тут до сих пор со своими талантами делаешь? — недоверчиво спросил Ленька, пристально глядя Сашке в глаза.

— Ну, дядя, ты сказал! Открыть замок — невелика важность. А потом куда? У нас всю банду переловили, мне и податься-то некуда — все равно изловят. А так — амнистия скоро. Глядишь, и выпустят за примерное поведение.

— Выпустят, ежели тебя та толстая тетка, что без белья осталась, не пришибет прежде, — усмехнулся Леня. — Ну, тогда что ж — дело хозяйское. Сиди, раз тебе это нравится.

— Нравится — не нравится — терпи, моя краса-

вица. Ты небось тоже не ради удовольствия здесь прохлаждаешься, — парировал парень и, так как прогулка подошла к концу, широко зашагал к воротам.

Ленька кинул в его сторону полный значимости взгляд и, увидев приближающегося к нему с недобрыми, вероятно, намерениями охранника, поторопился пристроиться в хвост своей колонны.

ГЛАВА 15

То, что приближается день суда, Пантелеев понял загодя. В одно прекрасное утро он обнаружил, что теперь каждый его шаг известен двум хмурым бойцам, что ходили за ним по пятам. Вооруженные конвоиры сопровождали Леньку повсюду, как верные телохранители. Сперва Ленька над ними издевался. Пойдет по коридору — и они за ним. Сядет на пол — они его дожидаются. Подпрыгнет на месте — они сразу винтовки с плеча сдергивают и затворами начинают лихорадочно щелкать. Ленька пел им дурацкие частушки, рассказывал похабные анекдоты, но угрюмое выражение не покидало их напряженных лиц. В конце концов Леньке это надоело и он совсем перестал выходить из камеры, и даже на прогулку его выволакивали силком. Конвоиры стояли под дверью камеры, а Ленька лежал на нарах и думал о своей дальнейшей судьбе.

Это безобразие продолжалось до тех пор, пока не пришел Ленькин защитник и не заявил, что усиление конвоя до суда — нарушение всяческих

правил и что Пантелеев — еще не заключенный, но только подозреваемый. Начальство исправдома долго ругалось и препиралось, но так как заявление защитника было подкреплено соответствующей санкцией суда, то конвой сняли и Ленька снова мог спокойно перемещаться по своей галерее и посещать шумные сборища в камере Вольмана.

В одно из последних своих посещений Ленька отозвал Гаврикова и спросил:

— Слушай, Гавря, а как бы мне с этим вашим охранником познакомиться поближе?

— С Кондрашкой, что ли? Это можно.

Гавриков отошел от Леньки и что-то пошептал на ухо Вольману. Тот покосился на Пантелеева и стал ворочаться на нарах, засовывая руку под матрас. Затем он извлек оттуда небольшой квадратный сверток и отдал его Гаврикову, о чем-то тихо его спросив. Гавриков отмахнулся от Абрама, как от назойливой мухи, и почти бегом вернулся к Леньке.

— На, возьми, — протянул Дмитрий сверток другу. — Тут кусман сала копченого. Этот Ванька за копченое сало может маму родную продать. На, отнеси ему да подружись. Только зачем это тебе?

— Надо, — мрачно ответил Пантелеев.

— Бесполезная затея, Леня. Кондратьев здесь не один, вообще-то.

— Кондратьев? — ужаснулся Пантелеев. — Это какой? Это тот черт, который нас с тобой сюда запрятал?

— Не-а, это его братец двоюродный. И что ин-

тересно, Леня, — эти родственники меж собой — как кошка с собакой. Я видел нашего козла, когда он сюда зачем-то приходил. Ванька на него волком смотрел. А Савелий-то как орал! Батюшки-светы! — хихикал Гавриков. — Я тебе, Леня, так скажу: насколько умен и принципиален этот Савелий, настолько же его братец туп да до денег жаден.

— Так это же нам только на руку, Гавря, — ласково уверил друга Ленька, пытаясь сквозь промасленную бумагу учуять аромат сала, до которого он и сам был охоч.

— Так что говоришь — не один тут Ваня Кондратьев дежурит? А с кем?

— В паре у него еще один надзиратель, Васильев. Тоже дундук порядочный. Только он упертый — от наших подарков морду все воротит, — продолжал знакомить Леню с местным персоналом Дмитрий.

— Значит, не те подарки предлагаете. Может, он сало не любит. Тут, Гавря, к каждому свой подход нужен, — уверил его в ответ Пантелеев, задумываясь.

В этот же день он, поджидая Кондратьева, увидел поднимающегося по винтовой лестнице дородного и совершенно белобрысого человека в портупее, размахивающего железным чайничком. Судя по всему, это и был тот самый несговорчивый Васильев. Пантелеев притаился и стал наблюдать, что он будет делать.

Васильев добрался до грубо сколоченного стола, предназначенного для отдыха дежурных, и грузно

опустился на стул. После этого он, кряхтя, полез в ящик и стал выкладывать оттуда на стол всяческие сладости: горсть монпасье, банку варенья и кусочки колотого сахара. Водрузив на стол большую жестяную кружку, Васильев достал из-за пазухи кулечек, свернутый из газеты, развернул его и стал вытряхивать какую-то коричневую труху. Залив кружку кипятком, Васильев любовно стал разматывать бечевку, которой была привязана пергаментная бумага к крышке банки. Вскоре до Пантелеева донесся горький запах плохой заварки и донеслось бульканье и сопение пополам с чавканьем.

Пантелеев, невольно улыбаясь, прокрался за угол, приговаривая:

— Так ты у нас, оказывается, сладкоежка, господин хороший...

В свою камеру он не пошел, а направился напрямиком к Вольману. Абрам был в это время один и наслаждался курением трубки. Крепкий табак был в последнее время единственной отрадой для старого наркомана и спасал его от скуки заключения.

Увидев на пороге камеры Леньку, Вольман нахмурился. Только это нахальное лицо могло вывести «великого еврея» из равновесия. Он по-прежнему боялся, что Леня начнет задавать ему неприятные вопросы, отвечать на которые придется. И отвечать придется правду — никуда не денешься. Вот тогда Леня и узнает, отчего это ему в последнее время стало так беспокойно жить на белом свете да почему в соседнем здании в женском от-

делении половина камер занята исключительно Ленькиными подружками... Цепь этих неприятных размышлений была прервана Ленькой, который не стал дожидаться радушных приветствий и начал сразу с главного:

— Скажи, Абрам, а ты можешь достать все, что угодно?

— Ну, почти. Смотря что, — как всегда уклончиво сказал Вольман, хитро поглядывая на Леньку. Раз человеку чего-то от еврея надо, то у еврея скоро появится даже больше того, что ему нужно.

— А есть у тебя знакомый купец, который бакалеей занимается?

* * *

Не прошло и недели, как Вольман через одного из арестантов передал Пантелееву пачку очень дорогого и вкусного чая с добавлением каких-то душистых листьев. Надо сказать, что этот подарок достался Леньке практически бесплатно — всего за пару зуботычин и угрозу доложить инспектору о некоторых аспектах вольмановской биографии, о которых уголовному розыску наверняка еще не известно.

Положив в карман душистую заварку, Ленька ночью прокрался к самой дальней от лестницы камере, в которой сидел нагловатый парень с ловкими руками — Сашка Пан. Постучав условным стуком, Ленька проник в камеру и обратился к ее обитателю:

— Сашка, можно к тебе по важному делу?

Сашка, хоть и спал до той поры, с охотой поднялся и указал Леньке на табурет. Ленька уселся, положил на стол цветную чайную упаковку и начал излагать свой план:

— Знаешь, Саня, если посмотреть на тебя, то тебе вроде тут нравится.

— Ну, это тебе кажется. Кому понравится в этой конуре жить, какому законному пацану? — меланхолично заметил Пан, рассматривая отросшие на ногах ногти.

— А коли не нравится, не хочешь ли ты соломки подстелить, прежде чем падать?

— Слыхал я, что ты, Леня, — великий выдумщик. Поэтому твою байку с удовольствием послушаю — только вот дверь закрою.

Выслушав внимательно то, что ему рассказал Пантелеев, Сашка Пан широко улыбнулся, показав на редкость белые и крупные зубы:

— Да, голова у тебя светлая. Что ж, тебе помочь не грех.

Не прошло и двух дней, как напарники — Кондратьев с Васильевым — снова заступили на дежурство. Кондратьев по своему обыкновению застрял на второй галерее — кокетничать с тамошними надзирательницами. Васильев же воцарился за столом, рассматривая дряблые щеки в осколок зеркала и ковыряя прыщи.

Тут дальняя дверь отворилась, из камеры вышел Пантелеев и с блаженным лицом медленно и осторожно пошел по коридору к своей камере.

— Заключение Пантелеев! — загремел надзи-

ратель. — Почему не на своем месте? Что за беготня по коридорам?

— Ой, гражданин начальник, — просительным голосом начал Ленька. — Я только за чайком вышел — уж больно у Рейнтопа в камере чай вкусный. Я только чашечку...

Васильев стукнул по столу ладонью, и Пантелеев, быстро-быстро перебирая ногами, прошел в свою камеру. Охранник, ворча себе под нос, подошел к двери и стал с лязганьем закрывать Ленькину камеру. Заглянув после в окошко, он увидел Пантелеева, сидящего на нарах с зажмуренными глазами и причмокивающего. Наконец до жадных ноздрей Васильева донесся тонкий, но дразнящий аромат дорогого чая. Охранник даже замер на минуту, не веря своим ощущениям.

После этого он повернулся и, словно сомнамбула, протопал до конца галереи. Там он резко открыл дверь камеры, в которой сидел Александр Рейнтоп, он же Сашка Пан, и замер на пороге.

Обстановка в камере напоминала семейную идиллию: заключенные сидели вокруг стола и потягивали из кружек свежезаваренный ароматный чай, закусывая его каменными конфетами. Увидав надзирателя, хозяин камеры разулыбался:

— Здравствуйте, Степан Сергеевич! Заходите к нам, гостем будете. Не хотите ли чаю?

И тут же, не успев Васильев сказать ни да, ни нет, у него в руках оказалась кружка, из которой раздавался тот самый сильный аромат, который вызвал у него головокружение возле камеры рецидивиста Пантелеева.

Васильев воровато оглянулся по сторонам и скрепя сердце шагнул в камеру, захлопнув за собой дверь. У него не было еще опыта общения с заключенными, он их боялся, как диких зверей. В этот раз страх был пересилен жгучим желанием отве-дать чаю, стоимость которого была явно несоизмерима с его зарплатой.

Осторожно присев на предложенный табурет и все время ожидая какой-нибудь подначки, Васильев стал пить чай и оглядываться вокруг, пристально наблюдая за присутствующими.

Не прошло и получаса, как надзиратель почувствовал, что он находится в самой лучшей компании, которую он знал за всю свою жизнь. Арестанты рассказывали ему забавные истории, подливали чаю, совали конфетки помягче, а когда он вздумывал заговорить с ними, слушали его, раскрыв рот.

Выходящий из камеры Васильев был похож на наполненный водой бочонок, он плюхал на каждом шагу, а его масляные глазки источали благодушие. Кроме этой внешней перемены, Васильев засомневался в том, насколько отпетыми являются его сидящие по камерам подопечные.

«Не такие уж они и подонки, — рассуждал Васильев. — Уркаганы, конечно, но тоже ведь люди...»

Пантелеев, затаив дыхание, сидел рядом с дверью и был рад тому, что его план удался — Васильев поймался на удочку и поддается приручению.

Несколько позже Ленька услышал, как Васильева сменил Кондратьев, велел тому отправиться

в обход. Кондратьев закурил вонючую папиросу и стал фальшиво напевать какой-то мотив. Ленька, просунув зеркальце в окошко, немного понаблюдал за ним, а после, решив, что Кондратьев в благостном расположении духа, окликнул его по фамилии.

Кондратьев резво приподнялся и подошел к камере, поскольку знал, что такие беседы обычно заканчиваются с некоторой выгодой для него.

— Слушай, начальник, — весело улыбаясь, обратился к нему Ленька, просовывая в окошко промасленный пахучий сверток. — Мне тут сестрица передала подарок, а позабыла, что у меня от сала несварение желудка. Так, может, пособишь — сам съешь?

— Отчего не съесть? — охотно согласился надзиратель. — Съем.

Он взял сверток и пошел к себе.

Ленька же решил ложиться спать, удовлетворенный проделанным за день трудным делом — налаживанием добрососедских отношений.

Перед сном Ленька долго смотрел на расчислившееся от туч небо, на котором загорались неяркие осенние звезды, и размышлял. Все происходящее говорило ему о том, что суд будет уже очень скоро и приговор их ждет самый суровый. Молодая его душа рвалась из камеры на волю, но он знал, что свободы ему теперь долго не видать. Да что там свободы. Может статься — и жизни. Вот с этим Ленька совершенно не был согласен. Он твердо решил бежать во что бы то ни стало. Подумав о людях, которые его окружают в тюрьме, он

мысленно взвесил, кому отдать предпочтение при побеге и кто ему нужен на свободе. Таких людей было не так уж и много, но надежных людей всегда меньше, чем хотелось бы.

Потом Ленька с тоской подумал, что ждет его за воротами этой тюрьмы — жизнь в бегах, травля и сплошные лишения. Но все же это было лучше, чем ждать милости от легавых, судей и прокуроров.

Сопоставив все, что случилось за последние несколько дней, с тем, что ему удалось узнать, Пантелеев продумал предварительный план побега и просчитал все шаги и слабые звенья. И только после этого, под храп своего неприятного соседа, он заснул тревожным неглубоким сном до утра.

* * *

Через три дня, в дежурство этой же прикомандованной парочки, Пантелеев навестил Гаврикова, который пребывал в тяжких раздумьях после последнего допроса, и поговорил с ним о том о сем, стараясь развеселить друга и избавить его от упаднических настроений. Когда он увидел, что Гавриков перестал морщить лоб и потирать переносицу, а так он делал в состоянии крайнего нервного расстройства, Ленька решил, что ему пора приступать к самой важной части разговора.

— Слушай, Гавриков, внимательно. Амнистия — это, конечно, хорошо. К амнистии я отношусь крайне положительно. Однако подумаем вот о чем — что нам эта амнистия гарантирует? Да,

собственно говоря, ничего. Ты меня, Гавря, знаешь, я своей удаче доверяю, но помню всегда, что береженого бог бережет. Поэтому иметь какой-нибудь планчик на этот случай всегда надо. А планчик такой — нужно крепко подумать над тем, как бы отсюда ноги сделать подобру-поздорову. А человек, который замки любые ломает, у нас есть — это Сашка Пан. С охранниками мы дружбу кой-какую завели. Не хватает только пару стволов для нас, бедовых. Весь вопрос в том, где бы нам их достать?

— Так Вольмана попроси, уж он-то расстарается, — как само собой разумеющийся факт сообщил Гавриков.

— Э, нет, брат. Вот Абрашке Вольману я бы о побеге вообще ничего не рассказывал, — категорично ответил Пантелеев, понижая голос.

— Это почему? — почти шепотом переспросил Гавриков.

— Да потому, что Вольман твой — Иуда и сексот. Ты думаешь, зачем его так часто на допросы гоняют?

— Ну, дело его сложное, запутанное, вот и гоняют. Будто ты не знаешь! — упрекнул Дмитрий Леньку, словно тот был наивным несмышленишем.

— Вообще-то он должен на допросы бегать не чаще нашего — по одному делу сидим. А мы с тобой в этом деле, почитай, поглавнее его будем фигуры — и ничего, сидим и ни гугу. Я вот что думаю — он и в камере всех не так просто собира-

ет, а с умыслом. Продался он легавым и стучит на всех — по глазам же видно.

— Ты думаешь? — почесал в затылке Гавриков, удивленный тем, что ему такие мысли и в голову не приходили.

— Я просто уверен.

Гавриков минуту подумал, а потом, словно что-то вспомнив, выпалил:

— А знаешь, кто наемни у меня был? Братеньник мой младший, Семен! Помнишь, мы ночевали у него в ту ночь, как Левина бомбанули?

— Ну, — хмуро отозвался Пантелеев.

— Что — «ну»? Я только сейчас о том подумал, что он-то нам помочь и может! Он же у меня, как оказалось, мошенник тот еще. Через него можно оружие достать, у него, я думаю, один револьвер найдется.

— Одного мало, — задумчиво сказал Леня. — Да и как его с воли передашь?.. Разве что вашего Кондрашку попросить. За деньги. Он любит деньги?

— Кто ж их не любит? Попробуй. Только не сам с ним разговаривай, Сашку Пана попроси. Кондратьев только ему и доверяет. Почему — не известно. Мы Санька пытали, а он только ржет. Станный он вообще человек...

— Ладно. А еще я знаю, что в канцелярии есть шкаф с винтовками. Вот там и нужен арсенал приподнять... Ну, это потом. Давай пока связывайся со своим братеньником, а я буду дальше бодягу двигать.

На том и порешили. После встречи с Гаврико-

вым Пантелеев отправился на переговоры с Паном. Парень долго задавал всяческие вопросы и то и дело качал головой, всем своим видом выражая, насколько это дело сомнительное.

— Постой-постой, Фартовый, — вдруг перебил он Леньку. — Складно ты рассказываешь — и замки-то я тебе пооткрываю, и с Кондратьевым договарюсь. Ладно, пусть так. А ты-то тут при чем?

— При том, паря, что денежки за мной будут. Твой Кондратьев, поди, не за красивые глаза нас с тобой из тюрьги выпустит. Ему за это в рублях и иностранной валюте будет заплачено.

— Ладно, допустим, — важно кивнул головой Пан. — А как ты от Васильева избавишься? Тоже денег ему дашь? Я бы тебе не советовал. Эта тварь трусливая, и деньги возьмет, и начальству о нас доложит.

— А почему я, как ты думаешь, вас заставляю его чаем напаявать? — раздраженно спросил Ленька, начиная подозревать, что парень над ним просто издевается.

— Да ты говорил, что с ним надо дружбу свести — пригодится. А зачем пригодится — не говорил.

— Ты только мне лялькой не прикидывайся! — напустился на Пана Ленька.

Потом вспомнил, что ведет себя не совсем логично, — ведь это ему от Пана чего-то надо, а никак не наоборот.

— Ладно, объясняю, — хмуро начал он. — Васильев к вам чай ходит пить?

— Ходит.

— Часто?

— Да, почитай, каждое дежурство заглядывает.

— Так вот что я думаю: ежели мы ему в чай какого-нибудь яду накидаем для верности, чтобы под ногами не путался?

— А яду тебе, конечно, Кондратьев снова доставать должен.

— Ну, как говорится, пусть денежку отработывает.

— Ладно, — неожиданно легко согласился Пан. — Я с ним сегодня побеседую. Ну а план твой, Леня, мне видится еще туманно — как бы чего не вышло.

— Ладно — не пужайся, я тебя выручу.

— Только одно условие — ты в побег берешь меня и моего подельничка — Миху Корявого.

— А он-то нам зачем?

— Пригодится.

* * *

Уже на следующий же день Сашка Пан разыскал Пантелеева и сообщил ему результаты переговоров с Кондратьевым.

— Он согласен поговорить с тобой о башнях, — лаконично выдал Пан и сунул Ленке бумажку, в которой было сказано, где и во сколько Кондратьев будет ждать Леньку для деловых переговоров.

Переговоры состоялись той же ночью в одной из пустых камер третьего этажа. Кондратьев сидел за столом, и тусклый свет лампы падал ему на

лицо, делая его зловещим. Надзиратель держал в руках заряженный револьвер и смотрел прямо в лицо собеседнику.

Ленька же уселся несколько бочком и дальше от стола, чтобы его лицо было не так заметно в тени.

— Я слышал, — глухим голосом начал охранник, — ты, Пантелеев, побег готовишь?

— Да, это правда.

— И куда ты, друг мой, отправиться хочешь?

— К черту на рога — тебе-то что?

— Так, — тяжело уронил надзиратель. — Интересно, на что ты надеешься.

— Моя надежда — моя забота, — уклончиво отвечал Пантелеев.

— И что ты хочешь от меня?

— Да хочу, чтобы ты мне подсобил, чем можешь. Вот, например, оружие мне надобно, яду немножко крысиного — а то много тут всяких тварей поразвелось. Потом в назначенный срок ты нам камеры открываешь, а мы твоего напарника ликвидируем. Потом мы бежим, а ты в это время сидишь тихо, как мышка. После мы с тобой встречаемся где-нибудь на воле и передаем тебе денег, ну, скажем, миллиард — хватит?

Кондратьев недовольно поморщился:

— Ну, Пантелеев, дешево же ты свою жалкую жизнь оцениваешь. Тебя расстреливать собираются, а ты своей мощной растрясти не желаешь. Это ты зря...

— Сколько? — жестко спросил Ленька.

— Думаю, раза в два побольше — это будет дело.

— Два так два. Это — все. Дальнейшие инструкции получишь позже, когда шпалер доставишь, — почему-то повелительным тоном заявил Пантелеев и оставил надзирателя в камере одного.

ГЛАВА 16

Шестого ноября план был разработан детально — не хватало только обещанного оружия. План состоял в следующем. В ночь дежурства Кондратьев должен был на время увести из галереи Васильева и поговорить с ним о чем-нибудь минут пятнадцать. В это время Сашка Пан должен обойти камеры, где сидели Пантелеев и Мишка Корявый. Затем все собираются в камере у Пана, а потом, как водится, туда приходит Васильев за полагающейся ему кружкой чая. Вместе с чаем он получает дозу яда и валится, как куль, на пол. После этого по разорванной и связанной в веревку простыне все спускаются через окно в коридоре во двор, на дежурный пост, где их поджидает Кондратьев. Кондратьева связывают для видимости — он не пожелал быть заподозренным в причастности к побегу. А там — как бог на душу положит. Оставалось дожидаться, когда принесут шпалеры.

Седьмого ноября, в праздничный для всего советского народа день, когда практически все надзиратели исправдома к вечеру лыка не вязали, Ленке было совершенно не до шуток. Поутру он

имел счастье разговаривать со своим бестолковым защитником, который удостоил подопечного визитом перед судом. Он сказал только:

— Мужайтесь, Пантелеев. Все уже готово. Суд состоится десятого ноября, то есть после официальных праздников. Подготовьтесь давать показания и постарайтесь быть предельно откровенным. Я сделаю все возможное, чтобы смягчить приговор суда и заменить высшую меру революционной защиты на заключение.

— Эк ты удружил! — присвистнул Леня. — Нет уж, лучше помереть, чем в концлагере вшей кормить... А что, приказ об амнистии вышел уже? — поинтересовался Ленька.

— Вышел, Пантелеев. Только я вас хочу огорчить — ни на вас, ни на вашего друга Гаврикова это совершенно не распространяется.

У Леньки аж дыхание перехватило от неожиданности. Он молча смотрел на защитника, и слезы бессильной злобы вскипали у него на глазах:

— Ах ты, паскуда, — накинулся он на вздрогнувшего от неожиданности адвоката. — Ты, падла, за что народные деньги проедаешь? Тебя сюда послали людей от верной смерти спасать. Ты что ж, гад, палец о палец не стукнул?..

Защитник проворно выскочил из комнаты свиданий, с интересом наблюдая из коридорчика, как здоровенные конвоиры скручивают его подопечного в бараний рог. Почувствовав себя в безопасности, молодой человек позволил себе высказаться по этому поводу достаточно откровенно:

— Знаете что, Пантелеев, скажите спасибо, что вас не сразу на месте расстреляли, как бешеного кобеля. А народные деньги вас вообще не касаются, потому как вы не только к народу, но и к людям не относитесь. Вы зверюга, Пантелеев, злобная опасная зверюга, и чем меньше на белом свете таких, как вы, останется, тем легче всем остальным будет дышаться.

Пантелеев изловчился и, когда его протаскивали мимо защитника по коридору, плюнул ему в лицо. Тот увернулся.

Еще не придя в себя от такого познавательного общения с собственным адвокатом, Пантелеев получил еще один удар. Дождавшись Кондратьева, который пришел на дежурство, Ленька очень долго и напрасно старался обратить на себя его внимание. Иван старательно делал вид, что совершенно не замечает отчаянной жестикуляции заключенного камеры 196, равнодушно поворачивался к смотровому окошку спиной и громко насвистывал, когда Ленька начинал звать Кондратьева по имени.

В конце концов Леньке надоело быть лояльным, и он заорал на всю галерею:

— Ты, шкура! А ну, иди сюда, падла, я объясню, кто ты есть на самом деле! Смотри, как бы башли мимо тебя твоему товарищу не проплыли.

Кондратьев дернулся, подскочил к камере и, открыв ее, прежде врезал Леньке по зубам, а уж потом стал с ним разговаривать:

— Чего орешь, придурок? Сегодня у тебя обыск

будет — ты не знал? Сам начоблтрибунала заявит-ся, а ты меня подставляешь! Что за народ!..

Ленька, сплевывая кровь, только хрипло спросил:

— Шпалер достал?

Кондратьев развел руками, что можно было понимать как угодно — то ли не получилось с Семеном Гавриковым встретиться, то ли ствол отняли, то ли из осторожности не стал — обыск все-таки. Ясно было одно — придется обойтись без шпалера.

— Понятно. А зелье?

— Нет, братан, придется тебе как-нибудь без всего этого обходиться, — Кондратьев покачал головой и вышел.

Ленькин сосед по камере во все глаза смотрел на происходящее и молчал, хотя глаза его говорили о многом.

— Что, Ленечка, ноги делать надумали? — елеиным голосом протянул он. — А что, недурственно. Меня возмешь? А то здоровье у меня слабое, начнут с пристрастием допрашивать — сболтну чего лишнего...

Пантелеев, поднявшись с пола, не глядя, с размаху сунул кулаком в сморщенное личико Авдошки. Тот всхлипнул и завалился на спину. Пантелеев грудью налег сверху и сплел свои сильные пальцы на тоненькой шее.

— Ты, иуда, — грозно шипел он, и кровавая густая слюна текла щипачу на лицо. — Ежели ты хоть раз при мне или при ком другом рот раскры-

ешь, я тебе его до самой жопы продолжу, понял меня?

Бьющийся и хрипящий Авдошка, чьи глаза уже налились кровью и начали закатываться, сделал едва уловимое движение головой, что могло означать только безоговорочное согласие на все условия.

Заметив, как посинело лицо сокамерника, Пантелеев резко разжал пальцы, слез с Авдошки и пошел к себе на нары. Чудом спасшийся щипач долго откашливался и хрипел, а потом вдруг перевернулся на живот и завыл тоненько-тоненько, как молодая собака.

* * *

Через пару часов заговорщикам удалось собраться в одной камере — у Мишки Корявого (Лисенкова), не хватало одного Пантелеева. Пока ждали главаря с вестями, все были возбуждены без меры, у всех блестели глаза и дрожали пальцы. Мишка Корявый от волнения даже стал сопеть, как носорог, за что его то и дело одергивали. Пятнадцать минут пронеслись, как вся жизнь. И в ту самую минуту, когда напряжение достигло своего пика, после которого надежды всех готовы были рухнуть, раздался тихий условный стук. Корявый метнулся к двери, словно до того он был взведенной пружинной, которая только что получила возможность распрямиться.

Открываемая дверь невыносимо громко скрипнула, резанув всех по нервам, и в камеру ввалился

Ленька, чье лицо было бледнее, чем обычно, да к тому же окровавлено. Все переглянулись, ожидая самых страшных новостей.

— Все, — шатаясь, произнес Ленька. — Ваш Кондрашка оказался трусом порядочным — шпалера и яду мы с вами не получим.

— Опаньки, — крикнул в своем углу Гавриков.

— А еще через полчаса будет обыск, так что ховайте, парни, что есть ценного, где понадежней, — сказав все это, обессиленный Ленька сполз по стене и уселся на полу, раскидав по сторонам ноги. Нервный срыв, который он только что пережил, начинал отпускать постепенно, оставляя после себя ломоту в костях, шум в голове и полное онемение мышц.

— Ну что ж, — подал голос в наступившей гнетущей тишине Сашка Пан. — Обойдемся и без этого. Во сколько, говоришь, обыск?

— В четыре, — повернул голову Пантелеев.

— Отлично. Тогда делаем так. План остается прежним. Только Васильева придется вручную убирать. Он по ночи опять придет к нам за чаем, а мы его — тюк по головушке и свяжем, чтобы под ногами не путался. Мишка, ты белье свое не сдавал?

— Не-а, — отозвался дерганый Мишка.

— Тогда придется тебе сдать его в пользу угнетенного народа, понял? А в остальном все по-прежнему. Связываем веревки, лезем в окно. Пан-Валет нам в это время пообещал свет вырубить, это для Кондрашки сигнал вниз спуститься, чтобы

мы его там повязали. А дальше помогай нам бог...
 Лень, ты чего?

Пантелеев в этот момент вдруг подтянул к себе колени и, обхватив их руками, стал раскачиваться и дико хохотать. Заговорщики смотрели на него с ужасом, понимая, что главарю после всего пережитого, вероятно, крышу совсем набок свернуло. Ленька между тем оборвал сам себя и сказал совершенно спокойным голосом:

— Так, ребята. Давай все по камерам и ни гугу до самой ночи. Бежать будем после четырех утра.

Сказал — и вышел не попрощавшись. А суеверному Гаврикову тут же припомнилось, что четыре — число для Пантелеева роковое. И счастливое, и несчастливое с ним происходило всегда в четыре часа дня или в четыре часа ночи, четвертого сентября или четвертого марта. Поразмыслив над этим, Гавриков произнес:

— Или пан, или пропал.

Сашка Пан посмотрел на него удивленно:

— Что ты, Митяй, конечно, пан! — и тихонько рассмеялся.

* * *

Время для Леньки в тот день тянулось очень медленно. Оно буквально издевалось, топчась на месте или начиная ходить по кругу. Все усугублялось тем, что Ленька ко всему прочему ничего вокруг как будто не воспринимал, все проходило мимо него, как в странном сне. Даже такая неприятная и унижительная процедура, как обыск, кото-

рая в другой момент вызвала бы у него злость и внутренний протест, а то и послужила бы поводом для очередных колкостей в адрес лежавых, сейчас имела для него не больше значения, чем ежедневный ритуал принятия пищи.

Ленька стоял лицом к стене, положив руки на затылок, и до его слуха доносилась грубая возня в комнате, треск рвущейся мешковины и шелест соломы, скрип передвигаемой мебели и суровые реплики конвоиров. А глаза его были устремлены в стену, но видели все сквозь нее: сквер, уже облетевший и полоскаемый дождями, отражение тусклой лампочки в луже, рябой от ветра, низкое небо вольной жизни и воздух — в тысячи раз более сладкий воздух свободы.

— Вроде чисто, — напоследок услышал он за спиной.

Жесткий ботинок пинком раздвинул пошире его ноги, и грубые руки в который раз тщательно обшарили с ног до головы.

— Ладно, — лениво протянул кто-то из участников этого действия. — Живи пока.

Леньку снова втолкнули в камеру, где он отвернулся лицом к стене — досматривать свой сон наяву.

* * *

Той же ночью в четыре часа Ленька услышал, как тихонечко поворачивается в замке его камеры ключ. Пантелеев сел на кровати и стал напряженно всматриваться в темноту, пытаясь увидеть движение створки. Наконец полоска света, выбивше-

гося из-под двери, стала расширяться, а после за-слонилась какой-то тенью. На пороге материализовался Сашка Пан и поманил за собой Пантелеева. Они быстро пробежали по галерее и нырнули в камеру к Пану. Сашка велел Пантелееву покуда спрятаться под нары, а сам снова куда-то ускользнул. Вернулся он, неся груды простыней и одеяло. Следующие полчаса были посвящены разрыванию на полосы и связыванию между собой кусков ткани — все это в полном молчании. После Пантелеев стал заготавливать веревки для обоих надзирателей, а Сашка раздобыл чайник кипятку и стал высыпать в почерневшую кружку последнюю горсточку драгоценного чая.

— Все выжрал, гад, — возмущенным шепотом сообщил он Пантелееву и посмотрел на небо. — Ого, уже, по-моему, пора. Прячься!

Не успел Ленька оказаться под кроватью, как в коридоре послышались грузные шаги надзирателя Васильева. Пан и его сосед — Иванов-Раковский, приняли самый беспечный вид и занялись чаепитием. Ленька лежал на груде рваных тряпок, прилагая все усилия, чтобы не чихнуть.

Камера открылась, и на пороге возник розово-щекий Васильев.

— Здравствуйте! — радушно воскликнуло все население камеры.

— Проходите, гражданин начальник, чайком побалуйте, — продолжал Пан. — Мы как раз вот тут с товарищем беседуем о том о сем, лихие годы вспоминаем.

Васильев шагнул было в камеру, да так и замер

у стола с чайничком. Он не был особенно проницательным человеком, но в воздухе было разлито что-то такое, что заставило его насторожиться. Как ни пытался Сашка своей болтовней снять ощущение неловкого молчания, оно с такой силой протискивалось между каждым сказанным словом, что вскоре нельзя было просто открыть рот, не почувствовав себя идиотом.

Васильев только сейчас осознал, что все эти заигрывания с заключенными имеют под собой столь зыбкую почву, что того и гляди под ногами разверзнется трясина, из которой потом не выйти. Только сейчас он вспомнил свое ощущение животного страха, когда впервые в качестве охранника переступил порог этой тюрьмы.

— Ну, ребятки, — неверным голосом сказал он наконец. — Спасибо за чай, а болтать мне некогда.

И поспешно, как-то бочком, проливая кипяток на руки, вышел из камеры и тщательно закрыл ее за собой. В камере на секунду повисла тишина, которая прервалась матюгами появившегося из-под кровати Пантелеева.

— Что, кодла, пролетели? — ехидно спросил он. Отвечать почему-то никто не захотел.

ГЛАВА 17

ВЫПИСКА

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ 1806

«1922 года Сентября 25 дня, Полномочное представительство ГПУ в ПВО, рассмотрев настоящее дело по обв. гр. ПАНТЕЛЕЕВА Леонида Ива-

новича в совершении сознательных вооруженных налетов под видом обысков, уличных грабежах, убийстве, самозванстве, соучастии в фабрикациях и пользовании подложными мандатами и ордерами ГПУ и прочих учреждений, постановил: настоящее дело вместе с личностью арестованного направить в Губревтрибунал для судебного рассмотрения.

*Пом. Полн. Предст. Кауль
Нач. Окр. Спец. След. Отд. Губин М.П.
Верно: подпись».*

* * *

В исправдоме после ареста Пантелеев и Гавриков находились достаточно долго — три недели. Все это время каждый из них выполнял чуть ли не ежедневную процедуру прохождения допроса. С подельников снимались показания в таком количестве, что в конце концов следствию стали известны такие незначительные подробности дел, как цвет глаз у прислуги Богачевых или погода в день ограбления артельщика треста пожарного телеграфа. Однако показания обоих ничего не прибавили к тому, что уже и так было известно следователю и добыто агентами в поте лица и с огромным трудом. Надежда на то, что бандиты возьмут на себя ответственность за некоторые другие дела или же назовут местонахождение тех, кто так и не попал в руки сыщиков, грела души следователей до последнего дня, но все же не осуществилась. Пантелеев был смирен, но непроницаем.

Предварительное следствие по делу банды Ленки Фартового в конце концов закончилось. В один прекрасный день Пантелееву и Гаврикову, а также еще пятнадцати гражданам революционной России, что отбывали предварительное заключение по этому же делу, было объявлено, что суд состоится 10 ноября в здании Петроградского трибунала и к суду будут допущены стороны и свидетели, заседание будет открытым.

Получив это известие, Пантелеев, который ожидал его, все же был сильно взволнован. После того, как сообщники оставили надежду на удачный исход побега, Пантелеев был похож на ходячую куклу — настолько в его глазах потух интерес к происходящему вокруг. Однако, получив известие о том, что вскоре его судьба решится и все предположения закончатся вполне конкретным приговором, что с ним приключится в дальнейшем, Пантелеев словно очнулся. Он метался по камере в сильнейшем возбуждении, то потирал руки и улыбался, то вдруг садился на край нар и обхватывал голову руками. Он и тосковал, и злился, и теперь уже его жизнь приняла одну лишь направленность и одно желание — поскорее бы уже.

При старом режиме преступникам полагался исповедник и к каждой тюрьме был прикреплен какой-либо сановитый духовник, который мог принять на себя роль последнего собеседника заключенного перед тем, как нить его жизни оборвется или же оборвется надежда видеть белый свет, не загороженный решетками.

Советская власть, объявившая религию опиу-

мом для народа, сочла подобную милость к заключенным излишней и не заменила ее ничем. Как много заблудших в такой критический момент обретало какое-то мгновенное прозрение и видение правильного пути. Сколько из них больше никогда в жизни не переживало подобного ощущения и обретенный было свет навсегда был для них потерян. И даже того, кто мог бы просто выслушать и дать хоть какую-нибудь надежду, не было тогда рядом. Все неосознанные чувства выплескивались на беленые стены, которые исписывали в отчаянной надежде оставить после себя хоть какую-то память.

Пантелеев, который вдруг понял, что пощады ему не будет, испытал период каких-то постоянных движений души. Он переходил от надежды к отчаянью, а иногда погружался в переосмысление бывшего с ним, просчитывая каждый свой ход заново и понимая — все должно было быть так, а не иначе.

За те тринадцать с половиной часов, которые оставались до суда, Пантелеев прожил чуть ли не новую жизнь. И прежде чем его наконец сморил сон, он увидел, что все образуется и встанет на свои места. Потому что он еще не смирился.

Утром воспоминания о страшной ночи стали видеться Ленке совершенно по-другому. Он был взволнован, но совершенно иначе, чем накануне. Пантелеев думал о том, что он, в конце концов, обрел хоть какую-то значимость и из рядового законопослушного гражданина превратился в личность настолько популярную, что специально

ради него сегодня состоится действо, в котором примут участие уважаемые люди и свидетелями которого станут десятки людей. Все они относятся к нему совершенно по-разному, но никто — безразлично.

Пантелеев улыбнулся своим мыслям, будто совершенно позабыв о том, что с ним творилось в последние часы перед сном. Он был бодр и совершенно не собирался расстраиваться по поводу того, что ему будет предъявлено достаточно серьезное обвинение. Он поднялся с постели и дал себе слово ни одной мышцей лица не выдать волнение, что бы с ним ни случилось.

* * *

В этот день улица перед зданием Петроградского трибунала была еще с раннего утра заполнена до отказа желающими поприсутствовать на самом громком процессе за последние годы. Когда публику пустили в помещение, стало ясно, что среди присутствующих практически нет завсегдаев подобного рода мероприятий.

Видя тех, кто протискивался сквозь двери в зал заседаний, конвоиры и агенты не могли скрыть своих чувств, и на их лицах явственно проглядывалось отношение к собирающейся публике. Дело в том, что сто процентов тех, кто сидел сейчас в зале, заслуживали того, чтобы занять место на скамье подсудимых.

Несмотря на общее свое свойство — оппозиционность к закону, публика, собравшаяся здесь,

была довольно разношерстной. Основной массой, естественно, были мелкие воришки и мошенники, которые то ли по трусости своей, то ли по несообразительности не могли решиться на бóльший размах в своих действиях и поэтому с трепетом душевным пришли поглазеть на того, кто был для них живым примером и укором.

Была здесь и полубогемная публика, которая вращалась в том же круге, что и воры в законе. Это были «дамы полусвета», подруги воров, хлыщи без определенных занятий и господинчики, чья душа была — потемки, в том числе и в плане преданности существующему строю. Все они пришли посмотреть на известного им — кому понаслышке, а кому и лично — «душку» Пантелеева, который умел шикарно грабить и шикарно жить.

Особенно нервно вели себя темные личности, которые одной ногой уже стояли на пороге тюремной камеры. Кто-то был в розыске, кто-то только что сплавил партию наворованного, а потому чувствовал себя, как лещ на раскаленной сковороде.

В зале стоял непрерывный ровный гул, все устраивались поудобнее, ссорились из-за мест и выясняли, кто кому и что загораживает. Наконец дальняя дверь открылась и в зале, как по команде, воцарилась абсолютная тишина. Через эту самую дверь в зал обычно входили преступники. И они действительно появились.

Сперва под конвоем привели всех тех, кто обвинялся по данному делу как соучастники. Большинство из них были женщинами. Кое-кто в зале

узнал своих знакомых и стал их окрикивать и подавать знаки. После строгого замечания все снова успокоились. После некоторой паузы, которая довела напряжение до предела и сделала появление главных героев процесса таким же желанным, как выход примадонны во втором отделении, в дверном проеме появилась группа вооруженных до зубов милиционеров. За всей этой кавалькадой суровых ошетилившихся штыками людей сперва никто не заметил двух заключенных в тусклых робах. Только когда до слуха присутствующих донеслось явственное звяканье цепей, они поняли, что настал тот момент, которого они так ждали — Пантелеев и Гавриков прибыли наконец в зал суда.

Конвой подвел скованных вместе по рукам и ногам преступников к бордюру, за которым сидели заключенные.

— А, привет, девицы-красавицы! — неожиданно бодро заговорил Пантелеев. — Лидуша, тебе к лицу казенное. И ты, Абрашка, здесь? А ну, двинь свою жидовскую задницу — пол-лавки занял. Ничего, землицы всем поровну достанется — это я тебе гарантирую.

Публика была поражена — Пантелеев, который сгибался под тяжестью цепей и не мог шагу ступить без направленного на него дула, острил и балагурил! В передних рядах раздались робкие смешки.

— Какая выдержка! — восхитилась дорого одетая гражданка в заднем ряду. На нее зашикали.

Ленька между тем уселся и усадил рядом с

собой криво улыбающегося Гаврикова. Они осмотрели зал, помахав кое-кому ручкой, после чего Пантелеев, словно он был не в зале суда, а на деревенской завалинке, притянул к себе друга за шею и стал ему что-то нашептывать на ухо, при этом улыбаясь и жестикулируя. Гавриков кивал с видом глубокого одобрения.

Конвой между тем окружил скамью подсудимых плотным кольцом. Сквозь эту сверкающую сталью на острых гранях стену штыков присутствующие и должны были иметь удовольствие лицезреть великого преступника.

Дамы, сидевшие в зале, рассматривали Пантелеева с жадным любопытством. Все были наслышаны о его многочисленных любовных победах, и поэтому это имя было для женщин окружено загадочным и притягательным ореолом. Прекрасный злодей — о чем еще может мечтать любая женщина.

— Такой хорошенький! Такой молоденький! — то и дело раздавалось из разных концов зала.

Мужчины же буравили глазами безмятежный профиль Пантелеева и недоумевали. В конце концов, все единодушно решили про себя, что раз он так спокоен, то для того есть веские основания. Витавшую в воздухе мысль вслух выразил форточник с Фонтанки — Егорушка Заяц.

— Он сбежит, — непререкаемым тоном сказал Егорушка, ковыряя длинным грязным ногтем у себя между зубов. — Как пить дать сбежит. Этот шкет — не тот человек, чтобы так дешево продаться.

Окружающие с уважением посмотрели на новоявленного пророка и мысленно пожелали Пантелееву удачи. Между тем секретарь велел всем встать по причине приближения к входным дверям президиума суда.

После того, как судьи заняли свое место за покрытым кумачом столом с неизменным граненым графином посредине, все снова расселись и продолжали переговариваться между собой, создавая невыносимый фон. Судье даже пришлось постучать молоточком и гневно потребовать тишины.

Заседание суда началось. Продолжалось оно без малого десять часов. За это время было выслушано огромное количество народу: свидетелей, соучастников, обвинителей, защитников, истцов и ответчиков. В конце концов для показаний был вызван герой дня Пантелеев Леонид.

По знаку судьи один из конвоиров приблизился к скамье подсудимых и разъединил цепь, которой Ленька был прикован к Гаврикову и оба они — к полу. Пройдя к трибуне, Ленька на ходу попытался проделать руками какие-то движения, но немедленно был призван к порядку и прекратил «это безобразие».

Поведение Леньки во время дачи показаний приятно удивило всех присутствующих и оказало благоприятное впечатление на судебную комиссию. Он был сдержан, учтив и благороден в своих ответах судьям. Не без охоты он рассказал присутствующим чуть ли не всю историю своей жизни до того, как Ленька Пантелеев стал Ленькой Фартовым. Ни от одного из предъявленных ему дел он

не отказывался. Единственное, в чем он не хотел согласиться с обвинителями, так это в убийстве начальника охраны Государственного банка Чмутова.

— Нет, это вы мне, господа хорошие, бросьте, — тряс головой Пантелеев. — Никакого Чмутова я не знаю, денег у него не крал и в глаза не видывал.

В ответ на это ему напомнили о том замечательном летнем дне, когда он бежал от опознавшего его работника ЧК и отстреливался от преследователей. На это Ленька глубокомысленно заметил:

— Пуля — дура...

Так же Ленька отрицал, как впоследствии и Гавриков, свое вооруженное сопротивление аресту:

— Не будем старое поминать, но кто-то мне чайник прикладом раскроил. Не ваши ли орлы? — обратился он к невозмутимому начальнику караула.

Когда же прокурор стал укорять его и давить на чувство долга перед отечеством, напоминая, что страна умирает от голода, а он жирует по хазам и «малинам», Леня обиженным тоном заявил:

— Обижаете, гражданин прокурор. Я-то свой долг перед отечеством выполнил с лихвой. А вот отечество по отношению ко мне поступило не очень-то хорошо. А по поводу нагулянных мною жиров... На этот предмет для сравнения посмотрите на пуза законопослушных граждан, которые уж точно живут, как в малине. А я — обыкновенный вор и хожу под вами, как пришибленный. Вот вы тут все сидите и думаете, что Пантелеев — богач

сказочный. Мол, набил полные закрома бриллиантами да мехами и в ус не дует, радуется. И налогов с него государство не берет, и в субботниках на общественных началах он не участвует. А не подумали ли вы, граждане дорогие, как тяжело живет вору? Никто-то его за человека не считает, ходит он, неприкаянный, и голову ему негде преклонить. И не такое уж прибыльное дело — быть налетчиком. Товар надо сбывать за бесценок, содержать сорок штук квартир, да еще всех подмазывать. В этом деле больше, чем в каком-либо другом, все зависит от случая. Судьба, понимаешь, индейка, а жизнь — копейка. Мне вот, например, непруха в последнее время — куда ни кинь. То квартиру пасешь, голову в петлю за нее засовываешь, а она порожняя окажется, то наводчик обжигает да большую часть себе отшакалит. А ведь за тобой все время смерть по следам ходит и бдит, как бы ты ни облажался...

Ленькина речь произвела эффект неожидан- ный — все понимали, что этот парень виновен, но и увидели, что он — жертва обстоятельств и нуждается в снисхождении. Когда Пантелеев рассказывал о том, как он мучился от голода, не найдя себе подходящей работы, одна очень чувствитель- ная гражданка даже всплакнула.

Ленькино выступление вызвало волну протес- та в зале в адрес несправедливости закона и влас- тей. Уловив основное настроение, председатель ко- миссии постарался прервать Ленькины излияния и заняться вплотную фактами, обличающими, что этот волк овцой только прикидывается.

Заседание продолжалось чуть ли не до полуночи, после чего арестованных было велено увести обратно в исправдом до следующего заседания суда, назначенного на завтрашнее утро.

Их вывели из зала и под удвоенным конвоем отвезли обратно в третий исправдом. Только тогда, когда за Пантелеевым закрылась массивная обитая железом дверь бывшего монастыря, все вздохнули с облегчением — никуда теперь Пантелеев от правосудия не денется.

* * *

Пантелеев шел по своей галерее, испытывая легкое головокружение от пережитого нервного перенапряжения. Ни один мускул на его лице не дрогнул во все время заседания суда, и ни одна живая душа не могла знать, скольких трудов ему стоила насмешливая учтивость по отношению к судьям и безмятежная мина во время самых коварных вопросов со стороны обвинителя. Теперь наступила ответная реакция: Леньку буквально трясло, и он с трудом двигал скованными ногами, идя по коридору.

Каждый его шаг сочувственно встречался обитателями камер, в которых, несмотря на поздний час, никто не спал, — все ожидали возвращения героя дня и его сообщников. Проходя мимо камеры Пана-Валета, Пантелеев прошептал:

— Мне левак — надо драпать.

Пан-Валет кивнул головой — он был своеобразным связным и разносил новости между каме-

рами. Когда его голова нырнула внутрь, Пантелеев понял, что об этих словах минут через пятнадцать будут знать его товарищи, с которыми планировался побег.

Вернувшись в свою камеру, Пантелеев не лег спать, а, усевшись на край кровати, стал смотреть в темноту, раздражаясь от храпа своего соседа. Ожидание стало в высшей степени невыносимым. Ленька вскочил и, помня, что сегодня — дежурство Кондратьева и камера, должно быть, незаперта, сделал попытку выйти на галерею. Дверь действительно была открыта, и Ленька, двигаясь вдоль стены, прокрался к камере Сашки Пана и, приподнявшись на цыпочки, позвал его сквозь окно.

— Эй, панове! Выгляни в окошко!

В просвете появилась заспанная физиономия Пана.

— Чего тебе? — недовольно бурчал он, рассерженный тем, что кто-то отрывал его от приятных сновидений. Разглядев, однако, Пантелеева, он сразу взбодрился и произнес: — А, Леня... Слышал, что дела твои плохи...

Ленька прервал его:

— Не время панихиду петь — о деле говори.

Сашка почесал в затылке и, поморщась, сказал:

— Ну, о деле. Дело — швах. Кондрашка наотрез отказался сегодня впопыхах что-то делать. Его, видимо, суд очень напугал, да и брательник его сегодня приходил, орал опять и слюнями брызгал...

— Короче — что? Отказ?

— Выходит, что так, — на гладком лице Пана отразилось искреннее сочувствие.

— Понял, — упавшим голосом сказал Пантелеев и медленно побрел к камере Гаврикова.

— Лень! — громким шепотом крикнул ему вслед Сашка.

Пантелеев обернулся.

— Если что, ты не спи — может, придумаем что-нибудь.

Эти слова прозвучали слабой попыткой утешения, и Пантелеев только рукой махнул.

Прокравшись к камере Гаврикова, тоже открытой, Ленька прошел вовнутрь и молча присел на нары рядом с лежащим Дмитрием.

— Что? — приподнялся тот. — Идем уже?

Ленька медленно покачал головой. Гавриков понял значение этой медлительности, спустил ноги на пол и сел рядом с Ленькой.

— Это ничего, — сказал он. — У нас с тобой, паря, на роду написано умереть в глубокой старости, так что время еще есть.

Пантелеев глянул на него, усмехнулся, похлопал по спине ладонью и поднялся. На пороге он остановился и пожелал другу спокойной ночи.

* * *

На следующее утро было назначено продолжение слушания дела о шайке Пантелеева, и на вторую серию этого трагического фарса собралось посмотреть народу ничуть не меньше, чем на первую. Все так же долго усаживались, предвкушая

новую порцию откровений, и поглядывали на скамью подсудимых, которая постепенно заполнялась. Главных же действующих лиц — Пантелеева и Гаврикова — все не было. Напряжение росло, любопытство усиливалось. Вот уже даже судебных заседателей поприветствовали всеобщим вставанием, и те, усевшись на свои места, занялись разглядыванием каких-то бумаг и немного смущенными перешептываниями, а центральное место на скамье подсудимых все пустовало.

В задних рядах кто-то, видимо — заядлый театрал, громким шепотом начал просвещать соседей о том, что ежели господа большевики не хотят испортить эффект напряжения, созданный задержкой появления долгожданных действующих лиц, то надобно поторопиться с их доставкой.

Никто не обратил даже внимания на появление маленького человечка в нарукавниках, который подбежал к председателю и сунул ему какую-то бумажку. Однако именно этому моменту суждено было стать переломным в ходе заседания.

Секретарь суда призвал всех к порядку и после того, как в зале воцарилась тишина, председатель трибунала поднялся и немного удивленным голосом зачитал телефонограмму от имени начальника исправдома номер три, в которой сообщалось в частности, что сегодня ночью, с 10 на 11 ноября, из здания исправдома совершен дерзкий побег, в числе бежавших значились Пантелеев и Гавриков.

Действительно, случилось то, чего никто не ожидал, но на что все втайне рассчитывали. Пантелеев бежал. Никто еще не знал — как, но каждый

знал — что это было делом непростым. И пусть многие считали, что Пантелеев скоро обязательно будет пойман — все же герой не подвел их: он совершил то, что должен был совершить.

ГЛАВА 18

Ночь с 10 на 11 ноября.

Исправдом номер три

Ночь была темна и холодна. Все время хотелось курить и греться у «буржуйки». Васильев с тоской смотрел в глубь четвертой галереи и соображал, что же случится, если ненадолго покинуть свой пост. На душе было как-то беспокойно — в эту ночь все время происходило что-то непонятное и тревожное: все время почему-то гас свет и где-то хлопали двери. Васильев то и дело бегал по коридору и заглядывал в камеры, которые ему казались хоть сколько-нибудь подозрительными. Все было очень благопристойно на вид — все спали. В конце концов, когда его одолела одышка, он свалил все на свои расшатавшиеся нервы и спустился в дежурку, где так уютно было от гудения «буржуйки» и пахло высыхающими портянками. Тут уже сидел напарник и ссыпал в кисет мелкий темный табачок.

— Что, Васек, — спросил он с усмешкой. — Замерз?

— Да, как черт! — согласился Васильев, присел на корточки и протянул к огню заоченевшие руки.

— Ну-ну, — прибавил Кондратьев. — Пойду тогда, гляну, что там наши гаврики поделывают.

— Пойди-пойди, — охотно согласился Васильев, надеясь хотя бы полчаса побыть в тепле и уюте.

Спустя двадцать минут Кондратьев вернулся и как ни в чем не бывало уселся возле огня, закуривая трубку. Васильев, которого разморило уже от тепла, с неохотой потянулся и поднялся из-за стола.

— Эх, жизнь, — пробормотал он и глянул на часы. — И когда кончится эта ночка? Уже шлепнули бы всех этих ворюг — и дело с концом. Сиди вот тут, сторожи... Еще до рассвета пару часиков продержаться, а там...

Кондратьев молча усмехался и глядел на огонь. Васильев вышел в коридор и начал чертыхаться:

— Нет, ну это же надо! Опять свет вырубился! Пойти, что ли, разбудить Немтина — пусть посмотрит проводку, может, где коротит. Слышь! Сходи к электрику! — крикнул он напарнику.

Он стал подниматься по лестнице на четвертую галерею, а Кондратьев поспешил в камеру, где сидел заключенный, исполнявший обязанности электрика в исправдоме. Еще не добравшись до нужного этажа, Васильев понял: что-то неладно — на галерее раздавался какой-то шум, и в воздухе чувствовалось ощущение постороннего присутствия. В темноте вдруг раздался женский крик:

— Вон там — какая-то тень!

Васильев, волосы которого стали дыбом от

ужаса, повернулся и пальнул в воздух наугад, в невидимую тень. Ничего, кроме криков ужаса, он не услышал.

— А, черт! Да заткнитесь вы! — крикнул он в темноту надзирательницам третьего этажа.

Ругаясь на чем свет стоит, он рванулся вниз, в ту единственную сторону, куда могли бежать заключенные, но наткнулся на кого-то и чуть было не выстрелил, но тут же услышал знакомый голос напарника:

— Что? Где? Что произошло? — суетился тот, производя шума не меньше, чем взбесившаяся лошадь.

— Бежали! — вопил Васильев.

Кондратьев немедленно поскакал вниз, ориентируясь в темноте не хуже летучей мыши, Васильев же замер на месте, пытаясь услышать чьи-нибудь осторожные шаги. Ничего расслышать, впрочем, было невозможно. Вдруг включился свет — так же внезапно, как и погас. Васильев припустил на четвертую галерею. Увидев распахнутые двери, он сообразил, что все уже кончено.

* * *

В том, что в эту ночь свет вел себя таким невыносимым образом, был виноват не несчастный случай и не домовые. Во всем, что происходит, всегда замешана чья-то воля — злая она или добрая, безразлично. Главное — чтобы сильная и ловкая. На этот раз воля была коллективная.

Не успел Пантелеев, злой от бессилия, добрес-

ти до своей камеры и улечься ничком в койку с самыми мрачными мыслями, как по галерее пошел какой-то шорох или шепот, результатом которого явилось перестукивание в двух крайних камерах. После этого таинственная рука, просунувшись мучительно далеко сквозь раздаточное окошко, нажала на рычаг, и свет погас. Так повторялось несколько раз — до тех пор, пока надзиратель Кондратьев не прошел по галерее до самого конца и не засел в камере у Сашки Пана. После того, как он вышел из камеры, порядок в тюрьме сохранялся еще некоторое время — вплоть до того момента, когда Васильев вдруг решил пойти наконец погреться.

Вслед за этим Кондратьев еще разок прошелся по галерее и что-то проговорил в окошко последней камеры. После его посещения, а это было в три часа тридцать минут, свет в тюрьме погас в последний раз.

За пятнадцать минут до этого в камеру Пантелеева вошел Сашка Пан и потряс Леньку за плечо:

— Эй, Фартовый! Пора двигать, скоро петухи пропоют, — совершенно будничным голосом позвал он.

Ленька встал, будто и не ложился, и, кинув тревожный взгляд на мирно храпящего соседа, вышел из камеры вслед за Сашкой. Они крались по галерее, затаив дыхание, и дошли уже почти до лестницы, когда Пантелеев обернулся:

— А Гавря где?

Сашка вместо ответа исчез и вернулся уже с Гавриковым, который тяжело дышал. Все вместе

они подошли к перилам и глянули вниз, стараясь определить, сколько дежурных надзирателей сейчас на посту и какова вероятность налететь на кого-нибудь по дороге. Картина, представшая их глазам, была во всех смыслах очень мила: на третьей и второй галереях, положив свои русые, рыжие, белокурые головы на стол, сладко похрапывали дежурные надзирательницы, умаявшиеся приглядывать за своими подопечными.

— Эк храпят! — восхитился Гавриков, истерически посмеиваясь. — Вот бы я им сейчас...

Он сделал красноречивый жест, за что получил от Пантелеева легкую затрещину, и осекся. Сашка Пан, удовлетворенный увиденным, тихонько прокрался к выключателю и снова отрубил свет. В наступившей кромешной тьме все трое стали спускаться по винтовой лестнице. Поскольку она была каменной, особого шума они при этом не производили, только Гавриков один раз запнулся и чуть не полетел через голову, сталкивая товарищей. К счастью, ему в последний момент удалось зацепиться за какой-то прут и только слегка подтолкнуть Леньку, идущего впереди. Тот отреагировал легким шипением, хотя ему хотелось дать напугавшему его Гаврикову в лоб. Наказание было отложено на неопределенный срок.

Лестница воистину казалась бесконечной. Каждый, нащупывая ногой ступеньку, молился всем известным богам, чтобы, не дай бог, не оступиться и не натолкнуться в темноте на кого-нибудь из охраны. Под бешеный стук сердца они преодолели лестницу и выбрались в коридор. Сюда уже

падал свет с улицы, и можно было разглядеть, где находится дверь в комнату свиданий.

— Сюда, — прошептал Пан, начиная колдовать над замком.

Протиснувшись в комнату свиданий, все сразу же кинулись к противоположной стене.

— Вставай! — по-прежнему шепотом скомандовал Сашка, который в этом побеге был, очевидно, главным действующим лицом.

Ленька посмотрел на окно, что находилось под потолком, и, не говоря ни слова, оперся руками в стену и пошире расставил ноги. Явив собой таким образом воплощенную прочность, Ленька выжидательно посмотрел на Пана. Тот примерился и, ловко перебирая конечностями, взобрался и встал Леньке на плечи. Гавриков подошел поближе и уперся Леньке в плечо, страхуя его от падения — Пан при всей своей хрупкости был достаточно высок.

Сашка же, дотянувшись до слухового окошка, перво-наперво с силой рванул на себя доску, прикрывавшую его. Доска была приколочена крепко, и потребовалось большое усилие, чтобы вырвать длинные гвозди, глубоко загнанные в занозистые доски. На это усилие хватило Сашкиной отчаянной злости — доска отлетела, и живая пирамида пошатнулась, грозя рассыпаться, но все же устояла.

— Эх ты, тут еще и стекло, — прошептал сверху Пан, натянул пониже рукав и долбанул по стеклу локтем.

Окно жалостно зазвенело и просыпалось во внешний коридор, с которым комната свиданий

была смежной. Пан уцепился за края рамы руками и, шипя от боли в порезанных об осколки ладонях, полез через окно. После него полез Пантелеев, которого подсадил начинающий волноваться Гавриков. Самого же Гаврикова втащили внутрь, свесившись через окно.

— Туда, — кивнул головой Пан в конец коридора.

Все ринулись за ним к двери кухни. Пантелеев налетел на Сашку, когда тот, чертыхаясь, наклонился над внушительного вида замком, на который оказалась закрыта кухня. Пан стал ломать его руками, но уже с первых минут было ясно, что замок им поддаваться не собирается. Беглецы стали уже испытывать нетерпение, перерастающее в отчаянье, как вдруг в конце коридора раздались шаги.

Ленька резко обернулся на звук, приготовившись биться насмерть — если понадобится. На минуту повисла тревожная тишина, только слышалось хриплое дыхание застудившего бронхи Гаврикова. Наконец на том конце коридора, где остановился кто-то неизвестный, раздался осторожный кашель, а затем до боли знакомый голос позвал:

— Сань, а Сань, ты тут, что ли?

— Кто здесь? — натянутым голосом поинтересовался Пан.

— Эх ты, кто ж друзей-то в беде бросает? — облегченно раздалось с той стороны, и вскоре возле них возникла коренастая фигура.

— Тьфу ты, Миха, — обиженно просопел Пан,

продолжая теребить замок. — Напугал аж до икоты! Где застрял-то?

— Да я же за Пан-Валетом вернулся, ты ведь мне сам велел, — возбужденно начал рассказ о своих приключениях Мишка Корявый, освобождения которого так желал Сашка. — Я его вытащил, когда вы уже удрапали, и мы впотьмах стали пробираться. А тут спускаемся — нам навстречу эта жопа, Васильев, скачет. Ну, Пан-Валет у меня руку выдернул и бежать — обратно в камеру, дурище. А я бочком-бочком да и пробрался...

— Васильев? — тревожно переспросил Пантелеев. — Ребята, надо быстрее драпать! Дай мне.

Он вцепился в замок и стал тянуть за дужки что есть мочи. В это время одна только мысль была сильнее всего — он не перенесет еще одной неудачи, когда свобода так близко. Уж лучше смерть... Замок между тем и не думал поддаваться — что ему было до людской судьбы?

— Дай-ка посвечу, что ли, — засуетился Мишка, пытаясь хоть чем-то пособить в этом деле. — Может, половчее будет.

Он чиркнул спичкой, и минуты дрожащего света хватило, чтобы Сашка Пан разглядел в углу железный совок. Схватив его, Пан отстранил от двери Леньку, просунул совок в дужку и, закрихтев от натуги, все же одолел запор.

— Есть! — прошептал он, когда замок, жалобно звякнув, упал на каменный пол.

Арестанты, которых стало уже четверо, ринулись в кухню.

— Погодите, — вдруг затормозил Пантелеев. —

Дайте хоть воды напьюсь, в горле что-то пересохло...

Не успел ему кто-либо возразить, как Ленька уже кинулся к ведру, что стояло на лавке. Выдув с шумом и жадностью целый ковш воды, Ленька ринулся было догонять товарищей, но вдруг налетел на пустое корыто, висевшее на гвозде, сшиб его, ударился сам, поронял стоящие на полке крынки — в общем, наделал такого шума, что черти в аду переполошились.

Все дружно замерли и посмотрели в сторону двери. Ленька стоял, потирая ушибленный лоб и проклиная подлую судьбу и свою дурацкую неуклюжесть. Остальные попрощались с надеждой хоть когда-нибудь увидеть свободу — было бы совершенно невероятным предполагать, чтобы после такой какофонии побег не раскрылся. Однако в здании по-прежнему царила напряженная тишина.

Ленька первый вышел из оцепенения:

— Ну, что встали, как остолопы? — накинулся он на товарищей, совершенно не испытывая неловкости за содеянное. — Пошли уже!

Все снова пришли в движение. Сашка Пан метнулся к тусклому оконцу, которое вело на улицу, открыл его и полез наружу. В это время стало слышно, как открывается дверь главного поста.

— Быстрее! — запаниковал Ленька. — Быстрее, нас запалили!

Все поспешно, толкая друг друга и матерясь шепотом на чем свет стоит, полезли вслед за Сашкой в окно. Выпрыгнув, все оказались во дворе. Сашка указал куда-то рукой, присел и приложил палец к губам. Все глянули в ту сторону, куда ука-

зывал его палец. Там находилась пекарня, в окне которой, несмотря на столь ранний час — а может, и благодаря ему — горел свет и пухлощечные присыпанные белым люди сновали туда-сюда, обнимая руками огромные корзины и противни. Судя по их задумчивым лицам, пекари отважную четверку не заметили.

Стараясь пригнуться к земле как можно ближе, все молча короткими перебежками двинулись к деревянному сараю. Сашка Пан утверждал, что одна его стена выходит на улицу, хотя в этом сомневались все до последнего момента. Когда же беглецы влезли на высокую застеленную соломой крышу, подсаживая и всячески помогая друг другу — сперва Мишка, потом Ленька, потом Дима и Сашка Пан, — все увидели, что Сашка был прав: по ту сторону сарая, всего в каких-то трех метрах под их ногами виднелась выложенная булыжником мостовая.

— Земля! — пропел Гавриков, отрываясь от края крыши и взмахивая руками, словно птица.

ГЛАВА 19

«ПЕТРОГУБРЕВТРИБУНАЛ,

4195 Врид.

Начальника Петродомзака

М.К. АРНАКОВА

РАПОРТ

Доношу, что в ночь с 10-го на 11-ое Ноября с.г. из вверенного мне Дома бежали подследственные лишённые свободы Пантелеев Леонид Иванович,

Гавриков Дмитрий Яковлевич, Лисенков Михаил Иванович и Рейнтоп Александр Андреевич, числящиеся за Петрогубревтрибуналом. О производстве расследования командировать следователя.

11-го Ноября 1922 года.

**НАЧАЛЬНИКУ МИЛИЦИИ
ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА 36 УЧАСТКА**

Прошу о розыске и задержании бежавших в ночь с 10-го на 11-ое Ноября с.г. заключенных: Пантелеева Леонида, происходящего из гр. города Петрограда, прожив. по Сытнинской ул. д. 7 кв. 32, Гаврикова Дмитрия, происходящего из гр. Подольской г. Летического уезда дер. Буяны, прожив. по Олонецкой ул. 7 кв. 32, Рейнтоп Александра, происходящего из гр. города Варшавы, прожив. по Фонтанке 77 кв. 45, Лисенкова Михаила, происходящего из гр. Ярославской г. и уезда Крас...ской волости дер. Лобситово, прожив. по Фонтанке 77 кв. 45.

*Врид. Начальника
Петродомзака КРЫЛОВ
С подлинным: верно. Делопроизводитель
Петродомзака (подпись)».*

* * *

Савелий Кондратьев мерил коридор четвертой галереи широкими шагами, засунув руки в карманы галифе и сердито пыхтя папиросой. Его двоюродный брат Иван стоял поодаль, насупясь и подпирая стену спиной. Молчание было долгим и напряженным, даже возбужденные ночным про-

исшествием заключенные соседних камер насто-
роженно притихли. Камеры, из которых бежала
отчаянная четверка, были распахнуты настежь,
вещи из них были вытащены и валялись по всему
коридору. Заключенных, которые оставались в этих
камерах, перевели на вторую галерею. Савелий в
который раз спотыкался о выпотрошенный мат-
рас и в который раз чертыхался и отпихивал его
ботинком.

— Это что же получается? — снова начал он. —
Это получается, что в нашей семье гидра посели-
лась преступная?

Он зыркнул на Ивана, который по-прежнему
мрачно молчал.

— Значит, я с товарищами из угро сбиваюсь
с ног, суюсь под пули, чтобы изловить эту гадину,
и кто? — собственный брат мне потом такую сви-
нью подкидывает!

Он остановился напротив Ивана и стал, скри-
вившись, разглядывать его в упор, всем видом
своим свидетельствуя о том, как ему противно
считать этого человека своим братом.

— Ничего не знаю, — упрямо гудел в который
раз Иван. — Вышел в каптерку погреться, выхо-
жу — бац! — а света нет...

— Ты мне горбатого здесь не лепи! — заорал
Савелий, приподнимаясь на носках, чтобы слова
его летели брату прямо в лицо. — Это я уже слы-
шал сто раз. Бац! «Бац» бывает знаешь что? Бац
бывает пуля в лоб предателям советского народа!!!

В критический момент его голос всегда сры-
вался на фальцет, и это бесило его еще больше.

— Ну-ка Расскажи мне, как твои заключенные

смогли выбраться из камер? Как они прошли сквозь решетку на галерее? А? — дергал он Ивана за рукав.

— А я почему знаю? — бурчал тот. — Сломали замки да и проникли.

— Сломали! Ты, гнида, мне не заливай — сломали! Где — слышь, ты? — где следы повреждений? А нету следов повреждений А что это означает? Одно из двух! Или вы со своим напарничком здесь совсем мышей не ловили и нарушали устав, оставляя двери незапертыми, или же вы это нарочно подстроили!

Иван тяжело вздохнул и опустил голову, упрямо сжав губы. Весь этот концерт продолжался бы и дальше на радость заключенным, которые из всего этого сделали вывод, что побег состоялся и увенчался успехом, но в этот момент на галерею поднялся боец и, вытаращив глаза, выпалил:

— Разрешите обратиться, товарищ Кондратьев!

— Разрешаю, — вполне человеческим голосом отозвался Савелий, отходя от брата.

— По вашему приказанию исследован путь побега. Установлено, что побег совершался через комнату свиданий, окно в которой разбито. Дальнейший осмотр показал, что замок кухни сломан. На месте преступления найден железный совок, который, видимо, служил рычагом. Кроме того, открыта дверь в комнату свиданий. Открыты двери камеры, выходящей на пост и сообщавшейся с комнатой свиданий. В коридоре, прилегающем к комнате свиданий, оторвана доска, прикрывавшая небольшое окошко, ведущее в коридор при

кухне. Висячий замок на кухонной двери сбит. Кухонное окно, ведущее во двор, открыто. В комнате свиданий обнаружен кусок железной трубы. Такой же кусок нашли у лестницы на второй галерее. Дальнейших следов бегства не обнаружено, собака след не взяла — снег выпал, товарищ следователь.

Боец замолчал, ожидая дальнейших приказаний. Савелий выслушал его с мрачным вниманием, потом обернулся и с ненавистью посмотрел на брата.

— Можете идти, — сказал он бойцу и, повернувшись кругом, добавил, обращаясь к брату: — Мразь.

Потом, постояв минуту и о чем-то подумав, он решительно подошел к Ивану, рубанул его ребром ладони по горлу и, пока тот корчился, вызвал конвой.

— Заберите его и отвезите ко мне в отделение. Держать до моего приезда в отдельной камере. Есть не давать.

Отдав эти распоряжения и подождав, пока конвой с его братом скроется из вида, Савелий еще раз пнул валявшийся под ногами соломенный тюфяк и грязно выругался.

* * *

Да, было отчего разозлиться. Долгие месяцы упорной работы самого Савелия, а также всех агентов уголовного розыска, комиссии трибунала и прочих органов охраны правопорядка были пу-

щены буквально псу под хвост. Все нити, собранные в аккуратный пучок, были перерублены в критическом месте. Савелий Кондратьев ругал всех и себя в том числе за отсутствие бдительности и дальновидности.

Совершенно естественно, что, увидев наконец так долго разыскиваемого матерого волчищу в клетке, смиренного и покорного, со связанными лапами, трудно было удержать себя в состоянии благородной ярости и крайнего напряжения, в котором находились все, кто занимался этим делом все это время. Сдав Пантелеева под охрану усиленного конвоя, закрыв за ним тяжелые, обитые железом двери, все облегченно вздохнули. В ночь после первого заседания трибунала Савелий Кондратьев, наверное, впервые после того, как услышал это проклятое имя, уснул спокойно и мог бы поклясться, что слаще сна, чем расстрел Пантелеева, он не увидел бы никогда в жизни.

Теперь же все нужно было начинать с нуля. Все те люди, которых долго ловили, допрашивали и кормили за казенный счет, теперь не могли ни-коим образом помочь в поимке Леньки Пантелеева. Отзвонившись о результатах осмотра места происшествия в трибунал, Кондратьев получил приглашение посетить заседание.

— Какое заседание? Пантелеев же бежал? — ошарашенно поинтересовался Савелий, сквозь треск и шелест в телефонной трубке.

— Ну, Пантелеев бежал, зато его сообщники остались. Что ж людей мариновать без пригово-

ра? — донесся искаженный металлический голос заместителя председателя комиссии трибунала.

Савелий собрался с силами и поехал. Он застал заседание в полном разгаре. Любитель театра, если бы он здесь присутствовал, конечно же, отметил бы, что это действо имело успех едва ли не в половину меньший, чем заседание предыдущего дня. Зал был практически пуст, и наполняли его на этот раз в основном свидетели и пострадавшие от действий шайки Пантелеева — различные меховщики, юристы, адвокаты и золотых дел мастера, с семьями и друзьями. Весь остальной любопытствующий люд свалил с заседания чуть ли не сразу после того, как стал известен факт побега Пантелеева.

Однако посмотреть было на что и в этот раз. Найдись в зале хоть один психолог и знаток человеческих душ, ему была бы интересна такая палитра человеческой подлости. Был бы здесь Пантелеев, все это заставило бы его окончательно потерять веру в людей.

Все те, кто оказался на скамье подсудимых и потерял вдруг ощущение грозного присутствия своего непобедимого главаря, настолько резко изменили свое поведение, что можно было только дивиться, насколько разносторонними натурами они являются. Это было похоже на рассыпавшиеся в разные стороны бусины, из которых вдруг выдернули нитку.

Все вдруг перестали ощущать себя частями единого целого и совершенно забыли, чью жизнь

и безопасность они прежде ценили больше, чем свою. Когда за их спиной не стало этой стены, каждый вспомнил о себе, родном, и кинулся спасать свою шкуру.

Ни один из обвиняемых не был достаточно оригинален, каждый валил вину на соседа по скамье подсудимых, а тот, в свою очередь, валил все на Леньку. Суду за день пришлось столько раз выслушать душещипательную историю несчастной заблудшей овцы, попавшей под дурное влияние Пантелеева, что можно было в действительности поверить в какие-то сверхъестественные способности великого бандита.

Даже Абрам Вольман, которому никогда нельзя было отказать в какой-то доле воображения, пустился в пространное повествование о том, как они с Ленькой сидели еще на заре туманной юности в одной камере, и уже тогда он, Вольман, знал, что Пантелеев собой представляет. Вольман бил себя кулаком в грудь и плакал, уверяя, что он все, все расскажет суду. И ежели он этого раньше не сделал, то только потому, что этот чудовищный Пантелеев навещал его в исправдоме чуть ли не ежедневно, избивал, угрожал и обещал за все с ним расплатиться сполна.

Что уж говорить о персонажах попроще. Ленькин сосед по комнате, Варшулевич, который помогал Леньке сбывать краденое, клялся и божился, что Пантелеев чуть ли не под револьвером заставлял его действовать нечестным образом.

На это заявление Лида Дуговейко, чей арест

воочию увидела Лудэ, заявила, что Варшулевич все врёт и сам тот еще гусь. А вот она, Дуговейко, ни в чем таком не виновата, а на все квартиры наводила бандитов ее подружка Лидка Лудэ, которая была Ленькиной любовницей. А ежели кто не верит, пусть сам у нее и спросит.

К сожалению, Лудэ не была на том заседании суда и не могла плюнуть подруге в ее честные глаза — ее до сих пор разыскивали и все не могли поймать.

По той же схеме действовали и все остальные подсудимые, которые обвинялись в укрывательстве налетчиков, соучастии в ограблениях, сбыте краденого и тому подобных делах. Все они поведали суду о том, какое невероятное аморальное влияние на них оказывал Пантелеев, делая из них, «честных и порядочных людей», своих сообщников.

Трибунал принял к сведению все рассказы, стараясь концентрировать свое внимание исключительно на фактической части повествования, восстанавливая целостность картины жизни и деятельности героя Питера времен новой экономической политики.

Всем, кто проходил по этому делу, дали какой-то срок заключения со строгой изоляцией, кому-то концлагерь, кому-то расстрел. Всего же по делу Пантелеева было расстреляно одиннадцать человек, в том числе три женщины, а пятнадцать человек, в том числе восемь женщин, — заключены в концлагерь на срок от одного до трех лет.

ГЛАВА 20

Воздух свободы больно резал легкие, которые уже отвыкли от такой роскоши. К тому же ночь побега была темна и холодна. Спрыгнув на мостовую за стену тюрьмы, все четверо радостно переглянулись и, не сумев найти достойных случаю слов, просто крепко жали друг другу руки и радостно, по-детски улыбались. Тут Ленька, будто только осознавший, что происходит, сказал срывающимся голосом:

— Что ж мы тут застряли? Бежим скорее!

Все перестали улыбаться и припустились бегом по темной улице по направлению к набережной Невы. Ленька бежал впереди, воровато оглядываясь, за ним топали рысью Гавриков и Сашка Пан. Прихрамывающий после неловкого приземления в сугроб, Мишка Корявый замыкал шествие.

Сашка Пан, не теряя времени, отдавал Гаврикову последние наставления:

— Короче, так, Гавря. То, что мы сейчас с тобой землю-матушку топчем, это не только мне спасибо, а доброму дяде Ване Кондратьеву. Скажи Лене, что он должен два миллиарда притаранить. С человека, — Сашка начинал задыхаться и отплевываться — взятый темп был для него слишком быстр. — Башли он будет ждать у Американского моста, что у Обводного канала, через неделю, в восемь вечера. Если не получится через неделю — то каждую среду на том же месте в это же время... Уффф...

Сашка фыркнул, как загнанная лошадь, оста-

новился, согнулся пополам. Все остановились, кроме Леньки, который мчался дальше, не выказывая признаков утомления.

— Во дает! — просипел Сашка, разогнулся и крикнул: — Эй, Леня!

Пантелеев замер на бегу и повернулся.

— Расходиться пора, — махнул ему Пан. — Теперь мы с Михой пойдем к Марсовому полю, а вы — куда хотите. Будет маза — встретимся.

Он снова пожал товарищам руки, схватил Мишку Корявого, который от бега потерял дар речи, и они скрылись. Ленька сплюнул, тяжело дыша, и огляделся.

— Ага, церковь Спасителя, — махнул Пантелеев рукой на темную громаду, возвышавшуюся на другой стороне улицы.

Он немного подумал и потянул Гаврикова к Николаевскому мосту:

— Пошли быстро, я нам с тобой убежище сочинил. Не фонтан, конечно, но на первое время пойдет.

— Лень, а может, сразу — через пролив и к финнам? — осторожно предложил Гавриков.

— Ты что, Митя, — пыхтя, как паровоз, на ходу отозвался Пантелеев. — Человек ради нас рисковал, нам, понимаешь, свободу подарил, а мы его киданем? Это ты брось, это не по-нашему. Сперва товарищу его миллиарды отвалим, а потом уж и сами подадимся отседова подобру-поздорову.

— Лень, ты чего, — ныл Гавриков. — Нас же ищут, Лень. Надо драпать, пока все не опомнились, а то потом поздно будет.

— Не дрейфь, Гавря! Вот провернем пару делишек скоренько и тогда уж можно на покой...

— Так сожрут же нас, Ленечка, — причитал Гавриков. — С потрохами сожрут!

— Подавятся, — отозвался Пантелеев и снова сплюнул.

* * *

Давиться, конечно, никто не собирался. В первую очередь — руководству уголовного розыска, которому совершенно наплевать было на то, что люди измотаны, их катастрофически не хватает, как не хватает и времени на то, чтобы заниматься всеми остальными делами, которых тоже было немало. Немедленно после того, как стало известно о побеге, были приняты все необходимые меры к розыску и задержанию преступников. Все вокзалы и днем и ночью охранялись, все агенты уголовного розыска были сняты с других дел и брошены на розыски хотя бы каких-то следов Пантелеева и его сообщника. Люди, которые не сталкивались раньше с этим делом, считали, что у Пантелеева нет никаких шансов и его не сегодня-завтра водворят на место, за надежные двери и запоры.

И только один человек во всем городе знал, что упустить Пантелеева было непростительной ошибкой, исправить которую стоило огромного труда. Савелий Кондратьев уже зарекомендовал себя перед руководством, как единственный человек, способный скоординировать намечавшуюся операцию и дать ей верное направление. Он еще

раз проанализировал составленную им карту «ареала обитания» и понял, что на ней остались еще не охваченные его вниманием участки, которые можно было признать вполне пригодными для укрытия целой банды. Именно на эти районы города был сделан упор в плане патрулирования, слежки и прочесывания.

Кроме этого, Савелий несколько раз наведася к своему проштрафившемуся братцу и допросил его. Иван тяжело переживал заключение, он никогда не был ни особенно отважным, ни особенно стойким к лишениям и мучениям и потому выложил все, что знал. К огорчению Савелия, знал Иван немного. Всего только и было рассказано о замысле побега, о котором и так все уже было известно следствию, а также о своей причастности к этому делу. На все вопросы о том, куда, по его мнению, могли скрыться преступники, Иван не мог ответить ничего вразумительного. Савелий на это и не надеялся, поскольку вряд ли кто-нибудь из уголовников стал бы посвящать в свои планы легавого, каким бы лояльным он на первый взгляд ни казался. Зато Иван, стараясь обелить себя перед братом, с охотой поведал ему о назначенном преступниками свидании для передачи вознаграждения.

— Сколько затребовал-то, шкура? — сузив глаза, поинтересовался Савелий.

— Восемь миллиардов, — чуть слышно отозвался Иван.

— Смотри-ка, однако, не продешевил, — с ненавистью сказал Савелий. — Когда, говоришь,

встреча? Надобно тебе туда наведаться — не пропадать же деньгам.

После встречи с братом Кондратьев записал себе в актив еще один пункт: «Американский мост, среда, восемь вечера».

* * *

Свобода, как выяснилось, не могла быть самоцелью. Воля волей, а выйти за пределы трехсаженного забора исправдома — это одно. Куда идти дальше — вот в чем была проблема. Пройдя лишь несколько метров и вполне очистив легкие от спертого воздуха своей камеры, Пантелеев уже лихорадочно соображал, что ему делать дальше. Теперь его физиономия была совершенно засвечена, а голова ценилась на несколько порядков выше. Невозможно было допустить, что агенты сыска могут так просто забыть нанесенное им оскорбление и смириться с тем, что пойманный было преступник опять оказался в своей стихии, целый и невредимый. Ленька знал, что его будут ловить, притом ловить неустанно. Ему было мало известно о проблемах, с которыми сталкивалось следствие. Но он твердо знал, что проблемы эти разрешатся рано или поздно и тогда пощады не жди. Поэтому вопрос убежища стоял перед ним сейчас более чем остро.

Пройдя Литейный мост, Пантелеев замедлил шаги. Гавриков, испытывавший до того момента телячью радость, тоже притормозил, с тревогой заглядывая в лицо главаря. Ленька совсем остано-

вился и осмотрелся кругом. Начинало светать, и это его больше всего сейчас беспокоило. Было ясно, что в исправдоме их побег наверняка обнаружен и по следу уже бросилась охрана, которая теперь без всяких проблем заметит бегущие по улице фигуры.

— Сюда, — наконец решился Ленька, подталкивая Гаврикова в какой-то малозаметный проулок.

В двадцати метрах от поворота начинался косой деревянный забор, конец которого упирался в глухую стену здания из тесаного камня. Ленька подошел вплотную к забору, подпрыгнул и с легкостью перемахнул на другую сторону. Гавриков, кряхтя, последовал его примеру. За забором оказался заваленный строительным мусором пустырь, в глубине которого виднелось какое-то полуразрушенное здание. Перелезая через кучи трухлявых досок, скрипя разбитым стеклом и то и дело спотыкаясь, друзья добрались до полуразрушенного трехэтажного здания, которое, вероятно, было когда-то жилым.

По чудом сохранившейся лестнице они забрались подальше в глубь дома, нашли не очень разрушенную квартиру и решили переждать там, пока все более или менее не уляжется.

Стоял лютый мороз, и сидеть в комнате, в которой заунывно воет холодный ветер, было более чем невыносимо. Печи были негодными, а разводить костер опасно — можно привлечь внимание обитателей соседних домов. Гавриков оторвал где-

то трухлявую драную портьеру и, замотавшись в нее на манер римского трибуна, прилег в угол подремать. Пантелеев же ходил из угла в угол и пытался раскурить заначенный чинарик, то и дело начиная напевать какую-нибудь бодрую песенку. Однако ничего бодрого у него не выходило, и он присел рядом с Гавриковым, прося у судьбы только одного — дожить до заката.

Когда стемнело, Ленька, весь день находившийся в каком-то полулетаргическом состоянии, пошевелился, поднялся и посмотрел на Гаврикова. Он опасался, что друг не пережил этот страшный день. Увидев, что Гавриков тихонько сопит во сне, Пантелеев немедленно стал трясти его за плечо и звать по имени. Дмитрий с трудом разлепил глаза и посиневшими губами спросил:

— Леня, а где бы нам с тобой достать водки?

— Ничего, брат, погоди. Будет тебе и водка, и закуска. Только двигать надо, а там поглядим. Встать можешь?

Гавриков попытался пошевелиться, и по его лицу можно было понять, что это ему дается с большим трудом. Ленька, шипя и морщась, поднялся на свои негнущиеся ноги и протянул другу руку. Дмитрий выпутался из складок своей «тоги» и подал Леньке онемевшую ладонь. Для того, чтобы восстановить кровообращение, они немного походили по комнате, затем поборолись, и когда их щеки зарозовели, Ленька глянул в окно и сказал:

— Пошли, уже пора.

Они проделали обратный путь с еще большей осторожностью, однако, преодолев забор, не стали выходить на улицу, а пошли по проулку до тех пор, пока не уперлись в тупик. Тогда Ленька полез по водосточной трубе на крышу. Гавриков стоял внизу и, запрокинув голову, с ужасом наблюдал за тем, как из-под сапог товарища сыплется штукатурка. Ленька добрался до крыши с легкостью и без приключений. Свесившись оттуда, он велел Гаврикову забираться тоже. Как ни страшно было Гавре доверить свою жизнь ржавой шатающейся трубе, однако выбора не было — он полез. Путь показался ему более чем длинным, но он таки был преодолен.

Вытащив Гаврикова на крышу, Пантелеев сказал:

— Теперь пошли. Только осторожнее, — повернулся и зашагал, удерживая равновесие на покато́й крыше.

Они использовали старый, испытанный способ всех грабителей: пока их ищут на улицах, они спокойно перемещаются по крышам, поглядывая вниз, на снующих туда-сюда сыщиков и чувствуя себя в относительной безопасности.

Безопасность была относительна в силу того, что прогулка по крышам в корне отличалась от прогулки по набережной Невы. То и дело приходилось напрягаться, чтобы не скатиться по скользкому краю, карабкаться через трубы, прыгать с крыши на крышу, рискуя свалиться и сломать себе шею. И все-таки это было гораздо лучше, чем идти,

натыкаясь на каждом шагу на патруль, которому велено патронов не жалеть...

Таким образом подельщики выбрались из центра города и достигли его окраин.

— Здесь слазим, — сказал Пантелеев, указывая на разбитое слуховое окно.

Никого не встретив, они спустились по крутой полутемной лестнице на улицу, которая, как обычно в этот час, была пустынна.

— Нам туда, — махнул Ленька в сторону видневшейся громады вокзала.

Протопав по задам, минуя железнодорожные линии и грозя кулаками локомотивам, которые так и норовили переехать зазевавшихся пешеходов, Пантелеев и Гавриков достигли здания вокзала. Ленька обошел его со всех сторон и заметил для себя, где виднелись неосвещенные окна. Пройдясь потом по залу ожидания, стараясь не привлекать к себе внимания и смешаться с толпой, Пантелеев выяснил расположение служебных помещений и снова потащил Гаврикова на улицу.

— Это должно быть где-то здесь, — задумчиво бормотал Ленька, оглядывая все двери, которые попадались ему на пути.

Наконец он выбрал по каким-то одному ему известным признакам деревянную дверь, которая была заколочена двумя досками.

— Это ничего, — пообещал двери Ленька, потирая руки и примериваясь.

Он схватился за одну из досок и стал ее тянуть на себя. Гавриков тут же уцепился за другой конец.

Так, общими усилиями, они одолели обе доски и открыли дверь. Прежде чем войти внутрь, Ленька аккуратно сложил доски возле стенки, будто они там всю жизнь и лежали, а потом рукой набросал снег, скрывая натоптанные ими следы.

— Теперь — милости просим, — сказал он Гаврикову и углубился в темноту помещения.

Пробираясь лабиринтами коридоров, они натолкнулись на какого-то заспанного пожилого служащего, который, уперев руки в боки, грозно спросил, куда это они идут.

Ленька, не растерявшись, соорудил мину деревенского дурачка и пробормотал, запинаясь:

— Так мы, это... Грузчиков треба, я чаю. Вот мы и это...

— А, на работу наниматься? — проснулся наконец служащий. — Дело нужное. Вон туда по коридору идите, там дежурный. Сейчас грузовой придет с хлебом, он покажет куда.

Отдав распоряжения, служащий повернулся и побрел прочь. Друзья, выждав какое-то время, снова отправились в нужную им сторону и вскоре оказались в крохотной комнатке с закрытым полукруглым окошком. В комнате, кроме сейфа и стула, ничего не было. Судя по тому, что дверца сейфа была распахнута, в нем ничего интересного не было. В углу стояла «буржуйка», от которой еще исходило тепло.

— Здесь переночуем, — сообщил Пантелеев. — А завтра поглядим.

В течение нескольких дней друзья прятались на вокзале — в месте, которое для них было самым опасным. Сидеть под самым носом у сыщиков было дерзкой идеей Пантелеева. Он знал, что, несмотря на то что вокзал охраняется и здесь то и дело производится проверка паспортов, на самом деле уголовному розыску и в голову не может прийти, что умница Пантелеев посмеет сюда сунуться. Именно на это делал ставку Ленька, ночуя с товарищем в военных кассах вокзала, где каждый день было столько новых лиц, что среди них было очень просто затеряться. Спали они по очереди, и всякий раз, когда в зале происходила проверка документов, им хватало времени, чтобы скрыться где-то в депо.

Все это время друзья жили, как бродяги. Они не мылись, не брились, не раздевались, все время мерзли и недоедали. Иногда им перепадало что-то от проезжих вояк за пару разухабистых песен или удачных анекдотов, но для молодого организма этого, конечно, было мало. Воровать ни один из них не осмелился, а когда Гавриков попытался намекнуть Леньке, что неплохо бы поживиться у спящих пассажиров чем-нибудь съедобным, Пантелеев строго выговорил ему:

— Не балуй, где живешь.

По прошествии чуть более недели Пантелеев утром спросонья посмотрел на Гаврикова и понял, что если все это будет продолжаться еще какое-то время, то их поймают определенно. Ввиду бесприютной жизни они стали выделяться своим за-

пущенным видом даже на фоне всего того сброда, которого здесь было навалом. Решив, что это становится уже опасным, Пантелеев немедленно растолкал Гаврикова и дал ему следующие инструкции:

— Так, друг мой забубенный, я сейчас отлучусь по одному важному делу. Ты же выждешь здесь два часа, а потом проулками добираться до Обуховской толкучки и жди меня там у рюмочной. Только не опаздывай, понял?

Ничего не соображающий спросонья Гавриков едва успел осмыслить сказанное, а Леньки уж и след простыл.

— Ну дела, — пробормотал себе под нос Митяй и снова уснул.

Проснулся он от того, что об его ногу кто-то неуклюже споткнулся. Гавриков подскочил было, чтобы потребовать у обидчика ответа, но взгляд его упал на висевшие на стене часы, и Дмитрий понял, что опаздывает. Выйдя, по обыкновению, с черного хода вокзала, Гавриков во все лопатки помчался к Обуховскому рынку. Влетев в толпу, он стал протискиваться к мрачного вида рюмочной, притулившейся в углу между стеной церквушки и забором какой-то артели.

Возле рюмочной Леньки не было. Гавриков покрутил по сторонам головой, вытягивая изо всех сил свою грязную шею, и нырнул в низкую дверь шинка. Внутри было до такой степени душно, угарно и накурено, что тотчас же хотелось выбежать на улицу и нырнуть головой в снег. Однако присутствующая здесь публика ничего такого не

замечала и даже очень весело себя чувствовала. Только вот разглядеть в такой тесноте да при этом освещении было совершенно ничего невозможно. Дмитрий терпеливо прохаживался по длинному помещению, протискиваясь между столами и поглядывая по сторонам. Его поиски ни к чему не привели, и тогда у него возникла идея. Он подошел к тосковавшему за стойкой толстому кабатчику и прошептал ему что-то на ухо. Глаза того сразу же приобрели осмысленность. Он втянул голову в плечи и позвал мальчишку в белом, до пола, переднике.

— Ерошка, проводи.

Паренек поклонился Гаврикову и повел его через запасной ход по скрипучей лестнице, в которой отсутствовала половина ступенек, на второй этаж. Пройдя по галерее, они попали в коридор, в котором, насколько знал Гавриков, находятся так называемые «номера» — тесные клетушки, оборудованные столами, которые были предназначены для клиентов, желавших насладиться уединенностью.

К двери одной из таких комнат и привел Дмитрия мальчик, после чего сам исчез в мгновение ока. Дмитрий настойчиво постучал способом, известным, кроме него, только одному человеку.

— Да! — отозвался из-за двери голос этого самого человека. — Проходи, свободно!

Гавриков толкнул дверь и вошел в комнату. В ней, кроме Пантелеева, был еще один человек, чья личность Гаврикову была более чем знакома.

— Здорово, Сеня, — буркнул Гавриков, проходя к столу и присаживаясь.

— Здорово, коли не шутишь, — неохотно отозвался Арсений Плотников — тот самый матерый маклак, с которым когда-то работал Белов.

На столе, помимо початых бутылок и неаппетитного вида закусок, лежала кучка ассигнаций и несколько камешков. Маклак взял один из них и стал пристально рассматривать на свет в лупу и что-то бормотать про себя. Гавриков с удивлением посмотрел на этот красноречивый натюрморт, а потом — на Леньку. Ленька, судя по лихорадочному блеску в глазах, был уже порядком пьян. Пантелеев поймал взгляд своего друга, ухмыльнулся и сказал:

— Что, Гавря, продрых свое счастье?

— Это что, Лень? Ты когда уже на дело успел?.. — вместо ответа спросил Дмитрий.

Пантелеев загоготал и ткнул локтем в бок сидящего рядом Арсения. Тот вздрогнул от неожиданности, камешек вывалился из его пальцев и покатился куда-то под стол. Ленька и Арсений немедленно брякнулись на колени и стали ползать по полу, лихорадочно шаря руками. То и дело слышались матюги Пантелеева и натужное сопение маклака. Гавриков наблюдал эту пантомиму с любопытством и недоумением. Наконец красный и радостный Ленька вылез из-под стола, торжественно держа в двух пальцах блестящий предмет.

— Вот он, гаденыш, — отдуваясь, проговорил Ленька и стал помогать выбраться из-под стола Арсению, который был уже в годах.

Вновь заняв свои места, эти двое продолжили свой торг, почти не обращая внимания на ново-прибывшего. Они говорили друг с другом, словно хороводы водили, пытаясь зайти к собеседнику в тыл и застать его врасплох. Разговор шел преимущественно о деньгах, эквивалентных лежащим на столе драгоценностям. Каждый из присутствующих, как оказывалось, имел на этот счет свое собственное мнение, которое на порядок расходилось с мнением собеседника, и каждый мягко, но настойчиво пытался убедить другого, что его расчет — более правильный. Гавриков во время этого недоступного его уму разговора пил, закусывал и совал, скучая, палец в прореху на скатерти.

Любопытно было то, что этот разговор каким-то образом отражал общую тенденцию в государственной политике — отдать экономику на откуп частным лицам и подчинить формирование экономики только экономическим закономерностям. В данном случае речь шла как раз об объективных и субъективных причинах, которые формировали спрос. Очень интересно было бы профессиональному экономисту посмотреть на то, как два человека, совершенно экономически неграмотных, умело управлялись с вопросами конъюнктуры рынка. Цена формировалась в зависимости от таких реальнейших и важнейших в жизни этих людей факторов, как уровень цен вообще, статус вещи как украденной и, что немаловажно, бедственное и неустойчивое положение продавца как человека, разыскиваемого властями и находящегося далеко не в пике своего могущества.

Вследствие этих факторов Ленька постепенно терял всяческую надежду на то, что он сможет выбить из Плотникова ту сумму, на которую так рассчитывал. В конце концов, цена товара достигла того предела, после которого одна из сторон будет чувствовать себя обманутой, поколебалась возле этой критической отметки и стала клониться опять же в сторону маклака. Уловив эту тенденцию, Ленька мигом хлопнул ладонью по столу:

— Ну ладно. Будь по-твоему.

Лицо Арсения осветилось самодовольной улыбкой. Он отсчитал предложенную им за отличные двухкаратные бриллианты сумму, после чего сказал несколько общих фраз по поводу того, что всегда будет рад, и немедленно ретировался.

Если бы Пантелеев обладал хотя бы минимальными знаниями закономерностей, связывающих все события реальной жизни в одну цепь, ему было бы здесь над чем подумать. Начало конца обозначалось в данном случае цепным процессом: пошатнувшееся положение уменьшило материальную базу, уменьшение материальной базы вело к уменьшению эффективности деятельности, уменьшение эффективности деятельности вело к уменьшению прибыли. Короче говоря, нет авторитета — нет тебе денег за наворованное, нет денег за наворованное — нет ни хазы, ни наводчиков, ни шпалера, нет шпалера — нет дела, нет дела, нет наворованного — и так до тех пор, пока и тебя не станет. Ведь «верные люди» любят тебя отнюдь не за красивые глаза...

Между тем совершенно уже хмельной Ленька сгреб деньги в кучу и стал, слюнявя палец, пересчитывать их, недовольно ворча. Закончив, он налил себе и Гаврикову еще по стакану и, выпив, сказал:

— Что, Гаврюха, жизнь поломатая у нас с тобой?

Гавриков пожал плечами — он не знал, о чем идет речь.

— Ты где камушков-то надыбал? — спросил, в свою очередь, он.

— Да неважно, — отмахнулся Ленька. Потом подумал и все-таки ответил: — Из заныканного после левинского дельца. Не хватит нам с этим козлом Ванькой Кондратьевым расквитаться.

Ленька бросил пачку на стол. Деньги разлетелись, покрыв все пространство стола, не занятое бутылками.

— И что делать будем? — из чистой вежливости спросил Гавриков, зная уже, что решение давно принято — ему останется только его исполнять.

Ленька, не отвечая, взялся за шапку, допил остатки прямо из бутылки и стал выбираться из комнаты. Гавриков, вздыхая и косясь на оставшуюся закуску, пошел следом. Спустились по лестнице, расплатились с хозяином из полученных только что денег и вышли на свежий воздух. Ленька, все так же молча, стал пробираться между рядами торговцев, которые в своих многочисленных одежках были похожи на кочаны, оглядываясь и стреляя глазами по сторонам. В конце концов он заметил что-то, схватил Гаврикова за рукав и с силой рванул его за собой в толпу.

Они прошли таким макаром метров пять и уткнулись в широкую спину какого-то торговца. Вильнув в сторону, друзья остановились так же внезапно, как и пошли.

— Здорово, Чек, — обратился Ленька к молодому человеку с бегающими воспаленными глазами и весьма дурно одетому.

— Здорово, Леня. Тебя же, говорят, грохнули — или нет? — еще выше подняв свои плечи и выпуская облачко пара, бесцветным голосом отозвался тот, кого называли Чеком.

— Типун тебе на язык и чирей в задницу, — проворчал Ленька, внимательно осматривая парня. — Мы еще посмотрим, кто кого грохнет. У тебя есть что-нибудь?

Парень поежился и позвал Пантелеева за собой. Отойдя за угол, они пошептались, после чего произошел едва заметный постороннему глазу обмен денег на товар, и вскоре Гавриков последовал за Ленькой в глухой дворик за церквушкой. Там Пантелеев с довольным видом вытащил из карманов и из-за ремня четыре шпалера: пару «браунингов», «маузер» и «наган». Первые два он осмотрел, вытащив магазин и пощелкав предохранителем, потом запрятал обратно. «Маузер» и «наган» так же тщательно проверил и протянул Гаврикову:

— На, Митяй, владей. Да только смотри, патроны напрасно направо-налево не расшвыривай — у нас их с тобой не целые закрома, а Абрам наш бедовый сейчас баланду хлебает и хлебать будет до тех пор, пока всю не сожрет, а нам ждать неког-

да — надо долг отдавать. Он ведь, Гавря, платежом красен.

Сделав это заявление, Ленька посоветовал другу спрятать оружие получше и снова нырнул в густую толпу толкучки. Последовавшие за этим покупки носили совершенно безобидный характер. Подельнички приоделись в кожаные куртки, шинели, буденновки, сапоги — в общем, так, как одевалась в то время большая часть мужского населения республики.

Выбирая себе обновки, Пантелеев вдруг почувствовал, как в полу его новоприобретенной шинели вцепилось несколько рук. Он напрягся всем телом и резко обернулся. Перед ним стояла ватага беспризорников и покатывалась со смеху.

— Ай да Леня! Уж и в штаны накла! Шкетов напужался! — потешались они.

— Вот балбесы, — едва сдерживая улыбку, Ленька раздавал шуточные тычки и подзатыльники тесно обступившей его компании.

— Как ты, Леня? Где теперь? — наперебой задавали мальчишки вопросы.

— Это уж, братцы, — посерьезнев, сказал Пантелеев, — в немалой степени от вас зависит. Мне надобно вот что...

Он притянул лохматые макушки к себе и о чем-то зашептался со своими маленькими «агентами», пока Гавриков примерял очередную пару сапог, суетливо поглядывая по сторонам.

За этой идиллической сценкой между тем наблюдала еще одна пара глаз — очень пристальных и очень недобрых. Принадлежала она моложаво-

му и весьма элегантно одетому господину — назвать его товарищем просто не повернулся бы язык, — чье лицо было образцом интеллигентности и изысканности. Однако внимательному наблюдателю сразу же становилось понятно, что в облике господина есть что-то в высшей степени фальшивое. Что именно — от внимания немедленно ускользает. Вы уже снова очарованы и введены в заблуждение, но в душе все равно остается какой-то неприятный осадок.

Так вот именно этот человек пристально разглядывал всю компанию, пробираясь между тем к другой тесной группке, стоящей поодаль. Пробиравшись туда, господин вытащил за рукав долговязого подростка, чья внешность ничуть не отличалась от облика тех, кто окружал сейчас Пантелеева. Подняв на господина цыганские глаза, парень молча затрусил за ним в заданном направлении. Спрятавшись за объемистой фигурой торговки пирожками, господин указал тросточкой в сторону все еще не расходившейся группки и спросил вполголоса у подростка:

— Ты кого-нибудь из тех шкетов знаешь?

Парнишка глянул, стараясь сосредоточить свое внимание на интересующем господина предмете.

— Ага, — ответил он ломающимся голосом. — Вон тот носатый — это Пашка Дыра, а вон тот с разорванной губой — Вовка Алтын. Это с Фонтанки ватага, мы с ними в прошлом году дрались, а в нонешнем — побратались. Мы теперь против литейных вместе бьемся, — важно закончил дип-

ломатический отчет о делах местной шпаны подросток и многозначительно замолчал.

— А можешь ты, Федька, сделать так, чтобы эти ребята тебя за своего считали и во всем тебе доверяли? — нетерпеливо спросил господин, с тоской глядя, как заинтересовавшая его компания разбивается на небольшие группы, каждая из которых вскоре теряется в толпе.

— Ну, это сложно. Это махаться надо будет, — прогнусавил Федька.

— Не убьют же они тебя, — уверил его господин и в подкрепление своих слов сунул парню в руку ассигнацию.

* * *

Экипировавшись должным образом, друзья направились в Токмаков переулок, где жил в то время младший брат Гаврикова. У Семена они прогостили очень недолго — не такой он был человек и не такое у них к нему было дело, чтобы рассиживаться и чай попусту гонять. Пантелеев ему так с порога и заявил:

— Мы к тебе, Семен, не чай гонять. Нам бы с брательником твоим ксивы занять поприличнее.

Семен, не выказывая никаких особенных чувств при виде брата, вновь оказавшегося на свободе, пригласил друзей пройти в комнату, а сам скрылся в каком-то чуланчике, что находился за ширмой. Вернулся оттуда Семен, держа в руке несколько поддельных паспортов и трудовых книжек. Кинув их небрежно на стол, он сказал:

— Все, что есть из лучшего. Выбирайте.

Ленька подвинул к себе пачку и протянул:

— Та-ак, посмотрим-посмотрим, что ты нам, Семен, сторговать хочешь, — он открыл корочку верхнего паспорта и рассмеялся.

— Гавря, хочешь быть Манилиной Ириной Александровной, а? Ты чего ж, Семен, думаешь, так лучше будет?

Семен смутился и забрал паспорт из рук развеселившегося Леньки.

— Ну попался такой — разве впотьмах разберешь, — обиженно бубнил Семен, в то время как Ленька наскоро ознакомился с содержанием других документов и подыскал более-менее подходящие для них двоих.

Когда выбор состоялся, Пантелеев без долгих рассуждений распрощался с Гавриковым-младшим, не дав даже братьям пообщаться как следует.

— Опосля рассусоливать будете. Случится вам еще встретиться, — буркнул он.

Гаврикову же ничего не оставалось, как послушаться и только коротко пожать на прощанье руку брата:

— Ничего, Сема, еще свидимся.

Ни один из них не знал, что больше они не свидятся. Гаврикова-младшего вскоре посадят за подделку документов и изготовление фальшивых денег. Гаврикова же старшего ждала своя судьба.

Экипировавшись должным образом, а также заодно и помывшись в ближайшей общественной

бане, друзья плотно поужинали в ресторане и, пропустив не одну рюмочку, вышли на улицу.

Там на углу Леньку уже поджидал один шкет из его гвардии, который сбивчивым шепотом сообщил, что «все свободно» и «можно ховаться». После этого Пантелеев и Гавриков проследовали за шкетом в сторону реки Пряжки, где на одной из квартир решили пересидеть до ночи.

Когда стемнело, подельники вышли на улицу и отправились на извозчике в сторону Марсова поля. Всю дорогу они сидели молча, но как только пролетка скрылась за углом, Пантелеев сообщил Гаврикову о своих намерениях.

— Знаешь, Гавря, нам с тобой теперь самое главное — денег поболее достать да побыстрее. И по возможности на этом не попасться. Я тут подумывал, как бы еще на квартиру налететь. Да покудова это не очень возможно, а сидеть сложа ручки нам с тобой, Гавря, крайне непозволительно. А потому давай-ка руки в ноги и пошалим немного...

Пока Ленька говорил, они достигли откоса Лебязьей Канавки, где, выбрав местечко побезветренней, улеглись, выставив только головы наружу. Прошло что-то около получаса, когда Ленька с досадой заявил:

— Вот мент поганый! И когда ж ты, морда, спать уляжешься?

Гавриков проследил за направлением его взгляда и действительно увидел укутанного, как матрешка, и тем не менее зябнущего милиционера, фигура которого маячила достаточно далеко.

— А, плевать, — вдруг тряхнул чубом Ленка. — Все одно не успеет.

В конце концов, Пантелеев увидел то, что ему было нужно:

— Ага, вона барыня идет — шуба ценная... Гавря, за мной!

И, потрясая шпалерами, с гиканьем друзья кинулись к жертве.

— А ну-ка, тетя, давай-ка нам свою шкуру! — заорал Пантелеев, а насмерть перепуганная женщина остановилась как вкопанная, вместо того, чтобы попытаться сбежать.

Веселясь, как дети, бандиты стащили с несчастной жертвы шубу, платье и драгоценности и, не успела она даже рта раскрыть, чтобы закричать, исчезли вновь за откосом.

Там лежать дальше не было смысла. Друзья немедленно отправились на свою квартиру, куда вызвали Арсения, и он, млея от удовольствия, скупил барахло за бесценок и с достоинством удалился.

Ленка пересчитал наличные деньги и, понимая, что их пока еще недостаточно, повел Гаврикова в то же самое «хлебное место», чтобы зарабатывать себе на жизнь столь же нехитрым способом.

Так проходили ночь за ночью. По одной и той же беспроектной схеме подельники собирали «дань» не менее чем с четырех человек за вечер. Просто налетали, раздевали донага и скрывались, пока жертва не оправилась от шока. Подобный промысел в ту пору был весьма популярным, и

потому редко кто решался вылезти из дому с наступлением темноты. А тот, кто отваживался все же совершать столь рискованную прогулку, старался приодеться столь неброско, сколь это было возможно. Ведь говорили, что «Ленька пролетариев не раздевает». Только вот сам Ленька узнал об этом чисто случайно.

Наскочив на какого-то старикашку в сомнительного вида армяке, Пантелеев к своему недоумению услышал:

— Леня, Леня! Я свой!

Ленька даже шпалер от неожиданности опустил, пытаясь понять, кто это перед ним, но тут все немедленно выяснилось:

— Свой, свой, — уже более радостно лепетал старикашка. — Из пролетариев.

Пантелеев наконец понял, что имеется в виду, и начал смеяться.

— Значит, из пролетариев? — спросил он у деда, утирая слезы.

— Из пролетариев, родимый, — радостно залепетал дед.

Ленька в конце концов перестал смеяться и посмотрел на Гаврикова, который стоял и тревожно смотрел в ту сторону, где находился милицкий пост.

— Ленька, хватит лясы точить, патруль! — наконец сказал он.

— Ладно, пролетарий, проваливай, — махнул рукой Ленька, засунул шпалер в карман и метнулся в сторону откоса.

— Господи святы, — отчаянно закрестился перепуганный «пролетарий», поспешно ковыляя прочь.

Ему навстречу попался патруль, и один из матросов пристал к старику с вопросом, кто шумел.

— Да вот же! — отдуваясь, проговорил старикашка. — Бандиты на меня напали и за Лебяжий откос убежали — вон туда!

Патруль припустился бегом, старикашка погрозил кулаком в сторону бежавших бандитов и поспешил прочь.

Пантелеев с Гавриковым, почуяв погоню, понеслись во все лопатки — только их и видели. Когда они остановились, чтобы передохнуть, Ленька зло проворчал:

— Чтоб еще кого пощадить — ни в жизни моей!

Как сказал — так и сделал. Несмотря на то что в народе была жива легенда о благородстве разбойника Пантелеева, который раздевает исключительно нэпманов, а простой люд не обижает и даже деньгами одаривает, Ленька больше не щадил никого. Будь то распоследний бедняк в городе, если на нем было хоть какое-то барахло, оно отбиралось без колебаний.

* * *

Проведя за «модным» занятием остаток ноября, Пантелеев, не имеющий уже былых доходов, накопил наконец сумму достаточную, чтобы откупиться от Кондратьева. Накануне дня, запланиро-

ванного им для встречи с надзирателем, Ленька встречался у железного моста на Фонтанке с бежавшими вместе с ними Мишкой Корявым и Сашкой Паном. На встрече он был один — Гавриков почему-то не изъявил желания присоединиться к прогулке.

Побеседовав с товарищами по счастью, Пантелеев с удовольствием отметил, что оба они держат хвост морковкой и даже не задумываются о том, что времена настали непростые.

— Мы, Леня, дело неплохое задумали. Вот соберемся с силами, да и грабанем рынок на Невской заставе, — сообщил румяный от мороза Мишка, затягиваясь чинариком.

— Хвастай, — скептически проговорил Пантелеев. — Эка замахнулся — рынок! Да тебя там агенты в два счета слапают.

— А вот и не слапают, ежели головой думать, — поддержал друга Сашка Пан. — Ты-то как?

— Кое-как, — с неудовольствием ответил Ленька. — Приворовываем по мелочам. Митяй мой совсем скис. Отлежал себе бок на холоде, теперь так кашляет, что все засады в момент палит. Я его водкой лечу, да без толку.

— Это жаль, — вежливо посочувствовал Сашка. Ленька покривился:

— Жаль медведя, что на дрын напоролся, а мы с Гаврей всем еще покажем кузькину мать.

— Так ищут вас, — осторожно отметил Пан.

— А вас? — язвительно отпарировал Ленька. — Ты не умничай, а лучше давай-ка обмозгуем, как бы нам с вами вместе поработать, а?

— Вместе — это дело, только опасное. Появятся нас вчетвером, как пить дать. Надобно подождать, когда все утихнет, — проговорил осторожный Пан, который никак не мог смириться с мыслью, что его банда целиком в тюрьме, а ему приходится работать со случайными людьми.

Пантелеева, конечно, к случайным людям отнести было сложно, да к тому же он был везуч, как черт, нагл и талантлив. Но таков уж был характер у поляка Сашки — прежде чем в омут головой кидаться, он сперва все дно там прощупает. Поэтому он не против был с Пантелеевым вместе на дело ходить, только все время выжидал — слишком уж дурная и громкая была у Леньки на ту пору слава.

Пантелеев все это чувствовал, а потому свое общество никому не навязывал.

— Ты мне еще вот что скажи, — повел Пантелеев разговор о других делах. — Вы деньги собрали, чтобы Кондратьеву отдать?

— А как же не собрать, — с видимым неудовольствием ответил Пан. — Собрали.

— А когда с дядькой расплачиваться будете?

— А это уже дело наше, — как-то неприязненно отозвался Пан.

Ленька посмотрел на него удивленно и пожал плечами, всем видом как бы говоря собеседнику: ну, коли так, сам и разбирайся.

— Да мне-то, конечно, все одно. Я просто думал, не составите ли вы мне компанию — я завтра к нему на свиданку собираюсь. Не пойдете?

— Как не пойти, — без энтузиазма отозвался Сашка. — Пойдем.

— Ну, тогда завтра и встретимся. На старом месте, — авторитетно сообщил Ленька, кивнул и, не подав товарищам руки, отправился домой.

ГЛАВА 21

Иван Кондратьев, чья вина в побеге преступников была доказана целиком и полностью, в полной мере ощутил на своей шкуре, каково было бандитам, сидевшим когда-то под его присмотром. Когда-то он был по ту сторону решетки, теперь же положение изменилось с точностью до наоборот. Интересным было и то, как он сам оценивал случившееся. Наказание, с одной стороны, должно было заставить его раскаяться в совершенном поступке. С другой же стороны, только сейчас Иван в полной мере осознал, какую добрую услугу оказал бежавшим, которые были обречены переносить все те лишения, которые переносил теперь он сам. И все же, несмотря ни на что, Иван Кондратьев сожалел только о том, что мало он с бандитов потребовал денег...

Именно из-за денег, которые должны были ему вручить экс-арестанты, Ивана Кондратьева долгое время не оставляли в покое. Эти деньги сделали его судьбу несколько отличной от судьбы всех остальных заключенных, потому что в распорядке его тюремной жизни имелся один особенный пункт. Каждую среду, вечером, его собирали, мыли, одевали и везли на Обводной канал.

Там его оставляли под Американским мостом под присмотром десяти вооруженных агентов в штатском, и все они ждали часа два. Потом Кондратьева везли в тюрьму и оставляли там до следующей недели, ни о чем больше не спрашивая.

Всякий раз Иван ждал этого события с нетерпением — считал дни, ставя зарубки на беленой стене своей камеры, и старался спать как можно больше — чтобы время летело быстрее. Потому что именно эти два часа для него были теперь единственным смыслом жизни. Короткая иллюзия свободы, свежий воздух, мирные граждане, которых он рассматривал с жадностью, как иностранцев...

Иногда им овладевала шальная мысль — перемахнуть через парапет в ледяную воду канала, а там — лучше помереть от воспаления легких. Но грозные фигуры маячивших там и сям агентов пугали его нетвердую душу чрезвычайно, и он все никак не мог отважиться. К тому же Иван втайне надеялся, что его брат в конце концов оттает и сделает его заключение коротким и не столь суровым. Ему и в голову не могло прийти, что брат уже давно забыл об их родстве и был бы рад, чтобы опозоривший его родственник вскоре вообще перестал дышать с ним одним воздухом.

Иван в душе смеялся над незадачливыми сыщиками, которые так безнадежно рассчитывали поймать Пантелеева на такую нехитрую приманку, и поэтому считал все эти прогулки полезными только для себя, но не для следствия. Однако случилось так, что он ошибся.

В тот памятный день погода была особенно хороша, а по мосту прогуливались достаточно аппетитные гражданки, и Кондратьев разомлел, думая о том, как бы поскорее выбраться на свободу и заняться наконец обустройством личной жизни. Тут он почувствовал, что спина у него отчего-то похолодела, а ноги отказывались двигаться. Не отдавая еще себе отчет, в чем тут причина, Иван стал с тревогой оглядываться по сторонам, то и дело бросая взгляды на окружавших его агентов. Все было, как всегда. Один из них сидел на парапете с удочкой, другой разговаривал на мосту с барышней, третий валялся, как бы пьяный...

Наконец взгляд Кондратьева зацепился за темный силуэт, который вырисовывался на фоне темнеющего неба, на той стороне подмостового тоннеля. Иван почувствовал направленный на него пристальный взгляд и внутренне содрогнулся. Он стоял на месте как вкопанный, а тяжелый этот взгляд все жег и жег его душу. Он попытался было раскрыть рот, чтобы окликнуть идущего, но вместо звука из его горла раздалось только сдавленное сипение. Иван сделал шаг навстречу, заметив краем глаза, что никто из агентов еще не понял, что происходит, но фигура исчезла уже, словно растворилась в воздухе.

Кондратьев замер на месте, а потом, почувствовав, что ему стало легче, опустился на снег. Кто-то из агентов, забыв об осторожности, приблизился к нему с вопросом:

— Эй, что с тобой?

Кондратьев, будто только очнувшись, посмотрел

рел на него совершенно пустыми глазами. Потом все-таки пробормотал:

— Так то был Пантелеев.

* * *

— Ленъ, ты чего? — спросил кто-то из шайки, когда он, запыхавшись, вырулил из-под моста.

— Плохо дело. Его пасут. Сматываемся, — коротко скомандовал Пантелеев.

Убравшись подальше от опасного места, бандиты поделили между собой сложенные было на общее дело деньги и распрощались.

— А теперь что? — спросил наконец Гавриков.

— А теперя, тетеря, будем гулять! — радостно подытожил Леня, потрясая перед его носом денежной пачкой. — Деньжищи-то, деньжищи!

* * *

— Ну как? — поинтересовался у ответственного по группе сопровождения Савелий Кондратьев.

— Плохо, товарищ следователь, — отрапортовал тот. — По прибытии на место встречи все распределились по установленной схеме, ведя пристальное наблюдение за арестованным и окрестностями. По всей вероятности, Пантелеев приходил сегодня на встречу, однако никаких признаков тому мы не обнаружили, если не считать личные впечатления арестованного. Но, я так думаю, он мог и ошибаться.

— Ну это ты так думаешь, — недовольно про-

ворчал Савелий, которому было теперь очевидно, что его затея попросту провалилась.

— Разрешите идти? — спросил между тем боец.

— Идите. И передайте начальнику смены, что операция «Мост» прекращается, — он дождался, когда парень выйдет, и нервно закурил. — Черт его, что ли, бережет, этого Пантелеева, — ворчал он, прохаживаясь по кабинету.

Подойдя к своей стратегической карте, Савелий задумчиво уставился на нее, сопоставляя только что полученные данные с тем, что было уже на ней отмечено. Теперешняя операция по поимке бежавшего преступника и его сообщников очень осложнялась тем, что неоткуда было пока взять новые сведения о Ленке. Единственным оружием против наглого налетчика было массовое патрулирование в центральных районах города и на вокзалах. Но город был огромен, людей, как всегда, не хватало, и большая часть удобных для «промысла» районов так и была бесконтрольна. Ленка ни разу не попался на глаза специальных агентурных подразделений, он не пытался уехать из города, и, что еще обидней, у Савелия не было на счету ни одного налета на квартиру, расследование которого могло привести на какой-нибудь свежий след. Как искать иголку в стоге сена, если стога даже не найти?

Единственным проблеском во всей этой истории в последнее время было поступившее сообщение о росте активности грабителей в районе Марсова поля.

— Совсем обнаглели! На открытом месте людей догола раздевают! — помнится, сетовал тогда участковый, который тщетно пытался с помощью милицейских нарядов утихомирить грабителей.

Кондратьев тогда спотыкнулся о словечко «обнаглели», и интуиция ему подсказала, что это неспроста. Он тут же кинул в указанный район своих агентов, но, видимо, было поздно. Могло стать, что кто-то Пантелеева предупредил или же он сам почуял недоброе. Только после того, как на Марсовом поле засуетились шпики, тут уже больше никого не грабили.

Тогда Кондратьев, чуть поколебавшись, перекинул оперативную группу в район слабо заселенных улиц, куда пока еще не ступала нога уголовного розыска. Если ему удалось хоть чуточку понять психологию Пантелеева, то этот вариант мог сулить хоть какие-то надежды.

* * *

Когда эйфория по поводу вновь обретенной свободы поутихла, Леня стал ощущать и кое-что другое. Сперва он не мог понять, что за чувство сосет его изнутри. Потом сообразил, что таким вот неприятным образом проявляет себя беспокойство. Ленька, конечно, был не ребенок и под строгим оком закона ходил уже давно, а потому с чувством беспокойства справлялся усилием воли. А когда воли на это не хватало, Ленька покупал вина, звал

девиц, брал гитару и распевал песенки собственного сочинения.

Однако, кроме беспокойства, которое он заглушал подобным образом, Ленька ощущал в своей душе и какое-то новое, незнакомое ему чувство. Особенно остро он ощутил это в один из вечеров, когда они, успешно сдав маклаку награбленное за ночь, отдыхали в одном из ресторанчиков, расположенных в самом респектабельном районе города. Как всегда, изрядно выпив, друзья вдвоем возвращались домой. Было еще достаточно рано, и народ сновал по центральным улицам в большом количестве, еще не боясь налетчиков.

Проходя по Невскому проспекту, Пантелеев вдруг остановился, будто налетел на забор, и стал пристально разглядывать кого-то, идущего по противоположной стороне тротуара.

— А, крыса, — пробормотал вдруг Ленька и направился к этому человеку.

Гавриков с ужасом узнал в прохожем агента уголовного розыска Савелия Кондратьева.

— Стой! — закричал Гавриков, хватая Леньку за рукав шинели. — Куда?!

— Отстань, — гнусавил хмельной Ленька. — Дай поговорить с товарищем... по душам.

— Да погоди ты, — тащил друга Гавриков, с которого немедленно слетел весь хмель.

— Ну чего? — капризно ныл Пантелеев, которому никак не удавалось вырваться из цепких рук Гаврикова.

— Лень, не надо, не лезь к нему.

— Это почему это?

— Лень, не надо. Ты же сейчас шуметь начнешь, народ перепугаешь. А то и убьешь кого, — опустив глаза в землю, вещал Гавриков.

— Ну и что? — удивлялся Пантелеев.

— Да ничего, — еще тише сказал Дмитрий, не ослабляя хватку.

Ленька же наконец вырвался. Однако, оглянувшись, увидел, что Кондратьев успел скрыться из виду, пока они препирались. Разозлившись, он толкнул Гаврикова в плечо и, засунув руки в карманы, пошел прочь. Когда он вернулся домой, Дмитрий был уже там и играл с соседями в карты. Ленька, который успел где-то напиться еще больше, взял друга за шкирку и потащил его на кухню. Гавриков не сопротивлялся, хотя и имел на данный момент значительное преимущество в силе.

Дойдя до кухни, Ленька, пошатываясь, опустился на стол, поставил перед собой Дмитрия, вытянув его в струнку, как гимназиста перед директором.

— Ну, — глядя мутными глазами из-под нависших бровей, спросил Пантелеев. — Ты чего мне сегодня помешал? А? Умный, что ли, стал?

Гавриков, глядя на раздраженного друга, молчал, понимая, что в таком состоянии с ним лучше не разговаривать.

— Что молчишь? — повышая голос, продолжал Пантелеев. — Язык проглотил? Или в морду хочешь?

— Ежели тебе от этого легче станет, дай мне в морду, только отстань, — проговорил Гавриков,

с тоской понимая, что это за Ленькой не заржавеет.

— В морду? В морду я тебе потом дам. Ты попервой на вопросы отвечай, понял? — заплетающимся языком продолжал допрос Пантелеев.

— Ответа хочешь? Изволь! Я не собираюсь из-за твоих прихотей своей башкой рисковать. И по твоей же блажи людей жизни лишать я тоже не собираюсь и тебе не дам — вот и весь сказ, — завершил Гавриков и попытался высвободить свои локти из рук Леньки.

— Что-о? — переспросил Леня, наклоняясь к самому лицу друга и дыша на него перегарной вонью. — Ты меня, сопля, учить уму-разуму вздумал? Поперек батьки в пекло — так, что ли? Я тебе щас как врежу, гнида, ты у меня сразу поймешь, кто из нас главнее...

— Ты, Лень, не горячись, я дело говорю. Мы с тобой одним миром мазаны, нам теперь одна дорога. Только вот нечестно это, ежели ты один будешь решать, куда нас эта кривая вывезет. Я уже сидел на этой чертовой скамейке в трибунале и смертушку свою там в полном обличье видел — больше неохота. А ты ее дразнишь, Ленечка, почем зря. Ты за просто так человека сгубить хотел. Христианскую душу сгубить — грех большой, а ближнего твоего, не врага — тем более. А уж без дела убивать — так то вообще мне противно, ты уволь. Я не божий одуванчик, из многих дух выпустил на войне. Так то — на войне. А тут... Я вор, Леня, твоей милостью. Но убийцей по твоей прихоти не стану — хоть убей меня. Ты ж сказал —

деньги отдадим и уедем, заживем, как люди, так что ж мы тут до сей поры сидим?

Все это Гавриков выпалил горячо, страстно и на одном дыхании, не дав Пантелееву опомниться и вставить хотя бы слово. Ленька смотрел на него так, словно открыл для себя какую-то тайну, и больше не пытался у него что-нибудь спрашивать. После того как Гавриков замолчал, Ленька разжал сильные свои пальцы и развел руки в стороны.

— Иди, — мрачно сказал он. — Иди-иди. Никого не держу более.

И, оторвавшись от стола, пошел, покачиваясь, по коридору. Дойдя до жилой комнаты, он, как подкошенный, рухнул на кровать и тут же захрапел.

А когда проснулся наутро, то нашел имя своему новому чувству. То было чувство одиночества, никогда ранее незнакомое бесшабашному вору Леньке Фартовому. Он претерпел какую-то очередную эволюцию, и все те люди, которые окружали его раньше, остались где-то далеко, а ему предстояло продолжать свой путь самостоятельно, куда бы он его ни привел.

* * *

— Ну, как твои дела? — спросил respectable-ный господин у длинного подростка, неприязненно глядя, как тот уминает заказанные для него котлеты.

— Все как надо, — с набитым ртом уверял его тот, вытирая жирные губы. — Пахан их Ванечка

читит меня за свою левую руку и даже тайник свой показал.

— А почему не за правую? — насмешливо поинтересовался господин, наливая себе водки из графинчика.

— За правую у него братан кровный — Зубец. Зубец за Ванечку горло перегрызет любому — даже и мне. Они — сламщики, — значительно ответил парень.

— Кто-кто? — не понял господин.

— Ну, друганы закадычные, у которых все общее — и жизнь, и еда, и дело. Они как Пантелеев с Гавриковым, — мечтательно продолжал подросток, забывая даже лежащую перед ним еду.

— А это кто такие? — прикидываясь дурнем, переспросил господин, у которого от упоминания знакомого имени мурашки по коже пробежали.

— Ну, это у нашей банды дело есть такое — служить Пантелееву. Верой и правдой, как герои.

— Интересно. Чем же он так знаменит? Покровительствует сиротам?

— Да нет! — удивился подросток невежеству своего собеседника. — Он налетчик знаменитый — круче, чем Робин Гуд.

— А ты откуда о Робин Гуде знаешь? — удивился господин. — Ты же читать не умеешь.

— А нам про то один гимназист бывший рассказывал, он теперь тоже беспризорник.

— Ну да бог с ним, с Робин Гудом. И что, ты говоришь, твоя компания прислуживает ему? Это как же? Сапоги чистит да чинарики стреляет? — все еще не отходя от насмешливого тона, продол-

жал свой допрос человек с золотой цепочкой на животе.

— Это ты брось — сапоги. Сапоги ему сама Людка-центровая чистит, да еще за честь почитает. А мы для него — боевая команда. Сведения собираем разные и ему после передаем. А он нам за это жалованье платит — во!

— То есть какие сведения?

— Ну, о том, свободна ли какая хаза и кого взяли менты. А то и про квартиры богатые, и про то, кто сейчас в засаде где сидит — про все такое, в общем.

— Здорово, — завистливым тоном сказал господин, и глаза его выразили злобное удовлетворение и нарождавшуюся гениальную по своей подлости мысль. — Да ты ешь, ешь...

* * *

Между тем деньги, так счастливо и неожиданно оставшиеся у друзей, постепенно подходили к концу, и Ленька, поразмыслив немного, решил, что вскоре придется снова браться за дело. Поэтому они с Гавриковым каждый новый день начинали теперь с оздоровительной прогулки на Стрелку, на острова. Однако там друзья предавались не мечтательному отдыху на природе, а вполне конкретным занятиям: они пристреливали купленное на барахолке оружие. Поупражнявшись в стрельбе и поднаторев со временем в этом деле настолько, что могли бы потягаться в меткости с любым профессионалом, подельники обычно шли завтракать

на одну из «малин», где в это время дня было малоллюдно и можно было отдохнуть в спокойной обстановке.

В один из дней Ленька наконец объявил, что пора уже идти на дело.

— Мне Серега Развеев подсказал, где живет инженер с жинкой. Надобно их навестить, — сообщил он Гаврикову, потрясая перед его лицом револьверами.

— Навестим, раз надобно, — согласился Гавриков, который с той памятной ночи уже больше не напоминал Пантелееву о своем скептическом отношении к продолжению их деятельности. Что бы там ни творилось у него на душе, Гавриков был покладист и покорен Ленькиной воле, как и раньше, а это Пантелеева вполне устраивало, хоть он и чувствовал — безоглядной дружбе уже конец. Ну, дело все равно главней — так рассуждал Ленька.

Как обычно, они без особых проблем проникли в квартиру Студенцовых, не беспокоясь о том, что на дворе — белый день и супруги, как на грех, дома.

— Здорово, господинчики, — радостно объявил Пантелеев, вынимая из кармана револьвер и наводя его на инженера.

Гавриков взял на мушку жену.

— Спокойно, это налет. Выкладываем, где тут у вас материальные ценности — и тихо, — велел Ленька бодрым голосом, хотя внутренне он весь напрягся — слишком невыгодной для них была ситуация.

— Но позвольте, товарищи, у нас и нет ничего, — пробормотал насмерть перепуганный инженер, взглядом призывая жену в свидетели.

— Да-да, — пробормотала супруга, медленно приближаясь к мужу, как бы ища у него защиты.

Студенцов хотел было вытащить руку из кармана халата, чтобы обнять жену, но тут раздался выстрел, потом — другой и квартира потонула в пороховом дыму.

Когда дым рассеялся, потрясенный Гавриков увидел лежащего на полу инженера, у которого начисто отсутствовал один глаз, и его жену, которая лежала сверху на трупе мужа. Она была еще жива, но из кривившегося в агонии рта толчками вытекала багряная кровь — судя по всему, у нее было пробито легкое.

Гавриков с изумлением посмотрел на Леньку, который стоял, бледный как мел, с лихорадочно блуждающими глазами и дергающейся щекой.

— Ты зачем? — только и смог проговорить Дмитрий, указывая на убитых стволом «браунинга».

— А что он руками своими размахивает? — неожиданно истерическим голосом проговорил Пантелеев, запихивая теплый еще револьвер в карман и попадая все время дулом не туда. — Я, по-твоему, что — ждать должен, когда он шпалер вытащит да меня грохнет, да?

Пантелеев наконец справился с револьвером и тут же накинудся на Дмитрия:

— Что встал? Что вылупился? Сейчас народу

набежит, как на Первое мая! Хватай, что поценнее, и сматываемся...

Он выбежал в другую комнату, и оттуда послышался звон посуды, треск раскрываемых шкафов и другие характерные шумы. Гавриков же сел на пол и опустил руки. Пантелеев выскочил в переднюю, неся какой-то тюк с добром. Увидев сидевшего на полу Гаврикова, он не преминул огрызнуться:

— Чего ты тут расселся? На вот хоть тюк понеси, ежели с тебя другого толку нет.

Гавриков нехотя поднялся, взял награбленное и, стараясь не смотреть на лежащие один на другом трупы, вышел из комнаты.

Кондратьев, который выехал вместе с оперативной бригадой на место происшествия, осмотрел все и вынес вердикт:

— Хотя вы мне и не поверите, а я знаю наверняка — здесь поработал наш общий знакомый.

— Это почему же? — спросил кто-то из присутствующих. — Ведь ты говорил, что Пантелеев — только налетчик, но не убийца.

— Теперь убийца, — с уверенностью сказал Кондратьев, провожая взглядом носилки.

ГЛАВА 22

— Пойдем, Гавря, пройдемся, — позвал Пантелеев, вытирая рот салфеткой и поднимаясь из-за стола.

Он был пьян в дым и, как всегда в таком со-

стоянии, ненавидел весь белый свет, а Гаврикова — в особенности. Дмитрий после последнего налета стал еще более мрачным и замкнутым, хотя в дележе и сбыте добычи принимал активное участие и деньгами не погнушался.

— Пойдем, — отозвался Дмитрий, дожевывая отбивную и чувствуя облегчение от того, что они вскоре покинут эту скверную забегаловку.

Когда они дали швейцару на чай и выбрались на воздух, Ленька вдруг сказал:

— А знаешь, Митяй, я себя чувствую каким-то повзрослевшим. Или постаревшим — черт его разберет. И гложет меня тоска по тем беззаботным денечкам, Гавря, когда мы с тобой горя не знали и жили припеваючи на честно наворованные деньги.

После этого Ленька вдруг принялся за воспоминания, то и дело произнося: «А помнишь, как...» Сперва Гаврикову было неприятно слушать ностальгические излияния по поводу прежних подвигов, но Пантелеев все расписывал в таких ярких красках, что Дмитрий поддался в конце концов этому настроению и тоже стал вставлять в речь подельника какие-то уточняющие подробности.

Беседуя таким образом, они шли по тем самым улицам, которые были свидетелями их побед и, не в меньшей степени, поражений. Они даже наведались к тому самому обувному магазину, в котором их с таким шумом повязали. Не решившись войти, они постояли у подъезда, весело вспоминая, как

покупали тут Гаврикову эти злосчастные ботинки и чем все это кончилось.

Воссоздав сцену ареста в виде красочной пантомимы, они отправились к набережной Мойки, чувствуя себя какими-то обновленными и готовыми мужественно принять любые новые испытания. Они миролюбиво молчали, и каждый думал о своем. Вдруг у Певческого моста Пантелеев остановился и задрал подбородок так, что некоторое время была видна только его длинная шея. Наконец он покрутил головой и сообщил с заговорщицким видом:

— А знаешь, Гавря, где мы с тобой сейчас находимся?

Гавриков хмуро оглянулся и ответил:

— Да как не знать? Знаю. Вон туда нас с тобой допрашивать водили — не помнишь? Уголовный розыск там, короче.

— Да нет, — нетерпеливо отмахнулся Ленка. — Ну, уголовный розыск — это конечно. А вон там, на другой стороне улицы, видишь?

— Ну, вижу, ресторан «Донон». Ну и что?

* * *

Внимание Ленки к ресторану было не случайным, но носило несколько иной характер, чем обычно. Находясь в центре города, буквально под самым носом у уголовного розыска, а именно — напротив, «Донон» между тем умудрялся быть настоящим раем для той части «честного» населения, которой, как воздух, было необходимо со вкусом

потратить свои деньги. В то некрасивое по своей сути время это было достаточно серьезной проблемой, и владельцы ресторана умудрялись предложить своим клиентам наилучшее решение. Трудно даже представить себе, какой огромный механизм контрабанды стоял за лоском и роскошью «Донона» и скольких усилий стоило создать его посетителям максимальный комфорт и чувство защищенности от произвола властей, которые этим произволом, кстати сказать, попортили новоявленным магнатам не один литр крови. Тем не менее в «Дононе» было все, и все это было шикарно.

К слову сказать, немногие заведения могли тогда похвастаться имеющимся в продаже спиртным. Вино и водку продавали в основном из-под полы, и ежели главный герой то и дело появляется на страницах в чрезвычайном подпитии, то это целиком и полностью заслуга его ловкости и репутации в определенных кругах. Официально же в стране царила трезвость, и потому злачным местам, которые старались удовлетворить потребность населения в градусах, приходилось очень туго.

В «Дононе» со спиртным было очень хорошо. Мало того, что ассортимент вин был более чем полным. Ко всему прочему, это вино можно было пить, не испытывая беспокойства, и причиной тому была продуманная организация охраны.

Первым, кто встречался посетителям на входе, был седовласый и очень презентабельный швейцар — Теодор Ильич. Швейцаром он был всю

свою сознательную жизнь и этим очень гордился. Именно богатый опыт общения с разного рода людьми и постоянная насущная необходимость отличать «своего» от «чужого» воспитали в Теодоре Ильиче безошибочное чутье на человека, которого в ресторане видеть было нежелательно. Ко всему прочему, в смутные революционные времена Ильич претерпел столько проверок на благонадежность и лояльность властям, что власти эти он ненавидел всей своей неглубокой душой и милиционера мог распознать в гриме и новогоднем костюме в любой толпе безошибочно.

Именно за эти качества прирожденного швейцара любили и жаловали в «Дононе», зная, что враг не пройдет. Причем сам «враг» о том, что он узнан, не мог бы догадаться ни за что на свете, ведь Теодор Ильич был со всеми одинаково учтив и приветлив. Только легкое движение руки под конторкой могло насторожить внимательного наблюдателя. Прогресс дал в помощь человеческому недоверию еще и маленькое, но очень полезное устройство — под конторкой швейцара была спрятана кнопка звонка, который раздражался нетерпеливым треском в комнате служебного персонала.

В этой маленькой комнате обычно дежурил метрдотель, который умел, общаясь с милиционерами, сделать все для того, чтобы разговор получился достаточно долгим и занимательным. А нужна была эта беседа только для того, чтобы в это время по залу пронеслась кавалькада учтивых, вышколенных официантов, которые с извиняю-

щимися улыбками собирали многочисленные бутылки и фужеры со столов понимающе кивающих клиентов. Таким нехитрым, но достаточно остроумным образом зал к приходу дорогих и недобрых гостей приводился в благочестивый вид, который, впрочем, мало кого мог ввести в заблуждение. Красные рожи и блестящие глаза присутствующих красноречиво свидетельствовали о том, что здесь все не чаем баловались и явно не от музыки осоловели. Так-то оно так, но попробуй — докажи. Все было обставлено так, что комар носа не мог подточить, а как действовал механизм — только работникам ресторана да постоянным клиентам было ведомо.

Об этой охранной системе не было известно уголовному розыску, о ней не подозревал и Ленка Пантелеев. Зато он отлично знал, какого рода публика наполняет это злачное место. Найти таких где-нибудь еще в этом городе — надо было постараться.

— Что, Гавриков, пошли, что ли, обмоем наше с тобой счастливое житье-бытье. Все ж таки надо как-то отметить нашу с тобой долгую верную дружбу, а?

Гавриков посмотрел на сияющий огнями подъезд «Донона» и хотел было посоветовать Ленке выбрать что-нибудь более для них подходящее, но было уже поздно. Пантелеев, не позаботившись стряхнуть снег с валенок, уже вперся в мраморный холл ресторана и, распахнув дверь настежь, поджидал друга на пороге, покачиваясь явно не от усталости. Гавриков отметил это с удивлением —

ему до сих пор казалось, что Пантелеев не настолько пьян. Как Дмитрию ни беспокойно было, но все же он последовал за другом в ресторан, заметив, что их появление не прошло незамеченным — навстречу Леньке, слегка расставив руки в стороны, семенил похожий на седого льва швейцар в голубой униформе с позументами:

— Куда, молодые люди? — строго спросил он вновь прибывших, придирчиво рассматривая их плебейские наряды и мокрые следы от валенок, которые расплывались на шерстяном ковре.

— Куда-куда, — ворчливо и задирчиво начал Ленька. — На кудыкину гору! Что кудахчешь, лучше шинельки наши прими — мы сегодня у вас гулять будем.

Ленька широким жестом распахнул полы шинели, и Гавриков даже зажмурился, боясь, что сейчас на сцене появится пресловутый револьвер. Но ничего такого не произошло, только швейцар, массивная фигура которого внушала уважение, совершенно перегородил им дорогу и мягко, но значительно произнес:

— Извините, господа, но мест нет.

— Заливай! — ответил Ленька. — Что ж с того, что мест нет? Подвинем кого-нибудь, али стульчиков у тебя захватим. Ничего, поместимся как-нибудь.

Гавриков стал было тянуть Пантелеева за полу к выходу, понимая, что назревает скандал, который в их положении мог кончиться плачевно, как вдруг на сцене появился новый персонаж.

Судя по всему, как только милая парочка появилась на пороге, интуиция подсказала швейцару, что с этими посетителями будут неприятности. И он нажал на звонок, думая, что особой беды не будет, если он заранее подстрахуется. Маленький вертлявый человечек с прилизанными волосами, выпорхнувший из-за бархатных занавесей, за которыми скрывался вход в обеденный зал, был тем самым дежурным метрдотелем, который должен был улаживать конфликты с представителями властей.

— Теодор Ильич, — мармеладным тоном начал было он осаживать швейцара, намекая, что все уже в порядке и теперь он приступает к своим обязанностям.

Однако он осекся на полуслове, почуяв запах дешевого вина, и понял, что перед ним не милиционеры, а всего лишь навсего зарвавшиеся пьяные хулиганы. Никто из присутствующих, кроме Гаврикова, не успел еще и заметить его появления, как он уже снова исчез. Однако и Гавриков этому не придал никакого значения, так как происходившее между швейцаром и Ленькой захватило все его внимание. И зря — метрдотель скрылся за багровой занавеской отнюдь не потому, что был напуган грозным рыком рассерженного Пантелеева. Он просто решил воспользоваться своим правом на защиту со стороны той самой милиции, для защиты от которой он был поставлен в этом ресторане.

К счастью, Гавриков столь часто менял свое местоположение по отношению к двери, обхажи-

вая беснующуюся парочку со всех сторон, что вовремя заметил кое-что другое.

— Леня! — воскликнул Дмитрий, вцепляясь другу в запястье.

Было в его голосе такое, что, несмотря на свою увлеченность, Пантелеев не мог не обернуться туда, куда с выражением безмерного ужаса был направлен взгляд его друга. Причину этого ужаса он понял сразу: через стеклянную дверь ресторана было отлично видно, как во двор «Донона» неторопливо и с чувством собственного достоинства входил наряд из пяти вооруженных винтовками милиционеров.

— Гавря, быстро! — крикнул уже на бегу совершенно отрезвевший Пантелеев.

Воспользовавшись тем, что одна из створок двери открывалась в отгороженную служебную часть двора, друзья нырнули туда с той скоростью, на которую только были способны их негнувшиеся от волнения ноги. Порыскав там с минуту, они нашарили в темноте вход в подвал, где, видимо, и были спрятаны нелегальные запасы ресторана. Ленька с одного удара сшиб замок, и они скатились по заледеневшей лестнице вниз, отбив о камни все, что можно было отбить. Ленька чиркнул спичкой и огляделся.

— Туда! — бросился он к высоченной поленнице. — Залазь, бегом!

Подсадив Гаврикова, он сам зарылся в какие-то поленья и затаил дыхание. Некоторое время было тихо, но недолго. Вскоре раздался грозный топот тяжелых сапог и визгливый голос швейцара:

— Туда, туда они побежали. Посмотрите в подвале.

И немедленно топот переместился на лестницу, раздалось бряканье прикладов о заиндепевшую стенку и чертыхание скользящих по ступенькам милиционеров. Гавриков чувствовал, как под ногой начинается медленное и неумолимое движение — тихо поползло одно полено, не выдержав давления его тела. Дмитрий вспоминал все известные ему молитвы, изо всех сил надеясь, что полено не громыхнет под ноги притихших милиционеров в последний момент. Полено не громынулось, зато посыпались со страшным шумом дрова в том конце склада, в котором скрылся Пантелеев, — видимо, конструкция не была такой уж надежной. И тут же раздался ехидный голос кого-то из патруля:

— Ага, вот он, красавчик! А ну, вылезай, голубь сизый, покажи-ка нам свою наглую физиономию. Хорош, хорош — ничего не скажешь! А где второй? Вылазь, вылазь, мазурик, а то мы тебя сами достанем.

И тут уж повалилось все — и полено из-под ноги, и вся кладка, и Гавриков скатился к сапогам веселящегося наряда, словно трубочист из камина, да еще сверху его дровами пристукнуло.

— Это ж надо так налакаться? — философски заметил один из милиционеров, по всей очевидности — главный. — Ну посмотрите, на кого вы похожи? Черти какие-то, а не честные пролетарии.

Пантелеев быстро проанализировал ситуацию и по достаточно добродушным лицам патрульных понял, что они и не подозревают, кто на самом деле перед ними. Минуту спустя Гавриков снова в недоумении уставился на Леньку, который уже еле стоял на ногах и совсем лыка не вязал. Еще минута понадобилась Гаврикову для того, чтобы понять, какую нехитрую и наглую комедию ломает его друг. Однако о цели этой комедии он подумать не успел, потому как старший патруля, бывший, видимо, ярым сторонником трезвого образа жизни, состроил презрительную физиономию и пробурчал:

— Фу, скоты! Михайлов, проводи товарищей в отделение, а там мы с ними поразговариваем. Кто вы такие хоть будете? — заглянул он в лицо Пантелеева — но тот уронил голову на грудь, притворившись чуть ли не спящим.

— Понятно. Уже никакие, — констатировал главный. — Ладно, посидят в подвале до утра, там разберемся. Пошли уже! — прокричал он в самое ухо Пантелееву и повел его, запинаящегося на каждом шагу, по направлению к лестнице.

Гавриков, подталкиваемый одним из бойцов, поплелся следом, с ужасом представляя себе последствия этого путешествия под конвоем. Одна мысль крутилась у него в голове: авось Ленька что-нибудь да придумает.

Они вышли во двор, где им долго пришлось еще выслушивать причитания разобиженного швейцара, а потом вышли на улицу и свернули на

площадь. К своему облегчению, Гавриков увидел, что их ведут не в здание уголовного розыска, а, по всей видимости, в какое-то из районных отделений — для установления личности, надо полагать. Подложные паспорта у них, естественно, были при себе, но на месте могло выясниться и многое другое...

Шли долго, миновали какую-то полутемную арку, прошли в железные ворота какого-то двора, дворник которого проводил кавалькаду неодобрительным ворчанием. И тут Гавриков услышал глухой звук удара, потом второй, возню и шум, а затем крик:

— Стой! Куда! Стрелять буду!

Дмитрий обернулся и успел увидеть только держащегося за моментально побагровевшую щеку конвоира, перегнувшегося пополам дворника и улепетывающую с нереальной скоростью фигуру. Ответив несколькими выстрелами на стрельбу конвоиров, фигура нырнула в темноту и пропала.

* * *

Воспользовавшись тем, что никто из милиционеров и не подозревал, что им случилось познакомиться со знаменитым бандитом Пантелеевым, и тем, что все купились на его пантомиму и потому расслабились и потеряли бдительность, Ленька выждал момент, выбрал местечко потемнее и съездил кулаком в лицо замыкающего шествие конвоира. Тот охнул, схватился за щеку и от неожидан-

ности проморгал момент, когда от «пьяного» задержанного осталась в воздухе только морозная пыль. Бросившийся наперерез дворник получил сапогом в живот. Потом кто-то стал стрелять, да уже поздно — сбежавший исчез в темноте переулков.

— Ушел, падла, — мрачно проговорил кто-то из конвоиров.

Все посмотрели на второго. Гавриков потерял не просто полминуты времени, но и вообще всякую возможность двинуться с места. Его немедленно скрутили и, вымещая на нем всю злость, потащили, постоянно толкая в спину прикладами, по направлению к отделению.

Побежавший по следам Пантелеева милиционер обнаружил на снегу кровь.

— Он ранен, — крикнул он караульному. — Вызывайте агента!

Тем временем Гаврикова довели до отделения и немедленно отправили в кабинет дежурного по смене. Тот поднял на него глаза от бумаг и немедленно спросил у сопровождавших милиционеров.

— А где второй?

— Откуда вы знаете, что был второй? — удивился было конвоир, совершенно забыв о субординации.

— Два сапога — пара, — рявкнул хозяин кабинета, подскочил к Гаврикову и заорал: — Где Пантелеев, а? А ну, отвечай, гад!

— Да бежал он, товарищ дежурный, — пробасил конвоир. — Велено передать, что бежал с места

задержания в сторону Марсова поля. Кажется, ранен.

Дежурный, который узнал Гаврикова по имевшейся фотографии, кинулся к телефону и проорал в трубку, что срочно нужно выслать Кандрашова с собакой Аргусом по такому-то адресу.

И через считанные минуты в район происшествия прибыл агент с визжащей от возбуждения овчаркой.

* * *

Ленька рванулся и побежал, задыхаясь от морозного воздуха. Он, не оборачиваясь, выпустил пару пуль из револьвера, скорее для острастки, чем с серьезным намерением попасть. Желанный поворот из проулка был уже в двух шагах, как вдруг что-то толкнуло его в руку и жаркая боль прокатилась от локтя до самого запястья.

— О, черт, — ругнулся Ленька, прижимая ладонь правой руки к дырке в рукаве шинели, из которой толчками полилась дымящаяся кровь.

Было нестерпимо больно, но не настолько, чтобы позволить себе снизить темп бега и попасть в руки ненавистных ментов. Какое-то время Ленька надеялся еще услышать сзади топот сапог Гаврикова, но вскоре понял, что друг его теперь попался и попался крепко.

«Прощай, Гавря», — с горечью подумал Ленька, выбегая к Инженерному замку и утыкаясь в высокий забор. Пантелеев кинул взгляд налево, направо и, сообразив, что бежать дальше по улице

опасно, перемахнул через частокол и оказался в пустынном дворе. Справа высилась неосвященная громада Пантелеймоновской церкви с ее колоннадой и портиком.

— Батюшка-тезка, не выдай! — прошептал Ленька, вбегая под своды портала и усаживаясь между колонн, чтобы унять сердцебиение и перевязать рану, от которой уже кололо в груди и стучало в висках.

Не прошло и пяти минут, как за забором раздался топот и собачий лай. После — возбужденные голоса и жалобный скулеж. Спустя мгновение все стихло и шаги удалились в сторону начала улицы. Ленька дернулся было бежать, как услышал, что лай приближается. Деваться было некуда, бежать — поздно. Он рухнул на мрамор между колонн и стал шептать какую-то молитву, каждую минуту ожидая влажного дыхания над ухом и ощущения смыкающихся на шее челюстей.

ГЛАВА 23

Вскоре он услышал приближающийся звук тяжелого дыхания совершенно загнанного пса и топот подкованных ботинок гэпэушников, которые вполголоса о чем-то переговаривались. Судя по поведению собаки, она совершенно не знала, куда дальше вести людей, и это сопровождавших ее граждан безмерно злило:

— Ты что, Антошка, ее покормил, что ли? Смотри, она у тебя совсем мышей не ловит!

— Она и не должна мышей ловить, — пробурчал кто-то в ответ.

— Так она у тебя никого не ловит! Черт! След аж у Марсова поля потеряла... Ну все теперь пропало...

Шаги и голоса удалились, и Ленька, который так вжал голову в заледеневший мрамор, что протопил в ледяной корке дырочку, не веря свершившемуся, даже замер на минуту, думая, что судьба просто издевается над ним.

Нет — на самом деле стало тихо-тихо. Ленька осторожно приподнял голову и повернул ее в сторону улицы. Он медленно встал, очистил свою шинель от снега, поправил повязку из платка на рукаве, вздохнул тяжело, перекрестился, отдал земной поклон церкви и исчез в противоположном направлении.

* * *

Произошло действительно невозможное: собака, которая сразу же взяла след, потеряла его у забора, через который перелез Пантелеев. Агенты пошли наугад по Пантелеймоновской и каким-то невероятным образом не заметили лежавшего в тени человека, хотя он был пьян и истекал кровью. Иначе как везением этот случай не назовешь.

Тем не менее Леньке в очередной раз удалось скрыться, оставив, впрочем, в руках властей своего закадычного друга.

Анализируя потом накопленные богатейшие

материалы по делу пантелеевской шайки, многие после заметили, что Гавриков был более откровенен на допросах в первой бригаде угрозыска, чем на допросах у следователя трибунала Кондратьева. И это объясняется вполне реальными причинами: Гавриков тяжело пострадал — поистине, за двоих. Всякого рода методы, какие только имелись в распоряжении чекистов, были в полной мере применены к заключенному Гаврикову Дмитрию Яковлевичу, уроженцу деревни Буяны Подольского уезда. Дмитрию пришлось не раз встретиться с ненавистной ищейкой — Кондратьевым, который всю свою ненависть к преступной шайке и всю обиду за те часы бессильной злобы, которые ему пришлось пережить, обрушил на склоненную митяевскую голову.

Результатом этого явилось постепенное распространение агентурного сыска на те самые районы, которые являлись чуть ли не родными для Пантелеева. Очень часто после допроса Гаврикова Кондратьев оставался в своем кабинете и долго в недоумении смотрел на свою карту, потрясенный тем, что на самом-то деле Пантелеев все это время был буквально под носом у следователя и ходил по тем же самым улицам, что и он сам. Кондратьева по-своему восхищала эта, в принципе, нехитрая логика — находиться там, где тебя никто искать и не вздумает. Теперь же на самых верных квартирах Ленки были размещены засады, хозяева, их содержавшие, были арестованы, однако никто из них ничего нового следствию не расска-

зал. Все в один голос утверждали, что если и был у них Пантелеев, то не больше часа, а если даже и больше, то переночевал разок и скрылся в неизвестном направлении.

Агенты терпеливо томились по засадам, а из Гаврикова побоями и угрозами вытаскивали подробности о побеге, о том, где они прятались, о их новых, неизвестных еще следствию похождениях. Когда многотомная повесть, заполнившая не один десяток папок с бумагами, была окончена, Гавриков снова предстал перед судом.

Нельзя сказать, что процесс имел столь оглушительный успех, как это было в прошлый раз. Фигура «адъютанта» Пантелеева была, конечно, заметная, но не вполне самостоятельная. К аресту Гаврикова все относились как к поимке живой части Пантелеева, которая предвещала скорейшую поимку самого Ленки, но не более того.

Перед тем как доставить Гаврикова в здание трибунала, его постарались привести в божеский вид, насколько это было возможно. Дали новую одежду взамен заскорузлой от крови, выждали некоторое время, чтобы сошли синяки с его лица.

Дмитрий тревожно спал ночами, все прислушиваясь к коридорным шагам. Он первый подбегал к окошечку камеры, если кого-то из заключенных вели мимо. Гавриков лихорадочно вслушивался в межкамерную морзянку, пытаясь разобрать в новостях то, что касалось бы только его одного. Он всматривался в непроницаемые лица конвоиров, стараясь заглянуть им в глаза

и понять, не переменил ли кто своего отношения к нему по какой-либо причине. Короче говоря, Гавриков надеялся на чудо.

Надеялся он не только в своей сырой и холодной камере, которую теперь уже караулили день и ночь. Когда его посадили на знакомую уже скамью подсудимых, надеялся он и там. Он слушал речи обвинителей и защитника с блуждающей улыбкой, держался перед судебной комиссией с достоинством, следуя примеру, поданному когда-то его другом, отвечал на вопросы сдержанно и почти исчерпывающе.

Но откровенен до самого конца Гавриков все-таки не был. Два момента упрямо отрицались в его показаниях. Он настаивал на том, что после побега не принимал участия ни в одном деле Пантелеева, что, к сожалению, никто не мог ни опровергнуть, ни доказать, и, кроме того, всячески замалчивал любые сведения о том, каким образом и в каком направлении мог скраться Пантелеев. В то же время Гаврикову казалось, что не будет большой беды, если уголовному розыску станут известны некоторые явочные квартиры — нужно же было о чем-то рассказать. Ленька, по мнению Гаврикова, был слишком умен, чтобы беззаботно объявиться на своих постоянных квартирах.

Таким образом, даже будучи под арестом, Гавриков, как мог, старался не подвести своего друга. Он просто был уверен, что и друг постарается для него. И поэтому так отчаянно он вглядывался в лица сидящих в зале и напряженно прислушивал-

ся к происходящему в коридорах и на улице. Ведь если Ленька не объявился до сих пор, то теперь ему самое время было объявиться.

* * *

Гавриков не ошибся в друге. Ленька не стал даже и пытаться пойти на одну из любимых и вполне надежных явок, что были расположены так удобно от места его промысла — в центре города. Отсидевшись в том самом холодном заброшенном доме, который уже однажды приютил беглеца и его друга, с помощью перочинного ножа выковыряв застрявшую в мышце пулю, Пантелеев с наступлением ночи решился вылезти из своего логова, чтобы добраться до одной из удаленных квартир, которая находилась на Пряжке и редко им посещалась. Ленька вспомнил, что Гавриков об этой квартире не знал, а потому вряд ли о ней стало известно и гэпэушникам.

Осторожно миновав пустырь, перемахнув через забор, Ленька прокрался на улицу и попытался затеряться в шумной толпе, которая валила в направлении Невского. Несмотря на то что навстречу то и дело попадались люди в форме, Пантелеев без всяческих приключений дошел до проспекта Володарского, который был к тому времени уже пустынен. Скрепя сердце Ленька свернул на тщательно охраняемую Садовую и с ужасом увидел приближение патруля, когда бежать было уже некуда. Ленька быстро оглянулся, пытаясь выискать хоть одну зацепку на этом просматриваемом на-

сквозь проспекте. Он увидел бетонную тумбу, украшавшую подступ к воротам какого-то дома. Подняв воротник, он быстро сел на нее, уткнул подбородок в грудь и смачно захрапел.

Через минуту подошел патруль. Кто-то потряс Леньку за плечо:

— Эй, дед! Ты не видал тут молодца одного, роста среднего, волосы каштановые, шея длинная, ранен? Не видал?

Пантелеев, поздравив себя с тем, что додумался напаять на себя тулуп, поворочался, как внезапно разбуженный человек, и пробурчал измененным голосом:

— Не, хлопцы, не знаю я. Я сам три дни как из деревни...

Потом, зевнув, как ни в чем не бывало, снова сунул нос в воротник и прикинулся спящим.

— Он еще и глухой, я полагаю, — предположил один из патрульных. — Пошли, ребята.

И хруст снега под их сапогами прозвучал музыкой для вспотевшего от нервного напряжения Леньки, которому в который раз так поразительно повезло. Выждав две минуты, он, как заяц, петляя и ныряя из тени в тень, понесся к заветной квартире, не дожидаясь появления очередного патруля.

* * *

На квартире его ждал перепуганный насмерть хозяин — Кузьма Катышев.

— Лень, ты чего? — вытаращил глаза на запыхавшегося Леньку Кузьма, который был недавним

его знакомым и занимал двухкомнатную квартир-ку в доме инвалидов.

— Ничего, — буркнул Пантелеев. — Вели Варваре воды согреть да ужин сделать — я голоден и устал, как черт.

— Чего ж ты, Ленечка, устал? От ментов опять бегал? — раздался из соседней комнаты елеинный женский голосок.

Вслед за голосом показалась и его владелица — толстощекая девица, сожительница Кузьмы, да и Ленькина тоже, при случае.

— Ой, Варька, договоришься, — хмуро отозвался Кузьма, который не рад был появлению столь хлопотного гостя, но возражать против его посещения не смел.

Пока девица возилась с печкой, Пантелеев рухнул на кровать и посмотрел каким-то нездоровым взглядом на хозяина квартиры.

— Я у тебя, это, — откашлявшись, начал было он. — Поживу чуток...

— Чуток — это сколько? — хмуро поинтересовался Катышев.

— Чуток — это сколько надо, — отозвался Ленька, собирая оставшиеся у него силы для того, чтобы приподняться на локте и погрозить Кузьме револьвером.

Это оказало желаемое действие — взгляд Катышева немедленно потерял всю агрессивность и даже как-то потеплел.

— Ну и ладненько, — покладисто сообщил он. — Я покудова схожу за самогончой — ага?

Но, обернувшись назад, он обнаружил, что Ленька уже спит, как мертвый, прижав к себе револьвер, как последнего верного друга, который остался у него на этом свете.

* * *

А настоящий верный его друг, который был с ним во всех радостях и печалях, в богатстве и бедности, принадлежал сейчас к другому миру — миру подсудимых и потому Ленькой как реальность не воспринимался.

Между тем часы жизни Гаврикова начали отсчитывать то недолгое время, что осталось ему до момента приведения в исполнение вынесенного ему приговора. Тем не менее Гавриков не переставал верить, что в самый последний момент все же явится Ленька и выручит его — иначе ведь быть не могло. Как именно это произойдет, Гавриков себе слабо представлял. Но ведь это ни о чем не говорило — сколько ни находился Дмитрий рядом со своим «начальником», все равно Ленькина душа для него была не более чем потемки. А уж каким странным образом в этой голове зарождались дерзкие замыслы — о том одному черту было известно, и то — вряд ли. Гавриков думал, что совершенно неважно, как он будет спасен, главное, что Ленька это обязательно сделает — не может не сделать.

Именно поэтому Дмитрий совершенно спокойно выслушал приговор о расстреле и стал дожидаться своей участи. Он до самого последнего

момента не терял надежду и сохранял на редкость спокойное и безмятежное расположение духа, в отличие от других «смертников». Он даже последовал совету своего защитника и, желая хоть как-то оттянуть момент своей казни, написал под его диктовку прошение о помиловании.

Самыми трогательными по своей наивности строками в этом заведомо безнадежном документе были следующие:

«Преступления, совершенные при моем участии, ужасны и не должны иметь преград для наказания. Я в полной мере сознаю свою вину и искренне раскаиваюсь. Я только прошу уважаемых судей принять во внимание, что я молод и небогат жизненным опытом и находился целиком во власти Пантелеева...»

Несмотря на жалобы и просьбы, прошение о помиловании не было рассмотрено судом. На рассвете одного из дней накануне нового 1923 года Дмитрий Гавриков был расстрелян и умер в величайшем недоумении и разочаровании, что Пантелеев не явился спасти его даже в тот последний момент, когда раздались ружейные выстрелы, прервавшие Митькину жизнь. Гаврикову на тот момент едва исполнилось двадцать два года.

Пантелеев узнал о расстреле друга из газет.

ГЛАВА 24

Живя на квартире у Катышева почти как у Христа за пазухой, Пантелеев только делал вид, что он вполне безмятежен. Он любезничал с мест-

ными девицами — Варварой и ее подругой Светкой, играл на гитаре и пил самогон к полному неудовольствию хозяина квартиры, который уже успел позабыть щедрые Ленькины подарки в пору удачного периода его карьеры и видел в своем бывшем кумире источник всяческих неудобств. Пантелеев между тем только праздному наблюдателю мог показаться расслабленным, как домашний кот. Если бы кто-то, кроме пьяных девиц, удосужился заглянуть Леньке в глаза в те немногие минуты, когда он был один, то он мог бы увидеть в них только какой-то исступленный ужас и мрачную решимость. Природу этой решимости можно было и не разгадать, не зная, куда время от времени отлучается Ленька. Своим домашним он рапортовал, что просто выходит в поисках заработков — как бы они это ни истолковывали.

На самом же деле маршрут его отлучек был достаточно сложен, чтобы быть продиктованным какими-то будничными причинами. Сперва он появлялся возле одного из мелких магазинов, которых так много пооткрывалось во всех районах Питера. Место всякий раз было новое, но при желании можно было выявить некоторую закономерность.

Возле магазина, как правило, дежурила парочка беспризорников, кланчащих у прохожих мелочёвку и обкидывавших снежками проезжающих извозчиков. При появлении Леньки вся бесшабашная веселость слетала с них моментально и во всех движениях шпанят начинала сквозить нарочитая деловитость. С ними Ленька перекидывался

парой фраз и шел по своим делам дальше. Беспризорников же между тем словно ветром сдувало — так расторопно они бросались выполнять полученные поручения.

Дальше следы Пантелеева надолго исчезали где-то в районе центральных улиц, а затем он снова объявлялся где-нибудь на хазе, про которую еще не успела провести милиция. Там он оставался не более получаса, односложно отвечая на вопросы хозяев, и исчезал сразу же после того, как пришедший по его просьбе маклак давал ему хоть сколько-то денег за предложенное добро.

Где брал это добро Ленька, можно было только догадываться, потому что своими делами и планами он не делился больше ни с кем.

Лишь один дикий случай, который стал известен властям, показал в полной мере, каковы были теперь методы Пантелеева и насколько они отличались от прежних.

* * *

Тоша Иванов был тунеядцем. Это знали все — папа, мама и участковый. При всем этом он был тунеядцем прирожденным, и любые попытки заставить его хоть чему-нибудь научиться кончались ничем. Родители Тошу жалели — давали много карманных денег и отмазывали от милиции. Один только дедушка Семен Андроныч всякий раз, когда подвыпивший Тоша возвращался с очередного празднества, грозно потрясал пальцем и говорил нравоучительно:

— Антоний, поплатишься ты за свое безделье, головой поплатишься. Покайся перед господом!

На это Тоша неизменно отвечал, что бога нет и в судьбу он не верит, а хорошо живется только тому, кто делает это играючи.

Итак, Тоша в очередной раз проводил время «играючи», доказывая всем и себе, что веселиться надоедает только человеку без воображения. Весь бесшабашный загул, который начался к вечеру, а заканчивался уже ближе к утру, свелся в конечном итоге к тому, что Тоша завалился в «бал-рум» и познакомился там с какой-то девицей. Девушка оказалась настолько покладистой, что сама пригласила Тошу к себе домой. Девушка жила недалеко, но настояла на том, чтобы кавалер проводил ее непременно на извозчике. Тоше было приятно при случае посорить деньгами без всякой на то надобности, особенно если свидетелем этому была дама, поэтому он был даже рад капризу девушки и тут же при выходе из дансинга остановил извозчика, назвал ему адрес и пообещал накинуть сотенку, ежели прокатит с ветерком.

Покатили с ветерком — насколько это было возможно по дороге, расплывающейся кашей под сбитыми подковами несчастной лошадки. Не успели миновать и треть пути, как под копыта лошади кинулся какой-то сумасшедший, размахивая руками и крича. Возница хотел было его огреть плеткой, но вдруг так и замер с поднятой над головой рукой.

— Что там? — капризным голосом произнес

Тоша, привставая на своем месте и пытаясь разглядеть, что происходит.

То, что он увидел, его очень удивило: перед повозкой стоял дородный малый и держал в руках два револьвера, направленных прямо в лоб бедному извозчику.

— А ну, всем руки вверх! — грозно произнес налетчик.

Едва извозчик отпустил вожжи и поднял руки вверх, насколько это ему позволял громоздкий тулуп, как лошадь заржала, отпрянула, попыталась встать на дыбы, а потом вдруг рванулась с места и понесла, хрипя и высекая икры из мостовой.

— Ах ты, бестия! — раздался сзади крик отлетевшего в сторону бандита, и не успел Тоша порадоваться, что они так удачно избежали ограбления и теперь можно развлекать этим анекдотом своих знакомых, как за спиной его раздалось несколько выстрелов.

— Стреляет, черт, — весело воскликнул Тоша и вдруг осекся на полуслове.

Сидевшая рядом с ним дама с удивлением повернулась к нему и увидела только запрокинутое лицо и кровь, которая моментально промочила его щегольской жилет. Девушка закричала.

Пантелеев, который успел выругаться, перезарядить пистолеты и скрыться за углом, ее крика уже не слышал.

Когда об этом преступлении было заявлено в ГПУ, следователи недоумевали. Убийство было непонятным и бессмысленным в той же мере,

сколь и показательным для «нового» Пантелеева. Человеческая жизнь не имела больше для него ровно никакой ценности, и можно было убить кого угодно — просто так.

Именно бессмысленной жестокостью характеризовались все дела Пантелеева в тот период. Они не приносили ему какой-то особенной наживы и заканчивались практически всегда чьей-то смертью. Кто-то из следователей трибунала, послушав последние новости о скандальном налетчике, вынес вердикт: Пантелеев взбесился. Неизвестно, насколько это было далеко от истины.

Сам же Пантелеев в этот вечер остановил еще пару извозчиков и с лихвой компенсировал первую свою неудачу, о которой успел и позабыть. После он направился на квартиру к некоему Развееву, где иной раз с успехом происходил обмен материальными ценностями между ним и скупщиком. Поднимаясь вверх по лестнице, Ленька подивился непривычной и какой-то настороженной тишине, которая стояла на лестнице. В душе зашевелились неприятные предчувствия, но Ленька отогнал их, ведь по этой квартире сегодня к нему никакой информации не поступало.

Он постучал в нужную дверь и приготовился сказать пароль. Но дверь неожиданно отворилась, и не на шутку удивленный Ленька увидел дуло револьвера, которое смотрело ему прямо в лицо. Не прошло и секунды, как Пантелеев выхватил свой револьвер. Далее не было уже ничего, кроме грохота множества выстрелов, крика и порохового

дыма. Потом все стихло и медленно-медленно стал рассеиваться дым, вытягиваемый сквозняком с лестницы. Из квартиры выбежали несколько человек, которые с выражением крайнего напряжения на бледных от бессонницы лицах стали осматривать площадку.

— Черт, ушел! — наконец сказал один из них.

— Вот именно, что черт, — мрачно отозвался другой, с удивлением заглядывая в еще дымящееся дуло револьвера. — Надо же...

Пока агенты качали головами и удивлялись, как это им не удалось попасть с двух шагов в Пантелеева, он был уже далеко — бежал по направлению к Невскому, целый и невредимый, только очень взвинченный. Влетев на третий этаж общежития инвалидов, предварительно убедившись у коменданта, что хозяева дома и больше никого нет, Ленька ногой распахнул дверь и вошел в комнату, не позаботившись вытереть грязные сапоги. Впрочем, сделать замечание по этому поводу ему было некому — Кузьма Катышев был в квартире один.

— Где Варвара? — грозно поинтересовался Ленька у невозмутимого Кузьмы.

— К подруге пошла. А что за нужда? — будничным голосом поинтересовался тот.

— Точно к подруге? — с нажимом спросил Пантелеев.

Кузьма повернулся к Леньке всем корпусом, оторвавшись от своего занятия, и посмотрел на него поверх очков, наморщив лоб.

— Ты чего это? С цепи сорвался? Какого тебе ляда понадобилась Варька? — насмешливо поинтересовался он у Леньки.

— Да не больно и нужна она мне, — пробурчал Пантелеев, внезапно успокаиваясь. — А ты будто не знаешь, что в городе творится.

— А что творится? — снова наклонился над валенком, который он подшивал, Кузьма.

— Что-что. Ищут меня — вот что. Того и гляди вас всех переловят, а из вашей хаты сыскную берлогу сделают — всего и делов. Так что ты за Варькой присматривай, а то, не ровен час, ментовской подстилкой станет, — протараторил Ленька, разматывая шарф.

— Не бойсь. Мы тоже не лаптем щи хлебаем — понимаем, что к чему. И за Варю не переживай. Коли попадется, молчать будет, как рыба. Она ж по тебе сохнет — не видишь, что ли? — размеренно говорил Катышев, натирая воском дратву.

Последнее сообщение не произвело на Пантелеева никакого впечатления, но медлительный голос Кузьмы и тиканье ходиков оказали свое успокаивающее действие — Ленька вскоре уснул в обнимку с револьвером.

* * *

Он проснулся среди ночи — беспокойство взяло свое. Поднявшись с постели, Ленька прошлепал на кухню и остаток ночи размышлял за бутылью самогона о том, что происходит с ним и вокруг него. Сперва его мысли носили философический

характер и он то и дело пытался понять, куда заведет его эта скользкая дорожка. Когда оказалось, что ничего более или менее утешительного придумать не удастся, Ленька усилием воли изменил течение своих мыслей и стал думать о насущном и каждодневном. Насущными были две вещи — как бы побольше нагрabить и при этом не попасться.

Для реализации этого плана Пантелеевым и немногими из уцелевших его сторонников, по большей части — бандой беспризорников, — была развернута бурная деятельность. «Агентурная» работа была поставлена на поток. И если лучшие люди из ГПУ были поставлены на ноги и многие из агентов буквально не покидали сутками автомобилей, разыскивая явочные квартиры и выслеживая матерого волка, то два десятка плохо одетых и обутих чумазых подростков сбивались с ног, доставляя ежечасно свои донесения опальному кумиру. Донесения эти были достаточно одноплановы: информация по поводу того, какие из квартир провалены, на каких засели агенты с оружием, где кого арестовали и тому подобное.

Всякий раз выслушивая сообщение очередного запыхавшегося шкета, Пантелеев чувствовал неприятный холодок в сердце. Ему раньше и в голову не приходило, что его могут так обложить со всех сторон. Иногда явственно представлялось, что кто-то из гэпэушников буквально наступает ему на пятки и дышит в спину, но это было лишь следствием расшатанной нервной системы.

По поводу того, что грабеж в одиночку не приносит никакой прибыли, Пантелеев горевал уже

достаточно давно. И хорошо было известно, как с этим справиться. Не хватало сущей мелочи — нужных людей. И вот в один знаменательный день его «агент», вернувшись из длительной «командировки», с важным видом сообщил Леньке, что его ждут на «малине» у Жени.

Он отправился по указанному адресу, заранее позаботясь о том, чтобы запутать следы при помощи нехитрых уловок, которым он научился за долгие месяцы гонений.

На «малине» было шумно илюдно, и это Пантелееву было на руку. Он быстро затерялся в гоголющей толпе, зная, что те, кому надо, легко найдут его где угодно.

Ждать этого пришлось недолго. Через несколько минут к нему на продавленный диванчик подвели двое — Сашка Пан и Мишка Корявый. Пантелеев не видел их чуть больше месяца, но они очень изменились. В их облике совершенно не было ничего затравленного или неуверенного, как тогда, когда они бежали из тюрьмы. Оба лоснились, как породистые рысаки, оба были щеголевато одеты и самодовольны, как короли. Ленька почувствовал острый приступ зависти и недовольства собой — поношенная шинель и измученное постоянным страхом сознание невыгодно отличали его от двоих друзей.

— Искал? — начал Пан, с любопытством рассматривая осунувшееся лицо Пантелеева.

— Вот что, парни, — Ленька, несмотря на превосходство, которое сквозило в каждом движении Пана, одним своим тоном показал, кто на самом

деле хозяин положения. — Я подумал и решил, что пора бы нам немного посотрудничать. Я, вы знаете, лишился товарища.

Все вежливо вздохнули, Ленька же продолжал:

— Одному сейчас работать несподручно и слишком хлопотно. Пушить граждан на улице весело, конечно, но толку — ноль. А квартиру долбануть — надо посерьезнее подойти. Вы-то чем занимаетесь?

— Да, — неопределенно протянул Корявый. — Так, рыночки-магазинчики...

— Что, нормально навариваете? — деловито поинтересовался Ленька, доставая револьвер и начиная его осматривать, будто бы намереваясь почистить.

— Ну...

— Все ясно. Так как — возьметесь со мной подельничать, али я кого попроще поищу? — твердо спросил Пантелеев, громко защелкивая на место барабан.

Пан, рассматривая начищенное голенище своего хромового сапога, раздумывал не более минуты. Его польская натура и принадлежность к великому когда-то преступному клану Панов делала его высокомерным и манерным. Как говорится, к нему просто так было не подкатить. Но, кроме этой показушной своей важности, Сашка обладал еще и достаточно здравым умом. И когда кончались «понты», а начиналось дело, этот здравый ум вовремя подсказывал, в какую сторону нужно поклоны бить.

Сашка не мог похвастать тем, что нынешний

состав его банды идеален. Мишка, при всей своей бесшабашности, не обладал ровным счетом никакими талантами, а талант вору был необходим, по мнению Пана, не меньше, чем балерине. Мишка крал бездарно и пошло, приводя ярого эстета от криминала в ужас.

— Миша, что ты делаешь? Ты зачем попер этот капор у несчастной бабы? — негодовал, бывало, Пан после очередного посещения какого-либо рынка.

— А что? Она зазевалась — и вот...

Короче, Мишке было все равно, как и что красть. Он мог успешно поучаствовать в ограблении ювелирного магазина, а на следующий день попасться на краже белья с веревки в каком-нибудь захолустном дворе. А Сашку такое нестабильное положение вещей совершенно не устраивало.

В верхней части «табели о воровских рангах», в представлении Пана, находился Пантелеев. Это был негласно признанный король воров и даже в нынешнем его положении упадка и повышенном внимании к нему властей был великолепен. Леньке это было неизвестно, но Пан по возможности следил за всеми новостями о Пантелееве, которыми была полна воровская «светская хроника». От его напряженного внимания не ускользнули даже история с невнимательной собакой и случай с мнимым дворником, что лишний раз убедило Пана в одном: Ленька — вор от бога и на эту лошадь еще можно делать ставки. И заполучить Пантелеева в партнеры было заветной мечтой Пана, но его гипертрофированная гордость не давала Сашке ни-

какого шанса сделать первый шаг. А здесь — такой счастливый случай...

— Ну, как тебе сказать, — немного лениво протянул Пан, который на самом деле разволновался чрезвычайно. — Мы, конечно, и так неплохо себя чувствуем — ты видишь. Но попробовать можно. Отчего ж не попробовать?

— Вот и чудненько, — Ленька поднялся. — Я пока посмотрю, как там у меня с наметками. Ежели что проклюнется, я вам дам знать. В принципе, на первый случай можно на извозчиках поразмяться. Если хотите, конечно.

— Размяться — это дело, — потянувшись всем телом и хрустнув парой суставов, радостно произнес Мишка Корявый.

Сашка Пан искоса посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Ладно, парни, — поднялся Ленька, кинув взгляд на настенные часы. — Пора мне сматываться. Ежели вы серьезно хотите со мной поработать, тогда завтра приходите к девяти вечера на Стрелку — там все и обмозгуем.

— Заметано, — важно кивнул Сашка вслед удаляющейся фигуре и повернулся к Мишке. — Что, брат, теперь у нас с тобой начнется самая что ни на есть настоящая жизнь.

* * *

Намерение трех замечательных парней воплотились в реальность очень даже скоро. И при этом неожиданно выяснилось, что эти трое словно со-

зданы друг для друга и во всем друг друга дополняют. Сашка понимал Ленькины замыслы совершенно без всяких комментариев с его стороны — и это устраивало обоих. Пан никогда не перечил и был столь же невозмутим, сколь и полезен в трудную минуту. Корявый же уравнивал эту криминально-интеллектуальную пару своей «сырой» грубой силой и бесшабашностью, с которой он мог залезть хоть к черту в пасть, хоть к менту на рога — лишь бы впереди были два жоака.

В общем, Питеру снова пришлось жить в трепете — на этот раз от наглости и жестокости новоявленной банды. Единственное, о чем бандитам приходилось сожалеть, так это о том, что они не встретились в лучшие времена. Теперь Ленька был буквально обречен, а потому разделять с ним славу было то же самое, что напроситься в компанию приговоренного к смертной казни.

Дела, которые проворачивала мобильная и компактная шайка, были незатейливы и не предполагали большой подготовки. Это были обычные налеты на извозчиков, во время которых с граждан снималось все подчистую, или же — вооруженные ограбления квартир, которые не были ни хорошо продуманы, ни грамотно подготовлены. Если раньше Ленька предпочитал работать чисто, без сучка, без задоринки, да так, чтобы по возможности меньше оставлять следов, то сейчас он будто бы издевался над выбивающимися из сил органами правопорядка. Те буквально висели у него на хвосте и ходили за ним по пятам, но толь-

ко и видели, что разграбленные квартиры, раздетых, раненых и все чаще — убитых обывателей. И ничего не могло спасти людей от гибели — ни замки, ни двери, ни светлое время суток. Только стоило им оказать хоть малейшее сопротивление или хотя бы жестом обозначить свое желание защитить добро от посягательств, они немедленно и без лишних слов получали пулю в лоб. Таков был новый метод работы Ленки Бешеного.

Общественное мнение негодовало, вышестоящее сыскное начальство спускало директивы и таскало ответственных «на ковер», лучшие агенты уголовного розыска были объединены в ударную группу ГПУ, но пока все было безрезультатно, шайка продолжала свою деятельность, как ни в чем не бывало. Этот период в «послужном списке» Пантелеева был самым громким и самым ужасным по своим конкретным результатам. За один только месяц — с середины января по середину февраля — Ленка со своими новыми сообщниками совершили 20 уличных налетов, 15 вооруженных квартирных грабежей и 10 убийств. И эти цифры могли быть и больше — запала у храбрых парней хватило бы еще не на одно громкое дело. Но всему рано или поздно наступает конец.

* * *

Он устал, он просто смертельно устал от всей этой ужасной и беспросветной жизни. Он грабил и убивал, продавал краденое и напивался. Он видел

вокруг себя восхищенные лица людей, которые были потрясены его отвагой, наглостью и бесшабашностью. В минуты истины, которые наступали обычно в тот момент, когда в бутылке не оставалось уже вина, Пантелеев с невыносимой отчетливостью понимал, что он уже давно перестал быть человеком. Он стал какой-то машиной для убийств, которой не свойственны ни мысль, ни чувство. Он пытался понять, что из этого выйдет, пытался увидеть будущее, хоть самое близкое, и с ужасом понимал, что впереди — кирпичная стена — и только. Ленька знал, что умрет, и умрет очень скоро, и, как заведенный, гнал и гнал себя к смерти с ужасающей скоростью и беспощадностью к самому себе. Он был, как осенняя муха, которая кусается от того, что больше этого делать не придется.

Когда же он трезвел — а это случалось редко, — он чувствовал, с какой невыносимой жадностью ему хочется жить — именно сейчас, когда уже все практически потеряно. Он был так молод и так мало успел пожить по меркам обыденной жизни! По меркам же жизни преступника, он исчерпал свой лимит почти полностью. Можно удивляться, отчего же он не бежал из города? Почему не скрылся, не лег на дно? Но Пантелееву никогда и в голову не приходила такая мысль — быть пойманным где-то на границе, унижить себя позорным отступлением. Можно сказать так: он выбрал судьбу умереть в драке.

Между тем его дни, сколько бы их еще ни осталось, были полны деятельности настолько бурной, насколько это вообще можно себе вообразить. В свободное время, когда не производилось никаких налетов и ограблений, Ленька метался по городу, петляя и путая следы. Началась эта бесприютная жизнь с того самого момента, когда провалилась его последняя надежная берлога.

В один прекрасный по-своему день, когда еще многое казалось Леньке не таким мрачным, а именно — 30 декабря, в комнату инвалида Катышева постучали.

Катышев в это время вытирал посуду, а Ленька лежал на диване, по своему обыкновению задрав ноги на спинку и обнявшись с гитарой. Его окружали две девицы — Варвара, которая держала его голову на коленях и накручивала на пальчики локоны, и Валентина, ее подруга, которая, присев в изножье, расплетала косу, потупив глаза.

— Да, — крикнул Пантелеев, прервав на середине какую-то балладу. — Войдите, не заперто.

Минуту помедлив, в комнату ввалилась делегация из смущенных местных жителей во главе со старостой этажа.

— Слушай, Кузьма, — начал он, теребя в руках потертый картузик. — Мы тут с товарищами сговорились и пришли спросить у тебя: кто этот гражданин, который проживает у тебя уже две недели?

— А вы у него и спросите — вона он, развалил-

ся, как барин, — ворчливо отозвался Кузьма, составляя горкой тарелки.

Все повернулись к Леньке, который отложил гитару, шуганул девушек и встал, просунув ноги в валенки.

— Ну, перед кем надобно ответ держать? — бодрым голосом спросил он, подходя поближе и оправляя гимнастерку под ремнем. — Тебе, что ли?

Староста этажа боязливо попятился, оглядываясь на товарищей, что-то в гражданине его очень напрягало.

— Может, тебе и документы мои показать? — еще более напористо спросил Пантелеев, засовывая руки в карманы.

Этот жест присутствующим крайне не понравился.

— Ладно комедию ломать. Видали мы твои документы. Ты — Пашка Иванов, шофер Михайловского гаража, так что с того? От тебя всю дорогу самогонкой пахнет, а не бензином, — проговорил кто-то из толпы. — Ладно препираться-то. Пойдем-ка лучше в красный уголок — там тебя ждут.

Ленька оглянулся на Катышева, стараясь прогнать из взгляда растерянность и нерешительность. Потом провел пятерней по волосам и бесшабашно сказал:

— А и пошли, — и вломился в толпу, подвигая своей могучей грудью растерявшихся вконец инвалидов.

Вся толпа, гудя, как рой, повалила по коридо-

ру в сторону комнаты, предназначенной для проведения культурного досуга. Там было натоплено илюдно. Посередине за столом сидел начинающий лысеть человек с пшеничными усами. Увидя входивших, он поднялся из-за стола и представился, обращаясь преимущественно к Леньке:

— Товарищ Громов, нарсудья Василеостровского района. Присаживайтесь, товарищ Иванов.

— Спасибо, не рассиживаться пришел — постою, — отозвался Ленька, быстро окидывая глазами помещение и стараясь стать спиной к окну. — Зачем звали-то?

Товарищ Громов настороженно посмотрел на Леньку и, откашлявшись, начал:

— По имеющимся у нас данным, в комнате номер двадцать три, закрепленной за инвалидом Катышевым К. И., в течение двух недель проживает некто Иванов П. П. У товарища Иванова, принадлежащего к шоферской профессии, ничего общего с сыском или защитой нашей Родины не имеющей, находятся два револьвера — один «наган» и один «браунинг». По распоряжению комиссии нарсуда я уполномочен проверить у вас документы на право ношения огнестрельного оружия, которое распространяется только на отдельные категории граждан, — Громов поднял глаза от листа и спросил не менее официально: — Вы, товарищ, имеете эти документы? Предъявить их присутствующим готовы?

Ленька помедлил минуту, прищуренными глазами глядя куда-то в стену, потом же широко улыбнулся и спокойно сказал:

— Отчего не предъявить? Предъявлю. Только не при таком скоплении народу — что это вам, цирк, что ли? Пройдемте в канцелярию — там вы все и засвидетельствуете документально.

И, не дожидаясь ответа, Пантелеев повернулся спиной к народному судье и стал протискиваться к выходу. Инвалиды расступились, пропуская Леньку и поспешающего вслед за ним Громова. Выйдя в коридор, Ленька натолкнулся первым делом на двух взволнованных девиц, которые, судя по всему, собирались куда-то уйти. Варвара, увидя Леньку, метнулась к нему, протягивая шинель:

— На вот, голубь, накинь на плечики-то, а то рану застудишь по сквознякам шаландаться, — пролепетала она и так и осталась рядом с Пантелеевым.

Валентина, краснея, пристроилась с другого бока, и все втроем они пошли к лестнице и стали спускаться на первый этаж, где находилась канцелярия. Возбужденная ватага инвалидов поспешала за ними. Однако, достигнув первого этажа, Ленька спокойно миновал дверь в канцелярию и пошел прямо к выходу.

— Эй, товарищ! — слышалось сзади. — Вы не туда — канцелярия направо!

Ленька даже не обернулся.

— А ну стой! — раздался вслед за этим грозный голос Громова. — А то свистеть буду.

Пантелеев остановился и не спеша обернулся.

— Ну и свисти. А я тогда стрелять буду.

И действительно, присутствующие, к своему

ужасу, увидели в его руках два пресловутых револьвера и остановились, пытаясь погасить инерцию давящих сзади.

— Товарищ Иванов, — еще более грозно окликнул Леньку народный судья. — Вы что себе позволяете?!

— Я бы попросил, — недовольным тоном отозвался Ленька, пытаясь к выходу. — Не Иванов, а Пантелеев. А позволяю я себе то, в чем мое право.

И, не считая нужным продолжать, Пантелеев подхватил своих девиц и устремился с ними на улицу.

Когда всеобщий шок миновал, толпа ожила и, гомоня, повалила на улицу. Единственное, что им удалось увидеть, это двух сидящих в конце улицы на снегу и плачущих девушек.

ГЛАВА 25

— Ну так и что? — торопил парня господин, нервно поглядывая на приближающийся патруль.

— Да все, как вы говорили, — переминался с ноги на ногу длинный подросток, судорожно сглатывая слюну. — Через неделю — моя очередь дежурить.

— Отлично! На тебе тысячу и действуй, как я тебе говорил.

— Не получится, наверное, — басил подросток.

— Это почему?

— Мне покедова важные объекты не доверяют. Меня к черту на рога дежурить посылают.

— Не дрейфь. Черкани-ка адресок вот сюда...

— Да я же писать не умею, — прогнусавил обиженный беспризорник.

— А, — опомнился господин. — Тогда диктуй.

11 февраля 1923 года

Сидя на парапете Невы, Ленька равнодушно смотрел в воду и старался не думать о том, что ему нужно уже идти. Потому что идти он не мог. Он не спал уже около двух суток и без отдыха бродил по городу, ища убежища. Его малолетние агенты были в отчаянии — они не могли сообщить ему ничего обнадеживающего касаясь его «владений». Каждый день заканчивался тем, что проваливалась очередная хаза. Вздумав подсчитать, сколько по городу одновременно сделано на него засад, Ленька пришел в ужас, навскидку он насчитал что-то около двадцати.

Он вглядывался в свое отражение в воде и ужасался.

— И эта мрачная, грязная, с проваленными щеками — и есть моя физиономия? — грустно произнес он вслух и, спохватившись, огляделся.

Никого рядом не было. Тогда он вытащил револьвер и выпустил пару пуль в свое отражение. Засмеявшись нездоровым смехом, Ленька спрыгнул на мостовую и, насвистывая, пошел по улице по направлению к центру, в надежде встретить там кого-то из своих. Он давно уже не имел вестей от подельничков, но знал, что тем тоже приходится несладко.

— Все мы под богом ходим, — философски изрек Ленька, зло пиная какую-то льдинку. — А вы что хотели? Это вам не игрушки.

Ленька посмотрел на низкое темнеющее небо и усмехнулся. Потом он поднял воротник повыше и пошел быстрее, стараясь взять себя в руки и успокоить не в меру расшалившиеся нервы. В это время он был на грани нервного истощения, мания преследования разрасталась в нем все сильнее.

Вот он свернул в Столярный переулок, поминутно оглядываясь и стараясь держаться поближе к домам. Навстречу не попадался никто, но все равно его душа была в смятении. Было неуютно и тревожно, и это болезненное состояние усугубилось с наступлением темноты. Наконец Леньке стало мерещиться, что позади него крадутся агенты ГПУ, перешептываясь и хихикая над его наивностью.

— Это ничего, ничего, — стискивая зубы, шептал себе под нос Ленька, засовывая руки в карманы, где лежали шпалеры. — Это мы еще поглядим...

Он резко обернулся и увидел метрах в десяти от себя какого-то матроса. Тот от неожиданности остановился и уставился на Пантелеева с недоумением.

— А, с-сука! — прошипел Ленька и несколькими выстрелами уложил матроса, который так и не успел понять, за что он убит.

— Что, съели? — гогоча, крикнул Пантелеев в темноту.

Потом с минуту постоял, словно ожидая ответа, и, глянув по сторонам, снова зашагал вперед, размахивая руками.

Он добрался до угла Лиговской улицы и сразу же увидел там ожидающего его мальчика.

— Леня, у Марата свободно еще, но, может, не надолго. Туда Мишка с Сашкой придут, они тебе просили передать, что Кошелев дал квартиру на Десятой роте.

— Спасибо, шкет, — кивнул Ленька и дал ему целую пачку табаку.

Дойдя до означенной хазы, он ввалился в сени и сразу потребовал себе самогону. Не разуваясь и не раздеваясь, он мрачно выпил всю бутылку в три приема и, сев возле печи, выключился, выставив перед собой пистолет со взведенным курком.

Немногие присутствующие молчали, со священным ужасом наблюдая сопящего и ворчащего во сне Пантелеева и ярко представляя себе, что будет, если ему во сне привидятся менты. Некоторых эта сцена не воодушевила, и они поторопились откланяться.

Не прошло и получаса, как Леньку растолкал сам Марат, не побоявшись грозно торчащего ствола:

— Леня, к тебе пришли.

Пантелеев вскочил на ноги и воспаленными со сна глазами уставился в пространство перед собой.

— Тихо-тихо-тихо, — легла ему на плечо чья-то сухая и сильная рука. — Не надо так напрягаться.

Ленька сфокусировал свое внимание на гово-

рившем и увидел перед собой улыбающееся участливое лицо по-прежнему элегантного Сашки Пана.

— Что, Леня, худо тебе? — спросил тот.

— Ой, Саня, не говори — худо, — согласился Леня, расслабляясь и опускаясь на лавку.

— Ну, не вешай нос — все еще наладится, — уверил его Саня.

Из-за его спины вдруг показался Мишка, рябое лицо которого просто светилось простодушием и счастьем. Увидев его широкую улыбку, Леня и сам разулыбался:

— Ну, вы-то, я смотрю, не унываете, — констатировал он, утирая пот со лба ребром ладони. — Что слышать-то?

— Слышать, конечно, разное, больше плохое, что и говорить, — деловито начал Пан. — Однако ежели есть желание, то можно еще одно дельце сработать.

— Что за дельце? — сразу же заинтересовался Пантелеев, который радовался любой возможности отвлечь себя от мрачных мыслей и предчувствий.

— Квартирка. Ты помнишь зазнобу свою — Варвару Кошелеву? — продолжил Пан.

— Ну.

— Так вот эта сердоболочка братана своего, Степку, развела на квартирку. Он там живет, и ему, конечно, это опасно. Кроме него, там еще семьи две или три, и притом — богатенькие. Особенно парочка одна — ученый какой-то с женой. Пойдем?

— Еще бы не пойти, — воодушевленно ответил Ленька и принялся чистить свои револьверы.

Только он успел собрать один, как в комнату влетел бледный хозяин и пролепетал:

— Быстрее! Смывайтесь! Гэпэушники!

Два раза повторять не пришлось, все похватали свои вещи и кубарем выкатились по железной пожарной лестнице на улицу.

— Действовать надо сейчас же, — крикнул Пантелеев, на бегу перезаряжая стволы.

— Ладно, — кивнул Пан и свернул, пытаясь срезать дорогу к нужному дому.

Добежав до места и как следует отдышавшись, они поднялись наверх.

— Подождать надо. Сейчас собаку пустят, — прошептал Пан.

Пантелеев, который было уже протянул руку к звонку, отдернул ее и кивнул.

* * *

Прибыв по указанному адресу, Кондратьев не стал задерживаться на пороге и слушать доклад дежурящего на входе бойца.

— Сам посмотрю, — отмахнулся Савелий, быстро проходя в коридор. — Где это?

— Налево, — показал боец. Кондратьев вошел в квартиру, из которой доносился чей-то монотонный голос:

— ...нижеподписавшиеся приступили к осмотру места происшествия. Дом номер двенадцать по Десятой роте — пятиэтажный, каменный, имеет

вход с улицы через маленький двор. Квартира за номером четыре находится в коридоре третьего этажа, вход в нее — с лестницы влево. При входе в квартиру — первая комната, передняя, супротив нее — ванная комната, налево от передней маленькая комната, где живет гражданка Кузьмина Надежда. Рядом с маленькой комнатой находится комната средних размеров с двумя окнами, выходящими на двор. Окна закрыты и занавешены. В последней комнате жили потерпевшие граждане: Романченко Роман Филиппович и Романченко Раиса Дмитриевна...

Кондратьев вошел в комнату и увидел там несколько человек, каждый из которых занимался каким-то делом. Кто-то стоял на лесенке в верхнюю галерею и что-то измерял рулеткой, кто-то, шагая по гостиной, отмечал что-то в блокноте, кто-то сидел за столом и писал под диктовку.

К своему неудовольствию, Кондратьев увидел, что все уже убрано и ему самостоятельно не удастся осмотреть место происшествия. Наметанным глазом он выделил из толпы главного и позвал его к себе.

— Савелий Кондратьев, агент угро, — представился он.

— Ответственный дежурный по уголовному розыску Шилов, — отрекомендовался товарищ.

— Ну, каковы результаты? — хмуро поинтересовался Кондратьев, доставая из портсигара папиросу.

— По прибытию на место происшествия и при осмотре обнаружено следующее. Зимин, записы-

вайте, — начал Шилов. — При входе нашем в квартиру мы застали врачей «Скорой помощи», которую вызвали, очевидно, соседи. По сей причине мы не смогли застать нетронутым место преступления и довольствовались показанием врача и свидетелей. К моменту прибытия «Скорой» на полу в передней лежал со слабыми признаками жизни гражданин Романченко, у которого обнаружилась огнестрельная рана в голову, мы потом осмотрели. Рядом с ним лежала его жена — гражданка Романченко, раненная в правую сторону груди повыше соска. Около пострадавших лежала груда кровавых тряпок, на полу заметны кровавые пятна со сгустками — это мы еще застали. Опросить пострадавших не удалось, так как их надлежало немедленно отправить в больницу для оказания квалифицированной медицинской помощи, что сделала «Скорая помощь», направив обоих пострадавших в Александровскую больницу.

— Там они сейчас и находятся? — спросил Савелий, рассматривая побуревшие уже следы крови на полу.

— Так точно, — ответил Шилов.

— Жить будут?

— Врач сказал, что состояние их тяжелое, так что вряд ли они даже придут в себя. Но я послал на всякий случай одного агента, чтобы он снял показания.

— Понятно, — еще больше мрачняя, сказал Кондратьев. — Что вы сами нашли?

— Ну, кроме тел пострадавших, влево от двери в передней на полу обнаружена убитой собака,

принадлежавшая гражданину Романченко. Рядом с собакой лежал небольшой колун. Мы его хотели на предмет отпечатков рассмотреть, но, по словам гражданина Кошелева, налетчиками этот предмет как орудие не употреблялся. Ну, комната — как видите...

Он сделал красноречивый жест, и Кондратьев кивком подтвердил, что здесь уже комментариев не требуется.

В комнате, где жили потерпевшие, царил полнейший разгром. Везде виднелось множество разбросанных вещей. Они были вынуты, по всей видимости, из шкафов и комода, открытых настежь. Вещи были повсюду, они покрывали сплошняком пол и стол, стоящий посреди комнаты. Ходившие путались в тряпках и кружевах, сидевший за столом то и дело отодвигал наползающие на него платья.

— А там что? — спросил Савелий, заглядывая в видневшийся справа от входной двери проход.

— Эта дверь ведет в верхние комнаты, — отозвался следователь. — Хотите глянуть?

Савелий не ответил и пошел в дверь. Шилов поспешил за ним, отдав вполголоса какие-то распоряжения писавшему человеку.

— В верхних комнатах находятся всевозможные ценности потерпевшего, — на ходу сообщал дежурный Кондратьеву. — Его научная библиотека, картины и различные вещи. Там произведен разгром, все крупные вещи с места сдвинуты, и комоды, и шкафы открыты. Здесь тоже поорудовали на славу.

Кондратьев быстрым шагом обошел комнаты, обнаружив здесь ту же картину, что и внизу, и, повернувшись к Шилову, поинтересовался:

— Что найдено относительно дела? Какие следы, отпечатки, что?

— Как вы видите, электрическое освещение квартиры не в порядке, тщательный осмотр произвести до завтра невозможно. При поверхностном осмотре ничего относящегося к делу не найдено, никаких следов пальцев или отпечатков не замечено. Имеются свидетели, — Шилов едва поспевал за быстрым Кондратьевым. — По словам Кошелева, налетчиков было трое, вооруженных «наганами» и «браунингами». По его же словам, налетчики появились в половине второго ночи. Гражданка Романченко как раз пошла с собакой на улицу для прогулки. Налет продолжался часов до пяти, ушли они из квартиры в двадцать минут шестого.

— Список украденных вещей имеется?

— Пока нет. Без показаний потерпевших точный список украденных вещей составить не удастся.

— Так вы что, совсем никаких мер не принимали? Просто пришли, посмотрели и все? — с раздражением спросил Кондратьев, ненавидящим взглядом буравя молодого следователя.

— Ну почему же, — запинаясь от смущения, начал тот. — Вызван агент с собакой Аргус. Собака пущена по следу, ждем результатов. Убитая же собака отправлена на экспертизу — чтобы установить марку револьвера и калибр.

— Хорошс, — беря себя в руки, отозвался Савелий. — Комнаты верхнего этажа онечатать впредь до распоряжения. Оставшиеся вещи сдать на хранение соседям.

Кондратьев повернулся к выходу и, проходя мимо кровавых пятен в комнате, судорожно выпалил:

— Ты уже перешел пределы, всяческие пределы перешел...

* * *

«Акт о работе собаки Аргус. 1923 года 11 февраля в 8 часов утра я, агент-проводник Александр Смирнов с собакой Аргус, совместно с агентом Финк и другими, по распоряжению ответственного дежурного Шилова, который и сам лично выезжал на место происшествия грабежа и налета на квартиру гражданина Романченко Романа Филипповича, проживающего в доме № 12 по 10 роты, кв. 4.

Налет происходил посредством выжидания, когда выйдут выпускать квартирную собаку. Ворвавшиеся трое злоумышленники похитили разные ценные вещи и, двоих раня, ушли с места разгрома. Была пущена собака, которая выйдя на улицу, пройдя напротив к Забалканскому проезду, дом № 8, там стала терять след, что и заверено присутствующими лицами. Акт передан в приложение протокола для дальнейшего расследования».

* * *

Произведя этот налет, Ленька вдруг почувствовал, что он буквально оживает. У маклака им удалось выручить приличную сумму денег, так что, даже разделив ее на три равные части, все остались довольны. К тому же, почувствовав снова успех, власть и силу, Ленька подумал, что предчувствие конца — это только нервы. Впервые за последние несколько недель он чувствовал себя вполне счастливым, и даже глаза его смотрели совсем по-другому. Эту благоприятную перемену заметил наблюдательный Пан. Сгребая со стола свою долю драгоценностей и денег, он, лукаво улыбаясь, спросил:

— Ну, что, Фартовый, полегчало тебе?

Вместо ответа Ленька развел руками и улыбнулся так, как уже давно не улыбался.

— Вижу — полегчало, — констатировал Сашка, подмигивая Корявому. — И что ты теперь намереваешься делать?

— Ну, перво-наперво — оденусь пофрантовой, — начал мечтать Ленька. — Негоже такому парню в обносках шкандыбать. А потом поеду к Лильке Белошвейке да как следует выдыхнусь. Устал я что-то. А там — поглядим.

— И то дело, — согласился Пан. — Погуляй пока пару денечков, а там свидимся.

На том и разошлись.

* * *

Известно, что Пантелеев проводил последующий за этим день именно так, как и обещал. Он потратил некоторое время, выбирая себе одежду

«пофрантовей». Потом разузнал, свободна ли заветная квартира. Потом — мылся, ел и спал.

Неизвестно, что делал Сашка Пан, но предположительно — что-то подобное.

Третий же член банды — Мишка Корявый — тоже отрывался, как умел. Его несколько угнетала компания слишком уж мудреных на его вкус товарищей, и он бывал неизменно рад хоть немного отдохнуть от их общества, часам, когда его предоставляли самому себе, и использовал такую возможность на всю катушку.

Прошвырнувшись по злачным местам и заметив, что вокруг выются шпики, он благоразумно решил, что гарцевать на виду у всех ему совершенно негоже — лучше отсидеться где-нибудь до утра, а уж завтра...

Он наскоро прикинул, где его в этот час еще могут принять, и направился к каналу Грибоедова, в Столярный переулок, где так любил бывать когда-то Пантелеев. Поднявшись, Мишка позвонил в квартиру, ворча что-то по поводу оглоедов, которые не могут починить освещение на лестнице.

В квартире раздались осторожные шаги, и дверь приоткрылась.

— Входи, — услышал Мишка какой-то незнакомый голос.

Было совершенно темно, и ни лица, ни фигуры говорившего не было видно совершенно. Мишка уже занес было ногу, чтобы шагнуть внутрь. Дверь распахнулась сильнее, так что открылась тускло освещенная анфилада комнат, и Корявый замер

на месте, напряженно всматриваясь вглубь. Тишина и будто разлитое в воздухе напряжение вдруг ощутились Мишкой с небывалой отчетливостью. Он повернулся и, крадучись, пошел прочь от странной квартиры. Тотчас же он расслышал за спиной щелчок, который бывает только при осечке револьвера. Мишка вздрогнул и бросился бежать вниз по лестнице, на ходу доставая из-за пояса свой «браунинг».

— Стой! — загремело наверху.

— Ага, сейчас, — буркнул Мишка, поворачиваясь и стреляя в бегущего по лестнице.

В мелькнувшей на секунду вспышке, которая осветила их лица, они увидели друг друга: Мишка — открывшего рот агента, агент — улепетывающего Мишку, и снова все погрузилось во тьму. Этой секунды хватило преследователю, чтобы узнать в убегающем подельника Пантелеева, и потому его прыть удвоилась.

Мишка вылетел во двор, направляясь к калитке, и увидел, что у калитки дежурит дворник.

— А, черт, — ругнулся Корявый, лихорадочно осматриваясь по сторонам.

Он увидел большую кучу снега и в последний момент юркнул за нее. В это же мгновение подъездная дверь распахнулась и появился агент, который не успел опомниться, как был буквально засыпан градом пуль. Он дернулся, но бежать ему было некуда, оставалось только отстреливаться.

В завязавшейся перестрелке у Корявого было очень весомое преимущество. При равенстве прочих условий, Мишка находился в тени и за кучей

снега, агент же стоял на виду, освещаемый тусклой керосиновой лампочкой, что висела над подъездом. Пули взрывали рыхлое древо бревенчатого сарая, к которому он прижался спиной, не долетая до головы гопэушника каких-то пару сантиметров.

— Сдавайся! — вопреки всякой логике крикнул тот.

— На-кась, выкуси! — отозвался Мишка, который, к радости своей, заметил, что дворника как ветром сдуло.

— А черт, — костерил агента Корявый, — заколдованный ты, что ли? — и продолжал лупить по нему из пистолета, не теряя надежды хотя бы ранить его. В этот момент Корявому было невдомек, что ему надо было в свое время тщательнее выбирать себе оружие. Как впоследствии выяснилось, ствол его пистолета был искривлен.

Тем не менее агенту не повезло — одна пуля уже задела его. Но тут случилось то, что должно было случиться: у обоих разом кончились патроны, причем восемь выстрелов из «кольта» агента и двенадцать — из «браунинга» Корявого были выпущены в белый свет, как в копеечку, и не оказали никакого мало-мальски заметного влияния на исход битвы.

Повисла гробовая тишина, и ни один из них в первые мгновения даже не пошевелился, не веря в происшедшее. После этого агент стал лихорадочно перезаряжать свой «кольт», Корявый же, выпалив:

— Пуля — дура, штык — молодец! — кинулся бежать.

— Стой, зараза! — крикнул агент, пытаясь справиться с перекосившимся, как на грех, патроном.

Ему на помощь уже бежали его коллеги, дворник и какой-то прохожий, но все это было уже ни к чему. Корявый, от быстроты ног которого зависла сейчас его жизнь, уже скрылся за поворотом.

ГЛАВА 26

13 февраля 1923 года

Пантелееву снился сон. Он плывет по реке против течения, и это ему делать очень трудно — горячие волны захлестывают его, глаза щиплет, трудно дышать. Вдруг он видит перед собой бревенчатый плот, на котором сидит Гавриков и смотрит в сторону. Ленька кричит, зовет друга на помощь, но плот медленно проплывает мимо, и Гавриков его не замечает. Ленька начинает захлебываться горячей темной водой, но тут вдруг слышит чей-то тревожный голос:

— Леня!

Ему кажется, что голос идет из-под воды, но вскоре он понимает уже спросонья, что его кто-то зовет совсем рядом.

Когда Пантелеев открыл глаза, то был безумно рад тому, что сон кончился и он видит перед собой живого человека, хотя и такого встревоженного.

— Привет, Миха, — улыбнулся Пантелеев Ко-

рявому, ощущая между тем оставшийся ото сна неприятный осадок. — Ты чего орешь, как оглашенный, в такую рань?

Он приподнялся на локте, огляделся и нахмурился:

— И вообще — что ты тут делаешь? И где моя мадам?

— Ой, Леня! — сморщил нос Корявый. — Какая мадам, о чем ты говоришь? Ты тут спишь, а твоих товарищей убивают!

Пантелеев, которому в последнее время было вообще не до шуток, тут не мог удержаться от смеха; настолько потешной была дергающаяся, как лужа на ветру, физиономия Корявого, который даже потом весь покрылся от переживаний.

— Ну, что случилось-то? — успокоившись, спросил Ленька, который до такой степени расслабился от теплоты и уюта, что совершенно не воспринимал всерьез какую-либо опасность.

— Ой, и не говори — случилось так случилось, — Мишка опустил на стул и снял с головы картуз. — Ты понимаешь, фигня какая, решил посидеть на хазе, водочки выкушать, девок пощупать — ну, как обычно. А там — легавые!

— Да ну? — деланно удивился Ленька, для которого подобные новости стали давно уже буднями.

— Да! — почти восторженно продолжал Мишка. — Они мне — заходи, мол. А я чую — что-то не так, слишком уж мертво все. Ну, я развернулся и, знамо дело, по лестнице спускаюсь. А они сзади — р-раз-р-раз! — из револьвера...

— И не попали?

— Так осечка!

— Заливаешь!

— Вот те крест! — Корявый и вправду перекрестился с самым серьезным видом.

— И ты ушел? — продолжал выпытывать Ленька.

— Ушел, конечно. Но не сразу — сперва на меня агент налетел с револьвером. И — р-раз в меня...

— И опять не попал?

— Так я за кучу спрятался, за сугроб. И давай мы с ним палить на всю ивановскую! Но я в него тоже не попал — что-то со шпалером случилось. А потом у нас патроны кончились — в один момент, представляешь?

— И чего?

— Чего-чего. Он хапнул свою сумку и давай перезаряжать, а я бегом. Ну а там — там уж все, как по писаному... Ух, и натерпелся же я, — Мишка покрутил головой и стал опять причитать и стонать, будто старый дед в плохую погоду.

— Да уж, хорошего мало, — посочувствовал Пантелеев, наконец поднимаясь с кровати. — Чай будешь?

— Мне бы водочки, — жалостливо посмотрел на него Мишка. — А то, сам понимаешь, ажно поджилки трясутся.

Ленька еще раз усмехнулся себе под нос и, сняв с полки бутыль, нацедил из нее другу стаканчик. Корявый выпил, занюхал рукавом и забормотал:

— Я, это, Лень, лягу тут немного, поотдыхаю, ладно?

И не успел он закончить этой фразы, как повалился на постель, как сноп, и заснул.

Ленька подошел к нему, посмотрел минутку на храпящего друга, покачал головой и что-то пробормотал себе под нос.

Потом он присел к столу и стал долгим взглядом рассматривать сквозь стеклянные грани стакана ползающую по столу ленивую муху. С каждой минутой взгляд его терял первоначальную мягкость и наливался тупой усталой злостью. С приходом в это утро Корявого в Ленькину жизнь опять вернулось ощущение безысходности.

Посидев немного таким образом у стола, Ленька встал, неторопливо оделся, посмотрел еще раз на сладко храпящего Мишку и вышел на улицу.

* * *

Кондратьев был крайне удивлен этому визиту. Он многое повидал на своем веку, но чтобы личности с такой репутацией оказывали активную помощь следствию — этого пока в его практике не было.

Он смотрел на немного слащавого господина, который сидел перед ним, щеголевато скрестив ноги, и томно разглядывал набалдашник трости.

Перед Кондратьевым лежало личное дело визитера. В личном деле значилось, что Федор Домбровский, бывший выпускник Московского кадетского корпуса, ныне проживающий в Петрогра-

де, был не раз задержан милицией по подозрению в незаконной деятельности, причем список дел был достаточно внушительным. Здесь были и мелкие кражи, мошенничество, аферизм, многоженство и прочие мелкие пакости, за которые расстреливать вроде бы чересчур жестоко, а судить — намаешься. Как бы там ни было, гражданин Домбровский так ни разу и не был судим — всегда за недостатком улик.

По неофициальным данным, которые, как известно, к делу не пришьешь, на данный момент он являлся одним из «королей» организованной преступности. Банда Домбровского, хотя и не внушала ужас населению леденящими душу убийствами, действовала с не меньшим размахом, чем, например, шайка Пантелеева. Только занималась она делами помельче: карманные кражи, мошенничество, попрошайничество и тому подобные мелочи, которыми под силу заниматься даже детям и подросткам.

Именно из подобной категории граждан состояла в основном банда Домбровского. Детей всегда легче держать в подчинении и эксплуатировать, а их «рабочая сила» стоила на редкость дешево. Можно было предположить, что сам гражданин Домбровский давно уже рук не марал, а жил тем, что собирал себе потихонечку дань со своих безропотных подданных.

Вот такой вот субъект заявился в кабинет ответственного агента Кондратьева с серьезным заявлением о том, что он способен оказать следствию неоценимую услугу в одном очень важном

деле. При этом Домбровский не был голословен, а представил детально разработанный план, над которым сейчас и размышлял Кондратьев.

— Ну, хорошо. Мы, конечно, учтем все ваши пожелания и попробуем применить ваши предложения на практике, — официальным тоном проговорил следователь. — Нужно признать, что ваш план замечателен — для непрофессионала, конечно. Но мы и сами можем справиться, так как весь объем проделанной нами работы уже позволяет говорить о некоторых результатах.

На самом деле совершенно измотанный Кондратьев был рад любому, хоть маленькому шансу как-то продвинуться в своих мероприятиях, но ему не хотелось быть чем-то обязанным этому жулику.

— Одного я не понимаю, — продолжал Савелий. — Вам-то что за печаль? Вы-то зачем во все это лезете?

— Видите ли, — мягко отвечал Домбровский. — Я бы, конечно, мог бы вам рассказать трогательную историю о том, как я люблю свою Родину и каким лояльным по отношению к закону гражданином являюсь. Но мы-то с вами — умные люди и понимаем, что весь этот, — он презрительно повел тростью в воздухе, — антураж — для простаков.

— Ну почему... — немного обиженно начал было Кондратьев, но его гость и не собирался умолкать.

— Мы-то с вами знаем, — прищурясь, говорил Домбровский, — что в любых действиях индивида

замешаны личные мотивы, и с этим не поспоришь. Не так ли?

— Допустим, — Кондратьев сцепил руки в замок и положил их перед собой.

— И именно поэтому я вам могу заявить, что во всей этой истории имею чисто личный интерес. Чувство удовлетворенной мести, знаете ли, наиболее сладкое чувство для меня лично...

Кондратьев посмотрел на посетителя с крайней неприязнью и снова опустил взгляд в бумаги.

* * *

Пантелеев немного походил по городу, стараясь избегать мест, которые с большой долей вероятности патрулировались. Он прошелся по своим «явкам», которые теперь менялись с невероятной быстротой — только успевай получать информацию. Цель этого путешествия была сперва достаточно неопределенной. Скорее всего она не была вызвана объективной необходимостью, а являлась следствием развивающейся паранойи. Самым трудным в этот момент было не заикливаться на постоянном ощущении чьего-то пристального недоброжелательного внимания и не хвататься поминутно за рукоятки револьверов.

Кстати говоря, это ощущение не имело под собой реального основания. К тому времени за Пантелеевым не велось постоянного наблюдения по той причине, что он был все так же хитер и неуловим. Только изредка удавалось удержать его в

поле зрения не более пятнадцати минут. Куда он девался после — не растворялся же в воздухе?

Только после того, как физическая усталость взяла свое и Ленька почувствовал, что его голова проясняется и нервы приходят в порядок, он стал думать о том, что делать дальше. Посмотрев на синее небо, Ленька отправился на улицу Лиговскую, где, как обычно, поджидал его «дежурный агент».

На этот раз это был Отстой — неприятный длинноногий подросток с прыщавым лицом и начисто сгнившими зубами. Отстой был в компании новеньким, и Ленька видел его до этого всего лишь пару раз. Впрочем, состав банды беспризорников Пантелеева на данный момент волновал меньше всего.

— Здорово, малый, — проговорил ему Пантелеев, изо всех сил делая вид, что он смотрит в другую сторону.

Пацан прислонился к столбу и, глядя в небо, сказал вполголоса:

— Сегодня взяли Кошелева с сестрой. Из новых засад известна только та, что на Пешке. Свободных хаз две: у Люськи и на Можайской, где Таня и Марина. Пока все.

— Свободен, — Пантелеев сунул в руку Отстоя мятую бумажку и зашагал прочь.

После получения этих сведений настроение у него несколько поднялось. Достав из кармана оставшуюся наличность, Ленька пересчитал ее, удовлетворенно хмыкнул и снова потерялся в переплетении переулков. Он завернул по дороге в не-

которые, только избранным известные места, в которых можно было приобрести все, что угодно. Это были мелкие торговые точки, созданные на манер известного торгового дома Вольмана — великого еврея, отдыхавшего сейчас где-то на нарах, — только с меньшим размахом. Там Пантелеев сделал несколько характерных покупок, которые для него сложили в большую плетеную корзину, и отправился в обратный путь.

Придя на ту хазу, где он оставил Мишку, Ленька застал того в прежнем положении, а именно — на кровати и в глубоком сне. Пантелеев не торопясь разделся, поставил корзину на стол и подошел к Мишке, разбудив его прикосновением своей озябшей руки. Тот немедленно вскочил, потирая горло, развеселив Леньку своим перепуганным видом и вытаращенными глазами. Корявый увидел улыбающегося Пантелеева и выдохнул:

— Фу-ты, черт! Это ты шутишь. А мне, представляешь, змея приснилась. Длинная, скользкая — душит меня и за шею кусает...

— Ладно тебе, просыпайся. Уж день прошел, а ты все дрыхнешь. Я думаю, пора нам отсюда сваливать. Негоже на одном месте так долго сидеть — забелят, — миролюбиво сказал Ленька. — Давай — поднимайся и собирайся.

— Нищему собратся — только подпоясаться, — кряхтя и слезая с кровати, бубнил Корявый. Он сладко зевнул и посмотрел на Пантелеева.

— Ой, а чего это ты сегодня таким франтом? — удивился Мишка. — Именины сердца, что ли?

Ленька и впрямь был, как картинка, в своей новой поддевке офицерского сукна, отделанной мехом котика, кожаной тужурке и галифе. По крайней мере, смотрелся он невероятно мужественно.

— И тебе советую, — отозвался Ленька, стоя у зеркала и приглаживая свои каштановые волосы пятерней. — Сегодня мы с тобой, Мишаня, по гостям идем.

— Да ну? — удивился Мишаня, озабоченно осматривая свои поношенные брюки. — Это с какого же, извини, перепугу? В какие это гости? С нашими свинными рылами?

Мишка криво усмехнулся. Ленька подошел к нему, потрепал по плечу и сказал:

— Ничего-ничего. Там, куда мы пойдем, любому рады и счастливы будут видеть и меня, и тебя — уж поверь мне. А какой праздник? Да самый главный. Ты же, Мишаня, в очередной раз нос натянул нашим врагам, и я не вижу большого греха, если мы с тобой это дело отметим достойным образом. Пусть маленькая победа — но победа, согласен?

Мишка сиял, как начищенный пятак. Его мало волновала мотивировка сегодняшнего мероприятия, потому что он, как большинство людей, а в особенности — людей простодушных, любил праздники просто как таковые.

— А девушки будут? — осторожно поинтересовался он, так как праздник без женского пола, на его взгляд, — это уже просто пьянка.

— Ну а как же без девушек? — подмигнул Ленька, гоголем прохаживаясь перед зеркалом. — Будут и девушки. Шмары с Можайской тебя, надеюсь, устроят?

— Еще бы! — во весь рот заулыбался Мишка, застегивая последнюю пуговицу на гимнастерке.

— Тогда — смело, товарищи, в ногу! — командовал Ленька, распихал по карманам кое-что из оставшихся от последних дел ценностей — всякие колечки-цепочки — и стал обуваться в свои белые валенки.

Проходя мимо стола, на котором громоздилась принесенная Ленькой корзина, Корявый повел носом, зажмурился и спросил:

— Я это чую, или мне это кажется?

— Конечно, чуешь, — уверил Мишку Пантелеев и приоткрыл платок, которым было укутано содержимое корзины.

— Мама дорогая! — весело ужаснулся Мишка, сунув свой острый нос в корзину. — У шмар будет несварение — это точно.

— Ничего, выдержат, — усмехнулся Ленька, любуясь на плоды рук своих.

Его невероятными стараниями корзина была наполнена теми деликатесами, которыми только можно было ее наполнить в это время года и при этом политическом строе. Здесь было темное пиво, копченый угорь, два круга сыра, колбаса и еще куча всего, что могло бы запросто украсить стол самого разборчивого гурмана.

От зрелища и запаха всего этого великолепия невольно плыло перед глазами, а настроение авто-

матически становилось более чем приподнятым. Именно с таким настроением, прихватив одной рукой корзину, а другой — гитару, неизменную свою спутницу, Пантелеев выплыл на улицу в сопровождении разомлевшего Мишки.

Поехали на извозчике, по дороге хохотали, свистели проходящим гражданам и покрикивали на возницу, чтобы гнал свою клячу побыстрее. Прибыв на место, щедро расплатились и зашагали по пушистому еще здесь, на окраине, снегу, к отдельно стоящему небольшому домику. Пантелеев щурился от ветра и что-то весело насвистывал. Он предчувствовал приятный вечер в женском обществе, которого ему в последнее время болезненно не хватало, и был погружен в какие-то совершенно наивные мечтания по поводу своей дальнейшей жизни, которая просто не может не быть приятной — ведь он так молод, здоров, красив и удачлив, наконец.

Толкнув плечом дверь, Ленька, совершенно не глядя по сторонам, прошел в кухню. Мишка поспевал за ним, видя перед собой только широкую Ленькину спину и белый мех его шапки-ушанки.

Совершенно неожиданно раздался грохот, и Мишка увидел, как Ленька вздрогнул всем телом, будто наступил на гвоздь. Потом грохот раздался снова, и Пантелеев грохнулся на пол, дернув ногами, и захрипел. Мишка в ужасе увидел на лбу у Пантелеева красное пятнышко, похожее на бутон гвоздики, Ленькины глаза моментально погасли, а из-под шапки быстро-быстро потекла широким

языком темная кровь. Гитара жалобно звякнула, а одна пивная бутылка покатилась в угол. В следующую секунду Корявый почувствовал укус в шею и посмотрел прямо перед собой.

Он увидел человека в кожанке, в его руке был револьвер, из ствола которого поднималась струйка сизого дыма. Человек злобно посмотрел на Мишку, держа палец на курке, и сказал:

— Соппротивление бесполезно. Сдавайтесь.

Мишка, будучи не в силах оторвать глаз от изуродованного выстрелом Ленькиного лица, медленно поднял руки вверх.

* * *

«Протокол вскрытия трупа.

1923-го года февраля 17 дня Народный Следователь 6-го отделения 1-го Городского района Зейфарт через судебно-медицинского эксперта Московско-Нарвского района Вишневскаго в покойницкой б.Обуховской больницы производил вскрытие трупа гражданина Леонида Пантелеева, убитого 13-го февраля сего года в доме № 38 по Можайской улице. При вскрытии оказалось:

А) Наружный осмотр:

Труп мужчины в возрасте около 30 лет, длина тела 176 см, телосложения правильного и крепкого, питания среднего. На теле обнаружены следующие повреждения:

1) На правой щеке в скуловой области на 3 см впереди наружного слухового отверстия овальной

формы рана; длиной около 1,5 см, шириной до 1/2 см, с ровными краями, окаймленная узким (около 2 мм шириной) темным, плотным на ощупь кольцом обожженной кожи, проникающая в подлежащую верхнечелюстную кость;

2) впереди, ниже, позади от левой ушной раковины обширная рана неправильной формы, с вывороченными к наружу неровными подрытыми краями; длина раны сверху вниз около 8 см, ширина сзади наперед — около 6 см; из раны выдаются разорванные части мышц и осколки раздробленных костей. В окружности ран — засохшая кровь. Лицевые кости, особенно с левой стороны, во многих местах переломлены и раздроблены, вследствие чего лицо покойного представляется деформированным и асимметричным. Имеется перелом правой верхнечелюстной кости, носовых костей, раздробленных нижней челюсти и верхнечелюстной кости.

Заключение

На основании данных вскрытия трупа гражданина Пантелеева должно заключить, что смерть его последовала от сквозной огнестрельной пулевой раны головы с переломом почти всех лицевых и черепных костей и кровоизлиянием в полость черепа, со входным отверстием на правой щеке и выходным отверстием в левой околоушной области. Рана эта безусловно смертельна.

Судебно-мед. эксперт Вишневский».

Эпилог

Новость о том, что Пантелеева убили, разнеслась моментально. Мало того, что об этом писали все газеты с нескрываемой радостью и облегчением, об этом еще и говорили на рынках, на вокзалах, просто на улицах.

— Слышали — Леньку Фартового убили — прямо в засаде, пуля в лоб — и хана! — говорили одни.

— Это вам, случайно, не сам Кондратьев сообщил? — ехидно отзывались другие. — Вот что я вам скажу, все это — выдумки несчастных гэдэушников, которые уже и с ног сбились, за Ленькой бегая. Ну нужно же им чем-то нас порадовать, правда? А Фартовый жив, как мы с вами, и еще всем покажет, где раки зимуют.

Таково было всеобщее мнение: смерть Фартового — не больше чем выдумка властей, призванная успокоить горожан и улучшить сон наиболее состоятельных граждан.

Сам Савелий Кондратьев, смысл жизни которого сузили в последнее время до границ одного-единственного дела, закончив его, снова потерял этот смысл. Совершенно очевидно, что по прошествии некоторого времени он снова принялся за свои прямые обязанности — поимку нечестно живущих граждан. Но все-таки столько сил и столько страсти не отнимало у него больше ни одно мало-мальски серьезное дело. К сожалению, Кондратьев не оставил после себя никаких литературных трудов на тему «Как я ловил Пантелеева».

Подвиг сыскного агента увековечен только во множестве пухлых папок с документами по делу, что пылятся теперь где-то в архивах.

Со смертью Ленки прекратила существование и его великолепная банда. Мишка Корявый, потрясенный тем, что жестокое убийство Ленки произошло буквально у него на глазах, сдался властям без малейшего сопротивления.

Утонченный гений среди взломщиков — Сашка Пан — тоже пробыл на свободе недолго. Его взяли в тот же день, причем взяли позорно и буднично, как мелкого мошенника. Он, сраженный страшной новостью о гибели Пантелеева и чувством потери главной своей опоры, прятался у своего знакомого торговца на квартире, когда туда с обыском пришли агенты ГПУ.

Не найдя другого выхода, Пан в ужасе залез под высокую кровать, на которой «спал» хозяин квартиры. Прежде чем открыть агентам дверь, торговец завесил кровать целой грудой одеял, а потом и сам улегся сверху.

Поискав немного по небольшой квартире, агенты, к своему удивлению, не нашли следов пребывания интересовавшего их человека и уже было собирались уходить, как один из них, бросив случайный взгляд на пол, увидел нечто, что его очень развеселило.

— Смотри-ка, — толкнул он в бок одного из товарищей, указывая на торчащий из-под кровати каблук ботинка.

Действительно, под кроватью оказался Пан, которого, посмеиваясь, извлекли оттуда. Сашка

вылез грязный, пыльный и совершенно уничтоженный. Его тут же повязали. В карманах Пана нашлось немало драгоценностей, которые числились украденными за последний месяц.

После того, как Сашка и Корявый были допрошены, последовала лавина арестов, в которую попали все те, кто оказывал банде хоть какую-то помощь. Их число было достаточно внушительным — не менее полусотни человек. Для банды всего лишь с месячным стажем это было впечатляющим результатом.

Тем не менее многие не поверили в смерть Пантелеева. К тому же стал известен случай, вполне закономерный, когда два молодца ворвались в квартиру на знаменитой улице Третьего июля и назвались Пантелеевым и Лисенковым (Мишка Корявый) к сущему ужасу жильцов.

Эти настроения стали известны властям. Было издано специальное постановление, которое предписывало принять самые решительные меры к пресечению всяческих слухов.

Таким образом Пантелеев уже после смерти сыграл еще одну роль, наверное, одну из самых запоминающихся за время своего существования. Его тело отдали в руки «мастеров», которые, приложив некоторые усилия, «отреставрировали» изуродованное выстрелом лицо Пантелеева, подмазали, подкрасили и привели в полное соответствие с оригиналом.

После этого труп Пантелеева был выставлен в покойницкой, и к нему был открыт свободный

доступ. Мол, смотрите сами и не говорите потом, что не видели.

Это зрелище, которое должно было в какой-то мере стать показательным для обывателей, стало не менее показательным для властей. Паломничество к телу не прекращалось ни днем, ни ночью. Огромное количество народа пришло посмотреть на мертвого «героя», толкотня стояла ужасающая.

Говорили, что среди желающих посмотреть на Леньку замечена была его «первая любовь» — Лидия Лудэ. Но это наверняка только слухи. По другим сведениям, ее отыскиали и судили гораздо раньше.

Таким образом закончилась жизнь легенды. Вместе с жизнью человека.

О Пантелееве еще немного поговорили, а потом забыли.

Литературно-художественное издание

Михаил Князев

ЛЕНЬКА ПАНТЕЛЕЕВ

Ответственный редактор *С. Рубис*
Редактор *В. Алексеев*
Художественный редактор *В. Щербаков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Е. Родишевская*

В оформлении использованы фотоматериалы *Н. Маслова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.03.2001

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 12 100 экз. Заказ 3159

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2

Единая справочная служба: (095) 974-21-31

E-mail: mgl@logosgroup.ru

contact@logosgroup.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Унитрон индастри». Книжная ярмарка в СК «Олимпийский».

г. Москва, Олимпийский пр-т, д. 16, метро «Проспект Мира».

Тел.: 785-10-30. E-mail: bookclub@cityline.ru

Дистрибьютор в США и Канаде — Дом книги «Санкт-Петербург»

Тел.: (718) 368-41-28. **Internet: www.st-p.com**

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».
Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90

Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86

Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ГУП ОЦ МДК «Дом книги в Коптево». Тел.: 450-08-84

Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 31/1

Любите читать?

Нет времени ходить по магазинам?

Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” – то, что вам нужно!**

Раз в квартал вы **БЕСПЛАТНО** получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: **101000, Москва, а/я 333.**

Телефон “горячей линии” **(095) 232-0018**

Адрес в Интернете: **<http://www.eksmo.ru>**

E-mail: **bookclub@eksmo.ru**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

ВНЕ ЗАКОНА

Риск и азарт – братья удачи

Герои этих книг загнаны в угол. Они вынуждены самостоятельно восстанавливать справедливость. Как правило, им с законом не по пути. Они становятся желанной добычей и для преступников, и для милиции. Кто в итоге окажется быстрее и хитрее?

НОВИНКИ ВЕСНЫ '2001:

С. Рокотов «Мне тебя заказали»
В. Пронин «Победителей не судят»
С. Рокотов «Час совы»

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

издательство
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

«КРИМИНАЛ»

Чем живут современные бандиты? Как расширяют сферы влияния преступные группировки? Почему все операции правоохранительных органов для них подобны комариным укусам? Как происходит слияние преступности и власти? Как действуют аферисты, воры, грабители и как от них убежать? Настало время разобратся.

**Серия «Криминал» – РЕАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ,
ПРОВЕРЕННЫЕ ФАКТЫ**

НОВИНКИ ВЕСНЫ 2001:

В. Солонин «Девочки по вызову»

В. Карышев «За «базар» – ответу»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

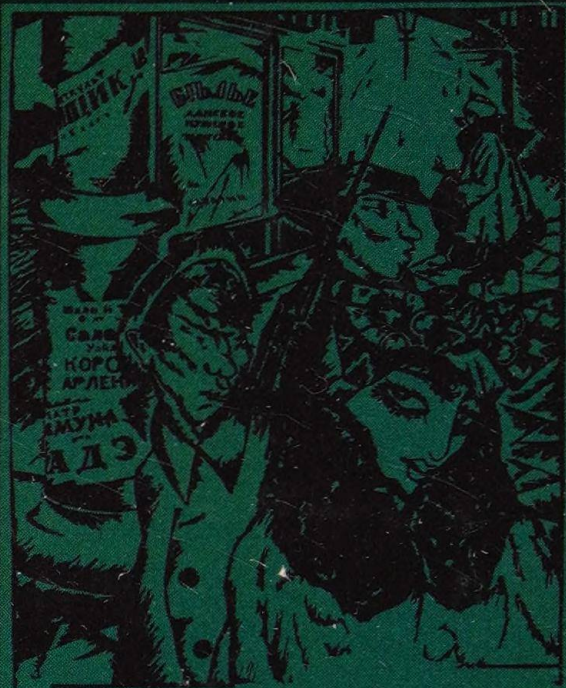
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

Михаил Князев родился в Москве.

После окончания исторического факультета МГУ Князев работал в Центральном Историческом архиве.

В 1986 году получает доступ к секретным архивам и начинает публиковать свои первые статьи в центральной прессе. Параллельно оканчивает Московский заочный юридический институт, что позволяет ему взглянуть на многие известные исторические факты с точки зрения профессионального юриста.

В настоящее время является независимым юрисконсультom, а также продолжает заниматься литературной деятельностью.

ШИКАРНО ГРАБИЛ И ШИКАРНО ЖИЛ

Одно его имя повергало в ужас напманов всех мастей. Он был везуч, нагл и талантлив. Он очаровывал женщин, даря им шубы и золотые кольца, и те в ответ поставляли ему информацию о богатых клиентах. Ленька Пантелеев являлся королем налетчиков и самой колоритной фигурой среди лихих людей Питера. Для него не существовало невозможного. Он мог убежать из тюрьмы в ночь перед оглашением приговора и дерзко ограбить одну квартиру за другой под носом у лучших сыскарей ГПУ. Для него жить означало воровать, умереть, то только в драке. а такого человека, прозванного в народе Робин Гудом, не оставит равнодушным. Ле Пантелеев по кличке Фантал легендарным при жизни. — легенды живут долго. Э — лишнее тому подтвержд

